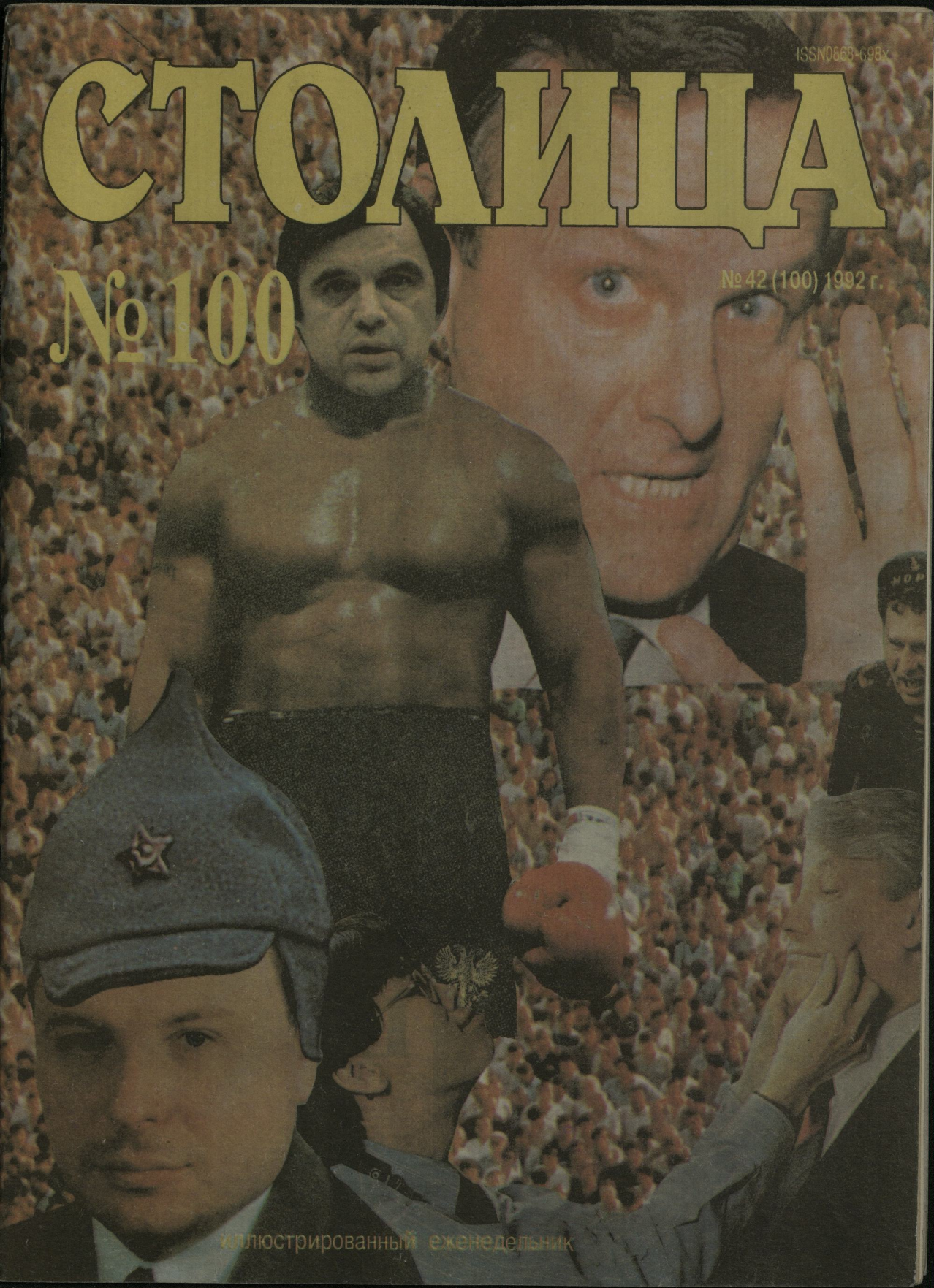
ISSN0868-698X

СТОЛИЦА

№ 100

№ 42 (100) 1992 г.



иллюстрированный еженедельник

RESOURCE

ВНИМАНИЕ!

МКБ «Ресурс-банк» сообщает

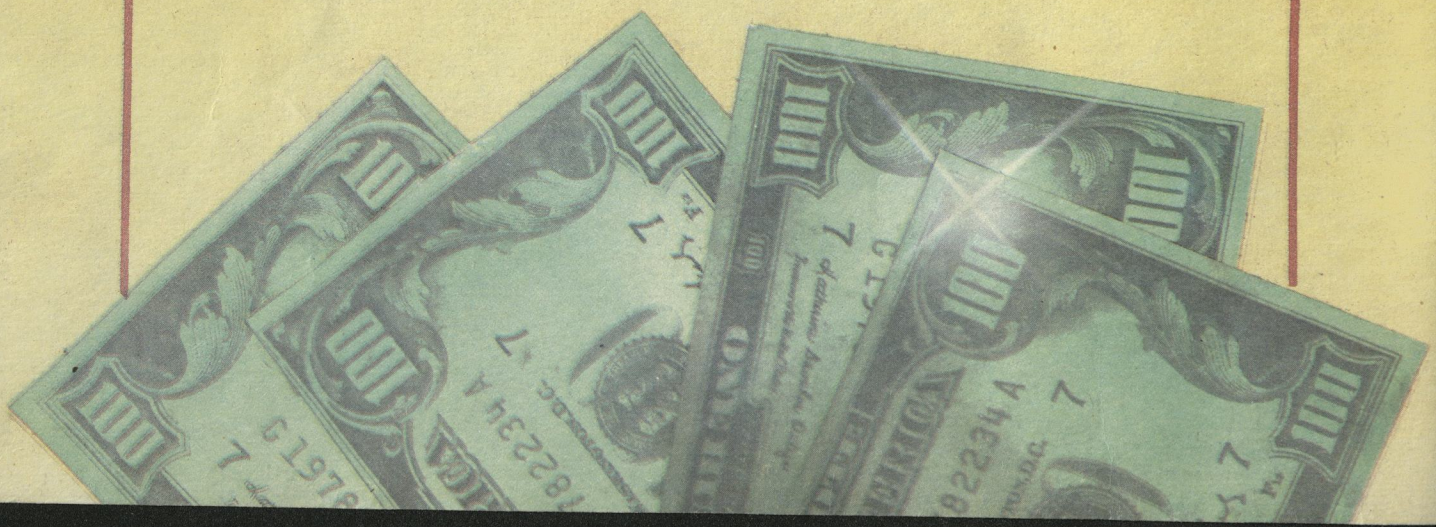
НОВЫЙ АДРЕС:

109240, Москва,
Верхняя Радищевская, 2
(проезд до ст. метро «Таганская»)

Телефон:
(095) 297-62-48

Банк осуществляет покупку-продажу иностранных валют для организаций и граждан по адресам: ул.Тверская, д.11; гостиница «Измайлово», корпус «Б».

Банк оказывает услуги организациям по инкассации.



Максим СОКОЛОВ

СМЕРТЕЛЬНЫЙ ЯД ЕГО ЛОБЗАНЬЯ

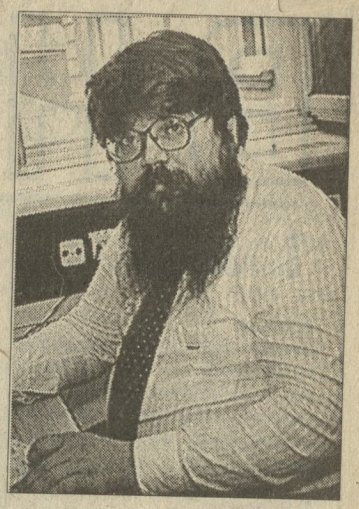


Фото Э.Кудрявицкого

В попытке объяснить, почему перенесение иноземных изобретений на русскую почву с досадной неизменностью приводит к совершенно конфузным последствиям, пока что выдвигалось три версии. Наиболее рьяные самобытники полагают, что Запад гниет, что все там гадко и, если заимствовать дрянь, так дрянь и получится. Умеренные самобытники полагают, что достижения западной цивилизации вырастают у себя на родине естественным образом и потому приносят пользу своему природному отечеству, перенесенные же на неподготовленную российскую почву, они плохо на ней приживаются и от механического заимствования получается один вред — «что нужно Лондону, то рано для Москвы». Наконец, энергические западники, считая заграничные достижения вполне подлежащими пересадке на российскую милую землю, с огорчением констатируют, что, заставь дурака Богу молиться, он себе лоб расшибет. Общим для таких, казалось бы, различных воззрений является убежденность в том, что влияние (хорошее или дурное) заграницы на наше отечество носит односторонний характер и направлено из Лондона в Москву, а никак не наоборот.

Между тем неустанные поиски идеального заграничного хозяйственного образца оказываются губительны не только для родного хозяйства — этим кого-нибудь удивить трудно, — но, как ни странно, и для стран, взятых за образец, что гораздо более необычно и заставляет припомнить рассуждения о сглазе, порче, черном глазе и т.д. В то же время крайне удивительно, отчего — при чрезвычайной любви нашего просвещенного общества к астрологам, некроманам, экстрасенсам, инопланетянам и тому подобной высокодуховной публике — данный любопытный и несомненный случай сглаза остается без внимания нашей столь склонной к тайновидению общественности. Предоставляя столпам оккультизма найти объяснение данному феномену, ограничусь кратким обзором случаев воздействия российских черных очей на хозяйственную жизнь наших соседей.

Список черномагов открывает член Политбюро ЦК КПСС Е.К.Лигачев. Поставленный партией поднимать сельское хозяйство, Егор Кузьмич в сентябре 1989 года отыскал образец для нашего отечества в глубоко кооперированном и процветающем агропромышленном комплексе ГДР. Там же он подружился с членом Политбюро ЦК СЕПГ тов. Вернером Кроликовским, который в силу своей говорящей фамилии заслуженно занимал пост куратора восточногерманского АПК. Отдача последовать не замедлила: спустя месяц с небольшим Берлинскую стену сломали, ГДР явочным порядком воссоединилась с ФРГ, кооперированный АПК оказался в страшном прогаре, а тов. Кроликовский — в казенном доме.

Тут Кузьмичу наследовал Ильич. Член ЦК КПСС, знатный строитель Н.И.Травкин был направлен с делегацией на предмет изучения опыта в Шведское королевство. Видимо, Н.И.Травкин был за границей первый раз и столь же сильное впечатление произвел бы на него и какой-нибудь Тайвань, общественно-политическое и социально-экономическое устройство которого сильно отличается от шведского. Но случилось то, что случилось, и Н.И.Травкин стал горячим пропагандистом шведского социализма. Заветы Ильича пришлись по сердцу и высокопоставленным перестройщикам из горбачевского окружения: полезные завоевания социализма в виде несусветно раздутого социального страхования удачно сочетаются с ценными завоеваниями капитализма — частной собственностью, парламентаризмом и порнографией. Более того, для пущего традиционализма даже король имеется.

Идея, конечно, имела и недостатки. Насадить скандинавскую модель в России, т.е. присобачить шведскую распределительную надстройку к эфиопскому экономическому базису и притом сделать это не в тихой патриархальной стране с более чем восьмимиллионным мононациональным населением, к тому же без малого два века не знающей, что такое война, а в стране с разноязыким населением в сорок раз больше, да еще как следует перемешанной сталинской чертовой мешалкой, — затея, свидетельствующая о немалой самоуверенности. Впрочем, до серьезной полемики дело так и не дошло: налоги в Швеции (равно как и трудовая мораль) доехали до столь несусветного уровня, что после шестидесятилетнего владычества социалисты с треском провалились на выборах и новое правительство решило оскандалившуюся шведскую модель потихоньку прикрывать. Тихое северное королевство утратило притягательность для российского ума, и только верный своей первой любви, Н.И.Травкин, управляющий родным г.Шаховская, продолжает составлять распределительные списки и выколачивать субсидии из центрального правительства на предмет построения шведско-шаховского экономического чуда.

После шведского фиаско маятник экономических умонастроений качнулся в сторону буйного экономического либерализма, наблюдаемого в Североамериканских Соединенных Штатах, а львами настоящей минуты

Окончание на с.6

СТОЛИЦА № 42 (100), 1992 Общественно-политический иллюстрированный еженедельник

В НОМЕРЕ

1 ПОЛИТИКА

В.Копин:
Власти охотно размышляют о том, что же они такое и какими они должны быть. Все власти жалуются на ее недостаток. Куда же она подевалась? 7

В.Воронов:
Шли годы, и Африка становилась родней и ближе — все было как дома, особенно наш армейский маразм. Но всему приходит конец. Вернулись на родину наши военные: кто с добычей, кто в цинковом гробу, а кто с кучей армейских баек... 9

О незабываемых часах, проведенных анонимно и нелегально на подпольной сходке активистов Российской коммунистической рабочей партии, рассказывает наш корр. **А.Б.** 14

2 ЭКОНОМИКА

А.Конаныхин, президент ВББ:
Банкротство Всероссийского биржевого банка, Всероссийской биржи недвижимости, Международной универсальной биржи вторичных ресурсов будет трагедией для многих тысяч людей, доверивших им свои деньги! 18

Г.Явлинский:
Необходим политический процесс реализации концепции новой российской целостности, нового федерализма, новой интеграции. Добровольной. 20

Современная ЮАР — это страна, совершенно не приспособленная для приема иммигрантов, считает миллионер-эмигрант из России **Марк Шуан.** 22

3 ЖИЗНЬ

Жизнь президента прервется насильственным путем, уверяет нас известный астролог **Павел Глоба.** 28

А.Боссарт:
Мы вступили в новую мифологическую эру — хронического катарсиса. И назвали беду переходным периодом, и сказали о бедствиях, что они закономерны. 30

Е.Салина:
«Этой женщине 38 лет. По образованию она журналист, работает литературным редактором в специальном, профильном журнале. Три года назад оставила семью — мужа и 14-летнюю дочку — и ушла к другому мужчине».

36

4 КУЛЬТУРА

М.Ардов:
Посмотрим, какое, собственно, «благо» совершили в весенней Москве тридцатых годов внезапно появившиеся в ней сатана и его свита:
1. Толкнули под трамвай председателя правления МАССОЛИТА М.А.Берлиоза и отрезали ему голову.
2. ...
3. Выкинули в одних подштанниках из Москвы на Ялтинский мол похмельного директора театра Варьете Степу Лиходеева...
4. ... 55

Ю.Карабчиевский:
«Уезжаю. Покидаю Израиль, возвращаюсь в Россию...» 58

Москва, 101425, ГСП, К-51, Петровка, 22
Телефоны: 928-23-49, 921-67-45
Телефакс: 921-29-85
Телекс: 413739 SU

Главный редактор: Андрей Мальгин
Заместители главного редактора: Петр Смирнов, Владислав Старчевский, Владимир Цыбульский
Заместитель главного редактора по коммерции: Юрий Бычков
Директор издательства: Борис Рабкин
Ответственный секретарь: Анатолий Остроухов
Главный художник: Владимир Петров
Штатные обозреватели: Михаил Поздняев, Александр Тимофеевский
Приглашенные обозреватели: Валерий Выжутович, Наталья Иванова, Валерий Кичин, Леонид Радзиховский, Валерий Туровский, Сергей Чупринин
Специальные корреспонденты: Алла Боссарт, Денис Горелов, Николай Малинин
Отдел общественно-политической жизни: Сергей Митрофанов, Александр Касатов, Илья Раскин, Борис Глебов
Отдел экономики и науки: Елена Колесникова, Аэлита Ефимова, Григорий Крошин
Отдел правовых и морально-этических проблем: Елена Салина, Ксения Климова, Николай Попов
Отдел искусств: Татьяна Савицкая, Марина Каминарская, Ирина Любарская, Михаил Смоляницкий
Отдел оперативной информации: Кирилл Рыбак, Елена Аверина, Алексей Беляков, Эдуард Дорожкин, Евгений Степанов
Отдел международной жизни: Консуэло Сегура, Андрей Голубов
Отдел писем: Наталья Туровская, Екатерина Гончаренко, Алексей Митрофанов
Заместители ответственного секретаря: Олег Проханов, Аврора Пружинина, Наталья Ударцева, Ирина Пономаренко
Художественные редакторы: Равиля Катеева, Людмила Коновалова, Ирина Мельникова, Эмилия Петрова
Заместитель главного художника: Виктор Резников
Художник: Александр Заяц
Бильд-редактор: Татьяна Антоненкова
Фотокорреспонденты: Эдуард Кудрявицкий, Владимир Шишов
Заведующий фотолабораторией: Владимир Косарин
Технический редактор: Динара Джафарова
Операторы фотонабора: Маргарита Булавинцева, Владимир Дворецкий, Ирина Красновская, Светлана Потехина, Анастасия Щукина
Справочно-библиографический отдел: Евгения Чернухина, Людмила Алькина, Елена Ратнер, Любовь Цыцарева, Дарья Щегольская
Корректоры: Галина Новикова, Тамара Голубкова, Наталья Полякова, Елена Худыш, Валентина Борисова
Планово-финансовый отдел: Галина Попова, Марина Горлова, Валентина Иванникова, Татьяна Благовещенская, Вера Ефимова, Татьяна Шитикова
Юрист: Людмила Лешина
Издательство: Григорий Вайсман, Валентина Савина, Тамара Свинарева, Сергей Степанов, Надежда Шабунина, Елена Хохрякова, Анатолий Горохов, Рустам Юнисов, Евгения Кедрова, Наиля Ермакова
Отдел распространения: Ирина Думанская, Любовь Баланина, Игорь Волков, Вера Козлова
Рекламно-коммерческий отдел: Татьяна Фомичева, Дмитрий Александров, Виктор Белик, Зоя Бределева, Эльвира Бурнакова, Вадим Кантор, Дмитрий Ковальчук, Валерий Разуваев, Мария Русанова, Дмитрий Семеник, Станислав Семенцов, Сергей Синявин, Наталья Цирина
Заведующая приемной: Татьяна Травинская
Секретари: Ольга Зотова, Наталья Стародубцева, Лариса Смирнова, Диана Камская
Машинистки: Людмила Кузнецова, Марина Воропаева, Ирина Жукровская, Анастасия Карева, Татьяна Михалева, Любовь Якубец
Курьер: Сергей Еремин
Водители: Анатолий Петрушин, Александр Спиридонов

Еженедельник «Столица» учрежден Моссоветом 2 июня 1990 г. Зарегистрирован Государственным комитетом СССР по печати. Свидетельство о регистрации № 84.

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции. При перепечатке ссылка на «Столицу» обязательна. Редакция в переписку не вступает.

С предложениями о размещении рекламы звоните по телефону:
923-19-71, 928-83-40

По вопросам распространения обращайтесь по телефону:
928-27-69

Номер набран и сверстан в фотонаборном центре еженедельника «Столица» на системе «Скантекст—2000», поставленной фирмой «Аутопан» (ФРГ)

Номер подписан в печать 16.10.1992 г.
Тираж 140.000 (1—100.000)
Цена договорная

Над номером работали: В.Цыбульский, А.Пружинина, И.Мельникова, Э.Петрова

© **«Столица»,1992**

Отпечатано в издательско-полиграфическом комплексе «Московская правда», ул. 1905 г., д.7. Зак. 3808

СОТЫЙ НОМЕР

Казалось бы, вот только что мы собирались в тесных комнатах на Новом Арбате, придумывая наши первые номера, казалось бы, еще вчера боролись за типографию, за право попасть в киоски наряду с другими изданиями, лихорадочно искали бумагу, чтобы печатать журнал, и деньги, чтобы заплатить за бумагу, — и вот уже 100 номеров «Столицы» за плечами. Честно говоря, верится с трудом.

Ибо каждый из них давался нам ой как непросто. Так и подмывает сейчас рассказать читателю о тех трудностях, которые пришлось преодолевать в минувшие два с лишним года. Но лучше этого не делать: жалобы печатных органов на жизнь стали в наши дни, кажется, уже общим местом. Одно могу сказать: мы боролись, рассчитывая исключительно на собственные силы, не призывая помощников со стороны. Даже Моссовет, наш учредитель, не дал нам ни копейки — ни в уставной фонд, ни в качестве «подъемных» на первое время. Тем не менее мы бесконечно благодарны учредителю за то, что он не вмешивался в нашу работу. Ни разу ни председатель Моссовета, ни его заместители, ни члены президиума не позвонили главному редактору и не высказали своего мнения об уже опубликованных материалах или о том, что, по их мнению, желательно публиковать. Спасибо им за это.

Редакция «Столицы» начала жить в условиях рынка раньше, чем большинство иных изданий, которые он застиг врасплох. Может, именно это обстоятельство позволило нам удержаться на плаву тогда, когда многие пошли ко дну. Мы выполнили все обязательства перед подписчиками: в этом, сложном, году не проводили переподписки (и подписчики до сих пор получают номера, за которые заплатили в прошлом году по рублю), не делали перерывов в выходе журнала, не изменили периодичности или объема журнала.

Более того, мы стремились облегчить нашим постоянным читателям их жизнь. Для подписчиков 1992 года провели лотерею с большим количеством ценных призов. Сейчас мы повторяем ее — для тех, кто подпишется на 1993 год, причем в число призов мы включили такие необходимые вещи, как телевизоры, холодильники, электротовары, а также денежные призы. В этом году многие читатели воспользовались льготами при медицинском обслуживании в хозрасчетных центрах, которые два месяца оплачивались из бюджета редакции. В будущем году наши подписчики смогут застраховаться с 50-процентной скидкой в страховой компании «Аско». Мы также намерены повторить наши акции по льготному медицинскому обслуживанию.

Следите за журналом!

Мы получили за это время многие тысячи писем. В них содержится поддержка нашей позиции, советы, предложения, как делать журнал лучше. Наши журналисты почерпнули во многих письмах интересные темы, по которым подготовили статьи. Мы благодарны читателям за такую обратную связь. Не менее ценным стало для нас мнение коллег-журналистов. Большие, обстоятельные статьи о нашем журнале довелось прочесть в других журналах, десятки изданий ссылались на наши публикации, полемизировали с нами. Специальные программы, посвященные журналу «Столица«, выходили в эфир по Российскому, Московскому, Петербургскому каналам телевидения. Конечно, приятно находиться в центре внимания. Но и опасно: некоторые издания, ярко вспыхнув в последнее время, столь же быстро угасали, не выдержав бремени популярности, чрезмерно переоценив свои силы.

Мы знаем, для кого работаем. Нас читают инженеры, врачи, учителя, ученые, представители творческой интеллигенции, квалифицированные рабочие, военные, бизнесмены новой волны... Главным образом те, кого классики марксизма называли уничижительным словом «прослойка» и на ком в нормальном обществе держатся порядок и стабильность, — так называемый «средний класс».

Со своего первого номера мы заявили себя как антикоммунистическое издание. Тогда еще действовала пресловутая 6-я статья Конституции, МГК КПСС не давал «Столице» печататься в московских типографиях, а многие перестроечные издания выходили под трусливым лозунгом «Больше социализма!». Теперь, казалось бы, враг повержен, компартия под запретом, коммунисты в глухой оппозиции. И все же враги у нас остались прежние: КГБ (как бы он ни назывался) и номенклатура, высасывающая соки из своего народа. Думается, в августовские дни 1991 года все-таки был шанс сломать хребет двум этим монстрам, обеспечив демократическое развитие страны. Президент наш, к сожалению, этого не только не сделал, но и опирается в настоящее время на обе эти, доставшиеся нам от прошлого, структуры. Конечно, время все расставит по своим местам и когда-нибудь Россия станет подлинно демократической, свободной страной. Жаль, если это произойдет ценой новой крови, новых жертв.

Все мы переживаем трудные времена. Уродливый экономический организм псевдосоциализма разрушается, и параллельно создается новый механизм, новые структуры. Общество расслаивается по критериям благосостояния: появляются богатые и даже очень богатые люди. Это объективный процесс, конечный результат которого — лучшая жизнь для каждого члена общества. Но психологически общество не готово к таким подвижникам, и навряд ли наше поколение окажется свидетелем социальной гармонии. Вот почему наша задача — не разжигать страсти в социальной сфере, а помочь людям разобраться в той новой жизни, которую они (пусть зачастую и против своей воли) начинают. Как объяснить людям, что бесполезно требовать от властей квартиры, льготы, низкие цены на те или иные товары? От властей надо требовать другое: создания возможности заработать денег на квартиры, необходимые вещи, машины и так далее... Увы, как и прежде, когда государство отнимало у нас все, а потом выдавало по своему разумению, так и теперь, когда вроде бы мы вступили в пору рыночной инициативы, чиновник продолжает оставаться главным действующим лицом общественного устройства. Инициатива душится, предпринимательство преследуется, а новое дело невозможно начать без взяток, нарушения законов, борьбы — один на один — с преступным миром. Мы будем стараться в меру своих сил поддерживать нарождающееся в муках предпринимательство.

Империя рассыпалась как карточный домик, экономика агонизирует, люди терпят лишения и беды, но — удивительное дело: культура наша жива, и буквально недели не проходит без творческого открытия. И сколько бы ни говорили о кризисе театра или кризисе кино, мы видим, как во всех видах и жанрах искусства создаются новые интересные произведения, приходят новые люди со своим видением мира, со своим творческим почерком. И «Столица», если вы заметили, все больше места отдает разделу культуры. Об этом, кстати, просят многие наши читатели, охладевшие в последнее время к политическим дискуссиям, уставшие от обсуждения экономических вопросов. Что ж, мы будем идти навстречу и этим читателям: будем публиковать чаще, чем раньше, хорошую прозу, обзоры художественной жизни, статьи о живописи, театре, телевидении, новинках кинематографа и книгоиздания.

Вот и все, что хотелось сказать по случаю выхода 100-го номера журнала «Столица». Мы не хотим устраивать пышных юбилеев, и этот номер ничем не отличается от предыдущих 99 выпусков журнала. Жизнь продолжается. Через неделю выйдет 101-я «Столица»...

Андрей МАЛЬГИН

ИДЕТ ВОЙНА НАРОДНАЯ... ЧТО ТЕПЕРЬ БУДЕТ С НАРОДОМ?

Свершилось. Только что на наших глазах сбылось пророчество одного из авторов журнала «Век XX и мир» — границы Афганистана вплотную приблизились к границам Краснодарского края (три года назад это воспринималось лишь как публицистический эпатаж)... Кровавый спазм начала октября в Абхазии сделал, кажется, почти неизбежной перспективу долгой войны на истощение у самых границ России. Столь же неизбежным представляется втягивание в эту войну северокавказских автономий РФ, что в свою очередь сулит самой России тяжелые испытания на ее собственной территории. Беженцы, преступность, милитаризация всего жизненного уклада, усиление авторитарного контроля местной исполнительной власти — все это предстоит испытать Южной России в случае превращения абхазской войны во вторую Кавказскую.

(Напомню: первая Кавказская война продолжалась в общей сложности несколько десятилетий и унесла многие сотни тысяч жизней. Об этом мало кто сегодня вспоминает в России, но зато очень хорошо помнят на Кавказе. Там трудно об этом не помнить: названия городов — Владикавказ, Грозный — напоминают об этом ежечасно.)

В любом случае занявшийся на наших глазах пожар — на годы. И он вряд ли обойдет нас стороной, что способно вогнать в глухое отчаяние. С другой стороны, обыденный наш опыт подсказывает, что бесконечных войн не бывает. Насилие не может продолжаться вечно, и в определенном смысле мир неизбежен. Но как и чем конкретно могут закончиться десятки кажущихся бесконечными малых и больших национально-государственных и этнополитических войн на территориях б. СССР?

Опыт прошлого вряд ли подскажет нам возможный исход нынешней Великой Смуты на развалинах империи. Здесь нужно мышление большими циклами.

Говорят, что «война простому человеку не нужна», что в ней заинтересованы только политики, делающие на ней себе имя и карьеру, консолидирующие свою власть перед угрозой извне. Но большинство из идущих в б. СССР войн уже превратились в народные — в том смысле, что психологически в них втянуты миллионы людей. Сложились устойчивые группы населения, материально заинтересованные в продолжении войны как можно дольше, подрастают поколения, вступающие во взрослую жизнь с оружием в руках и ни к чему, кроме этого оружия, не приученные, не приспособленные, не привыкшие... Потная трудовая жизнь кажется пресной, темной и неинтересной по сравнению с героическими военными буднями. Эти люди уже не сложат оружие сами. Рассказывают, что в Южной Осетии уже после перемирия группа подростков по ночам обстреливала поочередно позиции грузинских и осетинских войск, а когда между теми начиналась пальба и местное население пряталось в подвалы, они спокойно шарили по оставленным квартирам. Кончили они плохо, но до того в организованных ими перестрелках погибли десятки людей. Не поручусь за стопроцентную достоверность рассказа, возможно, это один из мифов, рожденный смутным временем, но весьма похоже на правду.

Фото ИТАР—ТАСС

К ужасам нельзя привыкать. Но заставляют

Но даже если отбросить чисто криминальный аспект, нормальную для войны деградацию нравов, остается фактор рождения «нового порядка». Война делает незыблемыми авторитет и положение полевых командиров и военных лидеров, для многих из которых сегодня расстаться с оружием означает спуститься на несколько ступенек социальной пирамиды вниз. Что ожидает, например, тех российских офицеров (сегодняшних или завтрашних отставников), которые сражаются сегодня как «добровольцы» на всех фронтах Кавказа, в случае прекращения войны? Потеря источника неплохого дохода, квартиры в Баку, Тбилиси или Сухуми, перевод на Северный Урал или в Забайкалье?

Война начинает кормить сама себя. Складывается специфический тип личности, известный во всех внутренних войнах, включая нашу первую гражданскую войну, — тип атамана, «батьки», кондотьера вроде недоброй памяти приднестровского подполковника Костенко...

В этой ситуации наиболее реальным исходом является, увы, не демократический протест народов против войны, а установление жестких национально-авторитарных режимов. В ситуации политического плюрализма ни одно правительство не сможет пойти на широкие уступки, без которых невозможен компромисс и мир, ибо оппозиция мгновенно обвинит его в национальном предательстве. Заключить мир и удержать власть одновременно может только режим, не считающийся или подавивший оппозицию. Легко отследить, насколько усилились структуры исполнительной власти (в очевидный ущерб представительной) за время боевых действий в Молдове и Приднестровье, в Армении и Азербайджане. На наших глазах идет формирование военно-авторитарного режима в Грузии. Война легитимирует власть правительства. Мир может поставить эту власть под угрозу. С этой, безусловно циничной (если это слово уместно применить к анализу), точки зрения войны могут завершить лишь те, кто их начал, — национальные политические элиты. И только после того, как их реальные цели в этих войнах будут достигнуты. Реальными же целями были повсеместно захват власти у старых коммунистических элит, легитимизация, удержание и консолидация ее.

Народные войны ведутся до победы, войны политических элит — до достижения рациональных результатов. Остается надеяться, что бесконечная «народная война» новой элите в конце концов будет не нужна. Поэтому неизбежным этапом на пути к миру является жестокое «наведение порядка» внутри каждой из воюющих сторон. (Условно говоря, устранение подполковника Костенко и ликвидация подростков-провокаторов под Цхинвалом.)

Такой жутковатый взгляд на вещи способен, как ни странно, внушить некоторый даже оптимизм: ведь как только реальные цели достигнуты (как это произошло сегодня в Армении и Азербайджане), стороны начинают искать уже не недостижимой объективно победы, а способа выхода из войны без потери лица и — главное — власти.

Андрей ФАДИН

«ОСВОБОДИТЕЛЬ, ОСВОБОДИ ПОМЕЩЕНИЕ!»

Суть всех комментариев к выселению «Горбачев-фонда» можно уместить в два тезиса: все уверены, что это наказание Горбачеву за отказ явиться в Конституционный суд, и всех забавляет симметрия нынешней ситуации по отношению к событиям 1987—1989 гг. — гонимый и гонитель поменялись местами. Между тем очередное столкновение

двух «отцов русской демократии» обнажает, на мой взгляд, обстоятельства и проблемы, далеко выходящие за рамки их личных отношений.

Начать с того, что с формально-юридической точки зрения действия Ельцина совершенно законны: реквизируемые здания принадлежат Российскому государству, и фонд использовал их исключительно по согласию с ним. Не стало согласия — не будет и использования.

Но ведь это означает, что какими бы то ни было независимыми исследованиями фонд мог заниматься лишь до тех пор, пока действия его (или его руководителей) не слишком раздражали «хозяев дома» — российские власти. В сущности, неважно, чем им так уж не потрафил Горбачев, важнее то, что сколь угодно знаменитого и авторитетного в мире российского гражданина по-прежнему можно росчерком пера лишить всего, что у него есть, и при этом не нарушить действующего законодательства. То есть все мы как были, так и остались в полной зависимости от благорасположения к нам всемогущего государства, сохранившего не только неограниченные возможности, но и неиссякаемое желание ими пользоваться. Хуже того — власть по-прежнему не видит разницы между Россией и собой.

Можно, конечно, утешаться тем, что Горбачев, в общем-то, получил мерой за меру. Не будем вспоминать пресловутую опалу Ельцина, но разве не Горбачев в свое время добивался снятия главного редактора «АиФ» В.Старкова — за публикацию непричесанных социологических данных? Разве не он подмахнул указ, в одночасье лишивший генерала Калугина всех наград — и тоже не за преступления или хотя бы упущения по службе, а за «неправильные» выступления в печати? А погром на телевидении, устроенный «выполнявшим волю президента» Л.Кравченко? И ведь тогда все это тоже облекалось в правильные словеса и вроде бы никаким законам не противоречило. Да, кстати, и сами законы, допускающие подобные манипуляции, нынешняя власть всего лишь унаследовала от команды Горбачева. Право же, все-

сильному генсеку-президенту стоило превратиться в частное лицо ради одного лишь того, чтобы оценить, как выглядит с этой точки зрения все это «разумное», «демократическое» и «соответствующее мировым нормам» законодательство. Вот только жаль, что приобретенный опыт он уже не сможет использовать на практике.

А вот Ельцин, между прочим, имеет такую возможность. И мог бы припомнить свои ощущения в те времена, когда с ним не желали разговаривать по сути его выступлений, зато публично перетряхивали его биографию и постоянно угрожали «разобраться». Но, похоже, он усвоил только одно: не трогать тех, кому сочувствует народ. В этом смысле атака на Горбачева вполне безопасна: если в сегодняшней России есть чувство, в котором едины правые и левые, элита и массы, то это иррациональная ненависть к человеку, имя которого неразрывно с началом реальной демократизации системы. Можно еще спорить, Горбачев или «историческая неизбежность» стали причиной крушения тоталитарного колосса, но очевидно, что многие политики, ныне населяющие политический Олимп, лично обязаны этому человеку, и вот этот факт уже изменить нельзя.

Самое неприятное — то, что оргвыводы в отношении Горбачева не являются исключительными. Соблазн тоталитарного всемогущества понемногу опутывает «демократических» правителей. Как же быть нам, простым и безвестным российским обывателям, которых ведь не защищает ни всемирная слава, ни народное сочувствие? На что можно надеяться и как себя вести?

Лично мне наибольшую надежду внушает заявление С.Шахрая. Главный адвокат президента России не только категорически отверг связь между неявкой Горбачева в суд и изъятием у его фонда «жилплощади», но и решился на вежливый, но недвусмысленный протест против действий своего патрона. В данном случае неважно, есть ли на самом деле упомянутая связь или нет. Важно, что Шахраю стыдно за ельцинский указ. Что вид-

ный деятель команды президента осознает: не все законное — прилично.

А на вопрос «что делать?» лучше всего ответил сам Горбачев: мы, дескать, решительно протестуем против этого указа, но пока он не отменен, будем его выполнять. Это и есть цивилизованное отношение к нецивилизованным действиям власти.

Борис ЖУКОВ

ЧТО ЕСТЬ WHAT

Второй III съезд Союза «Щит»: два по 200 и два Ивановых

Дело в том, что «Щит», постоянно ведущий борьбу за чистоту своих рядов, уже один раз проводил III съезд — весной этого года. Тогда из его рядов был «изгнан» Виталий Уражцев, основатель «Щита». Теперь же Виталий Георгиевич, возродившись и призвав на охрану съезда молодых крепкошеих людей из Центра «Витязь», обеспечил проведение еще одного, уже своего, III съезда. Охрана особенно бдительно проверяла документы у корреспондента «Столицы» и строго следила за его перемещениями лишь за то, что он беседовал с Московченко, старым оппонентом Уражцева.

«Щит», обычной практикой которого на протяжении всех трех с половиной лет его существования была самая жесткая конфронтация с властью вообще и с армейским начальством в частности, ныне сам стал откровенно стремиться вписаться во властные структуры. В качестве делегатов съезда участвовало несколько генералов, не говоря уже о заместителях председателя союза, четверо из которых являются советниками министров Грачева (обороны) и Титкина (промышленности). Подтвердила новый курс «Щита» и резолюция съезда по докладу председателя Союза: «одобрить курс на сближение с новыми демократическими органами власти всех уровней».

Поставленный в такие условия съезд прошел в духе застойного единомыслия.

Однако о том, насколько серьезно отнеслись к этому мероприятию сильные мира сего, говорит тот факт, что зачитано было только одно приветствие — от Алана Чумака, а вместо приглашенных, но не явившихся Ельцина, Гайдара и Хасбулатова выступил... член политсовета Партии экономической свободы Александр Иванов, — сатирик, насмешивший знатоков тем, что спутал число сопредседателей собственной партии.

Александр КАСАТОВ
Алексей ПЯТКОВСКИЙ

Окончание. Начало на с.1

оказались аннибалы либерализма Б.С.Пинскер и Л.И.Пияшева. Осталось ждать, что придумает Немезида.

Придумка была более чем проста. При всех замечательных достоинствах рейганомики учения Карла Маркса касательно цикличности производства при капитализме никто не отменял, и пик увлеченности неолиберализмом удачно пришелся в аккурат на тот самый момент, когда длительность экономического бума — почти семь лет (начиная с 1983 года) — била все пределы. Естественно, что за семью тучными коровами последовали семь тощих, а не обладающие мудростью библейского Иосифа Л.И.Пияшева и Б.С.Пинскер появились на авансцене экономической мысли именно в тот момент, когда вторая группа коров сменяла первую.

Покуда тощие коровы сменяли тучных, ищущая российская мысль решила сменить поле для поисков и, оставив сумрачных представителей германской расы, обратилась за советом к артистическим представителям расы латинской. Р.И.Хасбулатов, единомысленный ему христианский патриот И.В.Константинов, равно как и усердно изображающий из себя истинного хозяина страны А.И.Вольский, дружно восславили итальянское политическое устройство: правительства меняются, как носки, в парламенте — сущий блошиный цирк, почти достигающий российского уровня блошиности, а между тем (при равных территории и народонаселении) итальянская экономика будет помощнее британской, лира — зверь валюта, и вообще — «сыны Авзонии счастливой слегка поют мотив игривый». Такой поворот отечественной мысли был, безусловно, совсем уже нехорош: если ГДР, Швеция, да и САСШ — страны на любителя, то Италия с ее изумрудными холмами Тосканы и зонтикообразными линиями — второе отечество для каждого европейца (а какой же русский в душе не европеец?), и оттого гадить холмы Тосканы и поля Кампаньи вовсе не следовало. Между тем черный глаз отечественных политиков стал опустошать Италию с неумолимостью Аттилы. В результате их похвал: а) поднялись разговоры о том, что итальянская политическая система исчерпала себя и необходима конституционная реформа по деголлевскому образцу; б) Юг Италии (i.e. мафия) решил, что сицилийские padrini теперь сами с усами и в шашнях с римской бюрократией более не нуждаются; в) богатый Север объявил, что как вороватый Юг, так и паразитический Рим ему надоели и он не хочет платить налоги; г) «исторический компромисс» между партиями и регионами, даровавший Италии в конце 70-х годов пятнадцать лет спокойствия, затрещал по швам; д) лира закачалась, девальвировалась на 7 процентов, и вылетела из европейской «валютной змеи», причем финансовое расстройство оказалось столь велико, что сейчас надо уже говорить о капитальной фискальной реформе.

Пройдя огнем и мечом по цветущей Италии, безунывные российские мудрецы обратили взор на Японию. Страна восходящего солнца годилась для этого во всех смыслах. С одной стороны, в российских утопических легендах XVIII—XIX вв. именно Опоньское царство (т.е. Япония) представало страной, где в не замутненном никонианами виде сохранилось древнее благочестие и где сказанное благочестие способствует замечательному изобилию плодов земных и благорастворению воздухов. С другой стороны, в российских утопических легендах конца XX века Опоньское царство предстает страной, где в не замутненном европейцами виде сохранилось национальное своеобразие: японцы строем и по команде то поют хором гимн фирмы, то, залезши раком в низенький чайный домик, совершают чайную церемонию, то в зарезервированный час любуются природой из специально отведенного для того места и всегда необычайно усердно дают взятки политикам.

Такое муравейное братство приводит — согласно политологическим легендам — к превосходным результатам: улицы Токио вымощены золотом (которое жадные японцы не хотят, впрочем, безвозмездно подарить России, хотя оно ей весьма бы и пригодилось), поющие хором служащие фирм очень мало потребляют и очень много производят, а президенты фирм, объединившись в японский «Гражданский союз», сидят и кумекают, какие бы новые мировые рынки им завалить в изобилии производимыми ширлями-мырлями на микропроцессорах восьмого поколения.

Российские депутаты уже готовились сменить неуместное по нынешним временам итальянское «эввива!» на японское «банзай!», как тут заколдобилась даже несокрушимая японская экономика: спад, кризис, выпускники Токийского университета (чего сроду не бывало) не могут найти работу. При этом обнаружилось, что очевидные при экономическом подъеме достоинства Опоньского царства оборачиваются при спаде столь же очевидными недостатками: монолитное общество хорошо идет в гору, но еще лучше с нее катится; патриархальное чинопочитание и хоровое пение фирменного гимна очень кстати при четырехпроцентном годовом экономическом росте, но менее кстати при экономическом спаде, когда более ценятся не столько традиционные добродетели, сколько умение практически реализовывать лозунг: «Спасайся, кто может!». Наконец, японцы (в смягченном, конечно, виде) переживают драму нынешнего российского поколения 50—60-летних: привыкнув к стабильному в течение тридцати лет экономическому росту, психологически необычайно тяжело пройти через кризис. Поэтому про Японию тоже забыли, Б.Н.Ельцин вполне кстати презрел гостеприимство самураев, а око черное (или, как сказал бы Дж.Толкиен, «око Саурона») стало вертеться в поисках добычи далее.

Традиционно мыслящие политики решили, что новое — это хорошо забытое старое, и стали заводить на новый лад старую песнь М.С.Горбачева и Н.И.Рыжкова касательно европейской интеграции, новой валюте ЭКЮ, имеющей заменить марки, франки и лиры, и Европарламента, при котором не будет надобности в бундестагах и кортесах. Европейские начинания решили воспроизводить на благодатном материале СНГ, Р.И.Хасбулатов возглавил межпарламентскую ассамблею СНГ, А.И.Вольский объявил, что малороссийские промышленники ждут только мановения его руки, чтобы произвести стремительную реинтеграцию в Союз. Европейские валютные спекулянты, вероятно, давно уже открывшие закономерность, служащую предметом данной статьи, поняли, что пора действовать, — и грянула бурная ночь с 16 на 17 сентября, в ходе которой лондонская валютная биржа с осатанением спекулировала. Когда дым рассеялся, выяснилось, что два евротитана — фунт и лира — ушли из европейской валютной системы, будущее которой оказалось под серьезным вопросом, а уж о бедах малых зверюшек вроде испанской песеты и шведской кроны и говорить не приходится.

Глядя на европейские валютные безобразия и японские хозяйственные катаклизмы, отчаявшийся А.И.Вольский решил все же не оставлять поисков идеала. Объявив, что в России нет японцев, и отказавшись, таким образом, от чести быть потомком богини Аматэрасу, Аркадий Иванович предпочел сразу заделаться Сыном Неба и предписал руководствоваться китайской двухсекторной моделью экономики. Рассуждая по методу индукции, остается предположить, что в ближайшее время юань начнет выкидывать чрезвычайные фортели, а злополучному Дэн Сяопину (мало он страдал от Мао Цзэдуна, так тут еще и Аркадий Иванович) срочно придется придумывать новую экономическую политику, ибо на старой — после того в России ей дали добро — можно с уверенностью ставить крест.

Куда еще бросит свой взор «око Саурона», сказать трудно. Хотя, впрочем, непробованных и, соответственно, непорченых стран осталось немного — Тайвань, Южная Корея, Чили. Так что пускай и там терпят.

Более интересно, что будут делать далее искатели образцов. Пока что они вполне тверды в своем девизе:

«А перед нами все цветет, за нами все горит, не надо думать, с нами тот, кто все за нас решит». Так что подождем панических вестей из Сеула и Сантъяго.

■

Власти охотно размышляют о том, что же они такое и какими они должны быть. Вот и Р.Хасбулатов поместил в «Российской газете» трактат с заголовком «Власть». Про власть говорили Б.Ельцин и Е.Гайдар в Чебоксарах — все власти жалуются на ее недостаток. Куда же она подевалась?

Виктор КОПИН

О БЕЗУМНОЙ СТРАСТИ К ВЛАСТИ

Доминирует объяснение такое: власти перессорились. Каждая норовит захватить себя себе побольше. И выход из положения прост до наивности: власти должны объявить мировую. Так они себе советуют сами.

Власти лукавят. Даже если они будут ежедневно целоваться в программе «Вести», это не поможет делу, ведь существо политической деятельности состоит в борьбе за власть. И хуже всего, если граждане пассивно созерцают борьбу и ее результаты — они оказываются в проигрыше при победе любой из сторон.

В размышлениях спикера о власти не затронута одна проблема: зачем, собственно, ему понадобилась власть, что он с ней собирается делать? Помалкивают и другие власти, хотя тайны здесь никакой нет: политологией (разумеется, зарубежной) она давно обнародована. Секрет власти банален: она функционирует ради себя самой, отчего с властями всегда следует держать ухо востро. И это нужно прежде всего самим властям: власть ради власти либо порождает тоталитаризм, либо разрушает государство. С первым мы знакомы на собственном опыте. Но есть опасность и второго варианта, и мне кажется, что власти не осознают ее. Им представляется, что кризисные ситуации просто порождают необходимость усилить власть.

Между тем попытки усиления власти предпринимались уже М.Горбачевым. Известно, чем это закончилось. Нет никаких гарантий того, что на этот раз обойдется. И вот почему.

Власти редко размышляют над удивительным феноменом, созданным цивилизацией, — государством. Им, особенно нашим, кажется естественным, что распоряжения, которые они издают, выполняются, что граждане ведут себя законопослушно, что, если граждане будут «забываться», им напомнят об этом с помощью силы. Но в кризисные периоды развития общества власти вдруг с удивлением обнаруживают, что граждане начинают чихать на все постановления, а у властей нет власти их заставить что-то выполнить. Мало того, граждане начинают доходить своим умом до того, что прежде им в голову и не приходило, — исполнять всевозможные властные указания, выходит, накладно. Например, платить налоги. Вот с этого момента государство начинает рушиться. Вдруг (ох, уж это «вдруг») начинается массовое неповиновение.

Граждане, наслушавшиеся разговоров властей о «правовом государстве» и «гражданском обществе», вдруг обнаруживают, что сами власти гражданами быть не желают и позволяют себе то, что не разрешено обычным людям. Например, въезд Р.Хасбулатова в квартиру, в которой спокойно может разместиться полк солдат. Если бы Р.Хасбулатов был обычный гражданин, то это деяние было бы названо «самозахватом» и гражданин Хасбулатов был бы направлен в очередь в исполком, и то в случае, если у него было бы менее пяти метров на человека. Опротестовать ордер должен был бы районный прокурор (сделаем для спикера скидку — в таком торжественном случае пусть протест наложит Генеральный прокурор В.Степанков). Но «протестовать» некому, потому что В.Степанков также «въехал» в новые хоромы обычным необычным способом — произошло сращивание властей, а граждане из всего этого делают единственный вывод: власти порождают законы исключительно для граждан, сами же они им следовать не желают. Законность законов в таком случае становится сомнительной, и, какие бы умные статьи ни писал спикер, все равно в народном сознании они преломляются через призму: «закона нет». Легитимность власти оказывается подорванной.

«Властные» квартиры сами по себе еще не ведут к потрясению государственных основ. Но практика раздачи льгот и привилегий является, похоже, основным содержанием управленческой деятельности. Тот, кто возьмет за труд просмотреть «Российскую газету», быстро обнаружит, что власти просто состязаются в раздаче республикам и областям всевозможных полномочий, в направлении им средств. Мотивированность действия властей близка к нулю и объясняется простой приятностью формулировки «милостиво повелеть соизволил».

В № 203 «РГ» опубликовано распоряжение Р.Хасбулатова об оказании помощи малоимущим слоям населения Ростовской области. Что же там случилось? Смерч, тайфун, ураган? Нет! Оказывается, именно там в результате «либерализации цен» образовались малоимущие слои, отчего понадобилось поддержать «социальную сферу, здравоохранение, народное образование и культуру». Поэтому и направляется в Ростовскую область 50 млн. рублей из Фонда Верховного Совета РФ. Как мило! А ведь в южных регионах и с урожаем неплохо, а ценам в магазинах на продовольствие москвич или петербуржец может только удивляться — низкие. А вот, гляди-ка, смертоносная либерализация и до Ростова дошла!

В том же номере «РГ» рядом с распоряжением Р.Хасбулатова найдем и постановление Е.Гайдара. Надо направить средства в Дагестан, оказавшийся в трудном положении. Постановление туманно намекает на «сложную социально-политическую ситуацию», хотя ничего экстраординарного нет и в Дагестане.

Зато Е.Гайдару понравилось, видимо, положение дел в Туле, вот он туда средств и не направил. В то же время просто беда в Чебоксарах, в Туве — либерализация! Б.Ельцин, выступая в столице Чувашии, говорил о порочности подобной практики раздачи льгот: все они оборачиваются в конечном счете иномарками для начальства. И тут же подписал очередной указ о направлении матпомощи.

Властям нравится этот метод решения проблем — одним дать деньги потому, что регион сельскохозяйственный, другим — потому что промышленный.

Не трудно предположить, что законность действий центра у регионов вызывает большие сомнения. Сам Федеративный договор появился как средство борьбы с несправедливостями центра. А они прежде всего проявляются в политике «льгот и привилегий». Борьба за Центробанк есть борьба за право распоряжаться кредитами и держать отрасли и регионы на коротком поводке. Это — реальная власть, сортирующая граждан на «чистых» и «нечистых», «льготных» и «нельготных».

Например, взаимозачет долгов, произведенный для предприятий госсектора, не коснулся частников. Льгота государственным предприятиям ничем не мотивирована, она породила раздражение у тех предприятий, которые сдуру успели акционироваться или приватизироваться. Как правило, это предприятия, которые гирей висели на шее государства, не имели никакой уверенности в завтрашнем дне, были в долгах, как в шелках. Ничего существенного еще и не произошло в их жизни, они обнаружили только, что их облапошили призывами к частной собственности, ведь кредиты положены только тем, кто не проявлял подобных инициатив. Можно вообразить себе, что думают рабочие о такой политике и какими глазами смотрит на них директор, уговоривший их стать «акционерами»!

Можно сказать, что это — ошибочное решение. Но оно возможно только тогда, когда власти воображают себе, что они вправе проявлять эту власть: вправе делить собственность, куда-то ее направлять, кого-то осчастливливать, карать. В результате наши власти (в отличие от жены Цезаря) в поле всяческих подозрений. И как не подозревать, если с начала года Центробанк выдал денег на сумму 2 триллиона 600 миллиардов рублей и практически все эти деньги «ушли» по распоряжению как парламента, так и правительства. И это при том, что доходная часть пуста: по некоторым данным, налогов будет собрано не более пятидесяти процентов предполагаемого. Налицо материальные предпосылки паралича власти, который порожден самим методом управления, действиями самой же этой власти — и ничем другим.

Заклинания о необходимости усиления власти — пустой звук. Она всегда сильна настолько, насколько это возможно при данных обстоятельствах. Скажем, борьба с преступностью требует дополнительных затрат на правоохранительные органы, а это в свою очередь требует повышения налогов с граждан и предприятий. Последние либо вообще перестают что-либо платить, либо платят, но неаккуратно. В таком случае государство принимает меры по усилению налоговой политики, что опять-таки требует материальных затрат. Для этого нужно увеличить доходную часть бюджета, т.е. повысить налоги. Круг замкнулся, не выполнив миссии по борьбе с преступностью и вдобавок подхлестнув ее: неуплата налогов есть преступление.

Вообразите: только около 10 процентов с прибыли идет в фонд зарплаты, все остальное изымается в качестве налогов. В застойный период налоговая ставка в 60 процентов считалась чрезмерной, а сейчас все виды налогов стали составлять в сумме 90 процентов. Какое еще нужно «огосударствление»? При ста же процентах налогов можно смело говорить о рабовладельческом строе. Чтобы выколотить эти 90 процентов, государство должно быть чрезвычайно сильным. Но власти и так уже набрали себе такой объем власти, что сами не могут с ним справиться — по плечу ли поставленная задача? Надо ли мечтать «об усилении исполнительской дисциплины», чтобы, собрав эту прорву налогов, начать распределять их по принципу «сорока-вороны»: «этому — дала, этому — дала, а этому — не дала!»?

Такие налоги собрать невозможно — поэтому в ход идут налоговые льготы. «Хороший» директор их получит, «плохой» — и не подходи, не люб. Четких критериев «хорошести» нет, но умные директора их интуитивно чувствуют и не забывают вовремя «отблагодарить» за заботу. Но и те, кому отказано в льготах, не тужат — умные директора всегда найдут возможность щелкнуть государство по носу.

А есть и другие привилегии, формирующие «волю к власти». Одним можно разрешить внешнеэкономическую деятельность, другим — отказать. Есть «демократические» регионы, они могут рассчитывать на займы и кредиты, есть и «косные», которые должны жить по средствам. В таком случае «регионы» начинают сочинять собственные уставы и конституции, смысл которых состоит якобы в «углублении реформ», на деле же — в выколачивании льгот и привилегий. Был бы предлог. Свою «конституцию», например, разработал Калининград, стремящийся реализовать идею свободной экономической зоны. Нетрудно догадаться, что налогов центру они платить не собираются, калининградская «конституция» категорически это запрещает. Многие областные центры разработали «уставы», согласно которым центр должен приплачивать вольноопределяющимся. Если область, например, на дотации, то закрепить ее на вечные времена и вся недолга.

Экономика, политика, право, мораль — все поражено идеологией льгот и привилегий. Мало сказать, что она экономически неэффективна, политически абсурдна, юридически беззаконна и нравственно аморальна — она просто разрушительна. Режим М.Горбачева пал потому, что система льгот парализовала любое управление обществом, как командно-административными методами, так и экономико-юридическими. Такая система неизбежно коррумпируется насквозь. Власть, базирующаяся на льготах и привилегиях, является источником преступности. Этот вывод был сделан еще в XIX в. французским социологом и политологом Токвилем, и в настоящее время он стал общим местом в политологии. Странно, что Р.Хасбулатов, решивший нас посвятить в тайны власти, совсем об этом ничего не пишет. Между тем за каждой льготой безошибочно угадывается взятка.

Если властям не нравятся такие подозрения, то им ничего не остается, как доказать обратное и распрощаться, наконец, с этой позорной практикой. Так ли уж трудно съехать с квартир и дач Р.Хасбулатову, С.Шахраю, С.Станкевичу, В.Степанкову, В.Зорькину?.. Но ведь и помочь решиться на правильный поступок некому. Сама власть превратилась в право на льготы. Когда депутаты сетуют на недостаток власти, то они имеют в виду не только недостаток льгот самим себе (не все успели получить машины в пользование, закрепить квартиры и пр.) — выступают они и за льготы крестьянам, шахтерам, учителям, отчего оказываются вдохновителями и демиургами развратной системы функционирования власти. От нашего, между прочим, имени, и за наш счет.

Министр промышленности А.Титкин прорицал развал отрасли, так как нет льготного кредитования. Вице-президент А.Руцкой не понимает, как можно управлять крестьянами без льгот, и упрекает Минфин в косности. Даже Э.Памфилова, борец с привилегиями, выступает за льготы своему министерству. Без льгот уже не может функционировать ни одна отрасль, т.е. государство движется к своей погибели. И по вертикали, и по горизонтали.

Невозможно смириться с этой обреченностью. Власти должны начать выполнять предвыборные обещания о ликвидации всех льгот и привилегий. Для этого власти у власти вполне достаточно. ■

Владимир ВОРОНОВ

Большое Сафари

Не ходите дети в Африку гулять.
К.И.Чуковский

Увы, не чтим мы заповедей классиков. А ведь они знали, что говорили, знали! Но почтенные мужи из прежнего министерства обороны давно уж вышли из детского возраста и, по всей видимости, совет Корнея Ивановича подзабыли. Посему и наделали глупостей. И поплыли, полетели в Африку советские танки, самолеты, ракеты. Ну и «калашниковы», конечно, как без них?! Поплыли, полетели, поехали и «советники» — солдаты, офицеры, генералы. И началось Большое Сафари... Африканцы истребляли друг друга. Мы им помогали в этом увлекательном деле. Какое было раздолье, какой великолепный полигон для испытаний снятого у нас с вооружения устаревшего хлама!
Шли годы, и Африка становилась родней и ближе — все было, как дома, особенно наш армейский маразм. Но всему приходит конец. Вернулись на родину наши военные: кто с добычей, кто в цинковом гробу, а кто с целой кучей армейских баек. Не будем ничего менять в их рассказах — имен лишь называть не станем — многие еще служат.
Представим персонажей: Артиллерист, Танкист, Переводчик, Летчик, Советник, Вооруженец, Интендант. Итак...

Гл.1. Фронтовые будни

ПЕРЕВОДЧИК: У меня два основных языка — английский и французский, но меня направили военным переводчиком в Эфиопию. А там говорят на амхарском... Но я и его выучил, а сначала «переводил» при помощи пальцев. Почему-то штабисты наши считали, что эфиопские офицеры должны говорить по-английски, мол, многие кончали училища в Англии или США. Но где они были, те англоговорящие эфиопские офицеры?.. Впрочем, считается, что и наших офицеров учили языкам в училищах и академиях, не говоря уж про школу... Первый год провели совершенно непонятно зачем в лихой горной глуши. На сотню километров — лишь одно селение да стаи диких обезьян. Там планировали то ли базу создать, то ли аэродром построить, то ли еще какой-то грандиозный объект соорудить. Вот нас и послали туда, чтобы мы строителям объекта да советникам переводили. Но не было никого — ни строителей, ни советников, — только наша тройка переводчиков, местные жители да обезьяны. Свободного времени хоть отбавляй. Что делали? Охотились с автоматами на обезьян, парились в баньке, которую сами же и соорудили, пили, пили, пили. Да еще учили амхарский и обучали местных жителей русскому языку. Я-то себя «учительством» не утруждал, но коллега мой явно перестарался — обучил одного любителя и почитателя всего советского не просто «изюминкам» речи, но немыслимым комбинациям и конструкциям из этих «изюминок». А когда мы уже полгода так нежились, нагрянула на вертолетах большая комиссия — там были какие-то генералы из Москвы, эфиопские военные и большая партийная «шишка» со Старой площади. Только они высадились из вертолетов, как к ним галопом рванулся наш «ученик». Глаза сияют, рот до ушей, подлетел к «шишке», обнял его, поцеловал и как гаркнет: «...мой лысый череп, какого м... вижу! Дай я тебя... дорогой товарищ!» Вот это был полный прикол!.. Тот коллега, обучая «друга», внушил ему, что это самые почетные слова и применяются лишь при приветствии самых дорогих гостей. Кто же знал, что в такую глухомань может занести этих самых «дорогих гостей!». «Учителя» вычислили моментально — через два дня он был уже дома, в Москве...

СОВЕТНИК: Отношения наши с мозамбикскими подопечными складывались непросто — они все делали по-своему. Ну и несли поэтому большие потери. Чувствовалась скрытая неприязнь. Да и климат там ужасающий — тропики, жара, удушающая влажность. В общем, душу отводили в пьянках. Сейчас и не верится самому, что столько можно было выпить. Иные и до зеленых гномиков напивались. Один подполковник, в одиночку выглушив пару бутылок виски, достал автоматический пистолет Стечкина, пристегнул кобуру-приклад и стал с девятого этажа из своего окна прохожих выцеливать. Прицелится, выстрелит и приговаривает: «Вот еще одной черной обезьяной меньше...» Повязали его, конечно, но нескольких он подстрелил, хоть и пьян был в стельку! Домой отправили...

А другой, капитан, пехотный советник, вернулся с операции — дома ни бутылки, в кармане пусто. Но душа же горит, требует. Он как был в полевом грязном пятнистом камуфляже да с трофейным «Узи», — в бар. Вошел, очередь в потолок, бармену на своем ломаном португальском: «Виски, да побыстрее!» ...Я в то время находился в штабе пехотной бригады. Как сейчас помню, звонок раздается

из службы безопасности: «В город ворвались юаровские диверсанты-десантники! На помощь!» Подняли бригаду, бронемашины двинули, танки... Так что ты думаешь, когда коммандос эти доморощенные «диверсанта» в баре брали, эшелон боеприпасов извели, но хоть бы царапину сделали капитану! Все мимо лупили... Капитана тоже пришлось домой отправлять.

ПЕРЕВОДЧИК: Второй год я служил в гарнизонном городке близ Аддис-Абебы. Тут и с автоматом под подушкой пришлось спать. Но скука была все та же. Переводчиков в столице — уйма, а работы мало. Там с нами Александр Гурнов служил, тот что «Вести» сейчас ведет. Но он в гарнизоне редко бывал — все больше в столице околачивался. А мы скуку свою пьянками глушили. Там такие интернациональные дебоши бывали, особенно кубинцы хорошо гуляли — у них с ромом проблем меньше было. А особые удальцы перепортили в округе всех местных женщин. Хотя кто кого перепортил — это под вопросом еще! За банку консервов готовы были на все. Вот полгарнизона и подхватило чего-то. Пойти к нашим врачам нельзя — и не вылечат толком, коновалы, да и донесут начальству тут же. А это высылка. Что делать?! Одна надежда на кубинцев. Пришли ко мне страждущие: «Пошли к кубинцам! Поможешь перевести...» Пришли к кубинцам, к медикам. Кое-как на смеси английского и французского объяснился. Тот быстро все понял, «показывай», говорит... Тот показал... Кубинец вздыхает, головой качает. Я бутылку рома достаю — оживился: «Будем лечить». Распили ром, потом коньяк, потом он ему вколол что-то... Вот так и другие стали лечиться. Не знаю, чем это кончилось и помогло ли...

Рисовал А.Заяц

Гл.2. «Слава советскому оружию!»

ВООРУЖЕНЕЦ: Тем, чем наши «друзья» воевали в Африке, можно было удивить любой музей античности. Чего мы только нашим африканцам не отправляли. Для начала сплавили остатки оружия времен второй мировой — трехлинейки, тридцатьчетверки, наганы, пистолеты ТТ, автоматы ППШ. Как ни старались сплавить им все старье, но десятки миллионов трехлинеек все же на складах еще лежат. Ждут своего часа. А уж боеприпасы отправляли с таким сроком давности!.. И ведь, говорят, они еще стреляют, взрываются и даже кого-то убить в состоянии... Лично занимался подбором партии автоматов Калашникова для отправки в Африку. Приехали на ремонтный завод, получили партию со склада — новенькие, в масле, приклад лаком отливает, ствол вороненый... Игрушки! Дай-ка, думаю, проверю. Снял смазку, расконсервировал, почистил. Присмотрелся — боже мой, канал ствола изъеден коррозией, весь в раковинах. Патрон в патроннике болтается, как погремушка, пружины хрупкие... Из такого оружия в слона с двух метров промахнешься! Пошел в цеха, на ремонтные работы взглянуть. Все оказалось просто. Отслужило оружие свой срок — его первый раз в войсковых мастерских доведут. Ну а после второго срока путь один — на ремзавод. На заводе в автомат поплюют, лак обдерут, заново отлакируют, поворонят, пошкурят канал ствола — и в консервацию. Лежит такая игрушка, ждет, когда же ее в Африку отправят... Даже пружины не меняют.

ТАНКИСТ: Ну я еще могу понять, зачем танки в Анголу поставляли. Но в Мозамбик... И ладно бы старые тридцатьчетверки, так нет, посылали те же модели, что и у нас на вооружении. А с кем им там воевать, где там для танков противник?! ЮАР с Мозамбиком не воевала, лишь партизаны и бандиты по бушу да по джунглям постреливали. Там танкам не развернуться — местность пересеченная, кругом заросли, джунгли, болота, речушки. Танки на той почве просто вязнут, застревают — слишком тяжелые. Им там место лишь на парадах. Но вот загорелось воякам местным очередную партию танков получить. Допекли-таки Москву, вымолили партию Т-62. Прибыли из Одессы корабли с грузом, стали разгружать. Мне поручили танки эти принять и ввести в строй. Прибыл на причал — и остолбенел. Представьте себе, что в пустыню Сахару прибывает партия снегоуборочных комбайнов... Вот на

причале и стоит примерно то же самое. Не снегоуборочные машины, конечно, танки. Но... в арктическом исполнении, для Заполярья! Может, их к нам, в Мозамбик, по ошибке завернули, подумал сначала, может, они в Антарктиду направлялись, к пингвинам?.. Там же и двигатель иной — в тропиках моментально «греется», и печка вмонтирована... Что я с ними делать тут буду, штурмовать заснеженные вершины Килиманджаро?! Высказал я главному советнику все, что думаю о московских снабженцах, а что делать? Не отправлять же обратно. Пришлось «доводить» до местных условий...

Гл.3. Война в джунглях

АРТИЛЛЕРИСТ: Когда я в первый раз прибыл в Анголу, то удивлялся на каждом шагу. Можешь представить, за два года не видел в стране ничего советского, кроме оружия, советников, боеприпасов. А машины — английские, немецкие, чешские. Продукты — испанские, португальские, греческие, югославские, юаровские. Наши ангольские подопечные вызывали у меня недоумение. Воевать они явно не желали и не умели. Их основной задачей было нахапать побольше продовольствия, наворовать бензина и загнать его на «черном рынке». Все держалось лишь на кубинцах. Честно говоря, они тоже дрянные вояки. Если бы ЮАР действительно захотела военным путем свергнуть режим МПЛА, то это было бы делом недель. Но им, видимо, хотелось не этого... Помню распределение продпайка перед выходом на операцию. Командир батальона получил продукты на весь личный состав. Вызывает денщика, вручает ему мешок с консервами: «Отвези домой моей жене...» Я изумленно спрашиваю: «А как же солдаты питаться будут?!» Майор не менее изумленно смотрит на меня: «Да что, мало деревень вокруг? Найдут, не в первый раз». И действительно находили — подчистую вычищали нищие и голодные полувымершие деревни. А офицеры делали бизнес, кормили свои семьи...

Меня поражало и нежелание воевать нормально, по уставам. Любое тяжелое вооружение было для ангольцев просто обузой, от которой следовало избавиться любым способом. Скажем, идет батальон на операцию, берет с собой минометы, гранатометы противотанковые и легкие пусковые ракетные установки. Боеприпасы, естественно, тоже берем. Добрались до буша на машинах. Дальше — пешком, продираясь сквозь заросли, иногда через болота и ручьи. Я иду в середине колонны. Поворот и переход через ручей. Смотрю, идущие впереди артиллеристы сбрасывают в ручей реактивные снаряды! «В чем дело?!» — «Тяжело, команданте, тяжело...» Что ни операция — то снаряды или ракеты утопят, то минометы выкинут, то орудие где-то «забудут»... А боеприпасы расходовали вообще чуть ли не эшелонами — их на две мировых бы хватило. Я сначала недоумевал, каким образом столько снарядов и патронов расходуется, а результата никакого — нет ни убитых противников, ни пленных. После первого выхода на операцию все понял. Идет, скажем, походная колонна — рота или батальон. Где-то на холмах что-то вроде шевельнулось, тут вся огневая мощь колонны направляется на холм — лупят со всех стволов, из гранатометов, минометов, ракетных установок... Да так лупят, что за десять минут все боеприпасы расходуют. На холме находим остатки нескольких зайцев... Операция сорвана — боеприпасы-то кончились, можно возвращаться. Но в докладной сообщается об уничтожении банды и десятках убитых у противника...

...В другой раз находился на полевом аэродроме близ столицы. И вдруг по периметру аэродрома взрывы — аэродром атакует звено «МИГов» — штурмуют, бомбят, ракеты по кустам пускают. Все разбежались, залегли, осколки свистят над головой. Потом появляется три вертолета — и тоже давай лупить из пулеметов, ракеты пускать. Голова идет кругом, в чем дело? Отстрелялись вертолеты, появился транспортный самолет, произвел посадку. ...Оказалось, прилетел президент Э. душ Сантуш проведать своих солдат. Вылет на фронт, так сказать. А до ближайших мест, где хоть один партизан противника, — сотни три километров...

ИНТЕНДАНТ: Чего только не было в заявках фронтовых частей в Анголе. Но вот один раз наши вертолетчики потребовали несколько тонн антиобледенительной жидкости, спирта то есть. У них там, видите ли, в пятидесятиградусную жару на стометровой высоте полета фонарь кабины обледеневает!.. И ведь московские интенданты подмахнули заявку не глядя!

Гл.4. Русский с африканцем братья навек...

ПЕРЕВОДЧИК: Отношения с эфиопскими военными у нас неплохие были. Воевать, правда, они не любили, но вот выпить с нами обожали. Здесь их хлебом не корми, только повод был бы. Помню, устроили вечер по случаю выпуска в столичном военном училище. Советники наши там были тоже, генералы, полковники. Сначала все было торжественно, чинно. Но потом прямо как в известном анекдоте: появился поручик Ржевский и начались безобразия... Правда, поручиком этим оказался не кто иной, как сам эфиопский лидер Менгисту Хайле Мариам. Я его тогда впервые вблизи увидел, маленький он, оказывается. Но вот пил он почерному! Умудрялся перепить аж самого главного нашего советника, а уж тот у нас стабильно первое место по этому делу держал. В общем, дело кончилось тем, что под пиршеским столом вперемешку лежали наши советники и эфиопские офицеры, а в центре нежились наш шеф и эфиопский лидер... Мне переводить много пришлось, поэтому я мало в тот день пил. Потом телохранители Менгисту подняли и отнесли в машину... Говорят, такое здесь часто бывало и раньше.

ЛЕТЧИК: Ангольцы еще похуже жили, чем конголезцы. Такое впечатление было, что в Луанде основное население составляют громадные крысы, роющиеся в грудах мусора. Мы решили искупаться в океане — когда еще представится возможность поплавать в Атлантике, в тропиках. Выбрали чудное местечко — великолепный пляж. А вода-то какая, чудо! Никогда такой не встречал — чистая, теплая. Идешь по воде, идешь, а тебе океан лишь по щиколотку. Чуть ли не триста метров шли, пока глубже не стало. Когда в воду вошел, то обратил внимание: на берегу появилось десятка три местных жителей — уселись и молча, с интересом наблюдают за нашим заплывом. Непонятно, белых людей, что ли, не видели! Минут десять плаваем, вдруг слышим выстрелы. Смотрю, наш переводчик на берегу стоит и из пистолета в воздух палит. Выстрелит и матюгами нас кроет: «Немедленно из воды, вашу так и разэтак!..» В чем дело? Вышли из воды, подлетает переводчик — белый-пребелый, как покойник. «Вы с ума сошли! Это же страшнейшее место на всем ангольском побережье! Здесь же кишит акулами, отсюда никто еще живым не выплывал!» — «А что же эти уселись здесь и глазеют, ни слова даже не сказали, жеста не сделали?!» — «Так они специально сюда пришли, посмотреть, как акулы будут вас рвать на кусочки, крики ваши послушать. Не вы первые...» После этого случая мне расистская ЮАР как-то сразу стала больше нравиться, чем любые наши африканские «друзья-союзники»...

Вот и все. Мелко, анекдотично? Но эти мелкие камешки в наш армейский огород, надеюсь, помогут внести существенные дополнения в то грандиозное мозаичное «африканское панно», которое в течение долгих лет создавалось нашей пропагандой. ■

Сергей ФРОЛОВ

Фото В.Левитина

ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ МАЛОИЗВЕСТНЫХ ФАКТА ИЗ ЖИЗНИ ВИКТОРА АНПИЛОВА

1. В отличие от большинства коммунистических лидеров вождь «Трудовой России» действительно родился в рабоче-крестьянской семье — детство он провел в селе Белая Глина Краснодарского края. Известно, что юг России и Украина по праву считаются колыбелью партийных вождей. Кстати, сам Анпилов не без гордости заметил как-то, что они с Горбачевым наверняка купались в одной и той же речке (что географически вполне возможно).

2. Однажды — дело было после войны — Анпилов-старший был незаслуженно уволен. В поисках справедливости он написал письмо Сталину, и свершилось чудо: Ивана Анпилова восстановили на работе. Этот эпизод произвел на юного Виктора неизгладимое впечатление. Возможно, именно с той поры Витя искренне и горячо полюбил человека, без чьих портретов сегодня не обходится ни одна демонстрация «Трудовой России».

3. Закончив ремесленное училище, Виктор отправился служить в Советскую Армию, и здесь совершил поступок, который в условиях казармы граничит с подвигом: он выучил английский язык. Итак, сделан первый шаг в сторону зияющих высот образования. Кстати, несмотря на свое южнороссийское произношение, английский он действительно знает неплохо, что существенно отличает его от остальных комвождей.

4. В середине шестидесятых В.А. начинает покорять столицу. Сначала — работа в подмосковной районной газете, затем, в 1968 году, — поступление на факультет журналистики МГУ, да еще и на международное отделение. Те, кто знает специфику журфака, должны представить себе, каких трудов стоило безродному крестьянскому пареньку протиснуться в компанию сынков дипломатов и партбонз.

5. По старинной журфаковской традиции все «международники» состояли в самых тесных отношениях с «кураторами» из КГБ. Дело вовсе не в особой тяге к «стукачеству» — просто без этих контактов было глупо рассчитывать после получения диплома на приличную работу за рубежом. В.А. тоже не считал для себя зазорным сотрудничество с органами и

как будущий боец идеологического фронта был к этому готов. Однако вышла промашка — при проверке личного дела студента Анпилова выяснилось, что его дед был в свое время раскулачен. Органы решили воздержаться от услуг студента. Говорят, Виктор страшно переживал, воспринимая недоверие КГБ как исключение из партии. С тех пор он старался делом искупить свой наследный грех.

Наблюдатели отмечают, что тема раскулачивания была в его творчестве одной из самых болезненных, это чувствовалось по репортажам из Никарагуа, особенно когда речь шла о национализации земли новыми властями.

6. Сокурсники В.А. вспоминают его как довольно дружелюбного, иногда даже слишком открытого, но чудаковатого молодого человека. Он терпеть не мог ярких модных шмоток, на которые, впрочем, у него все равно не было денег. Не любил москвичей со снобистскими замашками, но всегда тяготел к интеллектуалам, хотя мало что мог предложить в порядке обмена идеями — очень ему не хватало фундаментальных знаний, начитанности. Тем не менее В.А. стал одним из создателей студенческого клуба на Ленинских горах и студенческого театра «ДУСТ». Он с удовольствием нес все трудовые повинности: стройотряды, полевые работы. Правда, как отмечают современники, он мог вспыхнуть в приливе энтузиазма как спичка, но очень быстро — как только работа становилась монотонной — прогорал и терял к ней интерес.

7. За пять университетских лет В.А. совершает второй подвиг — увлеченный романтикой латиноамериканских революций, он досконально изучает не слишком популярный среди тогдашних студентов испанский язык и начинает стажироваться в испаноязычной редакции иновещания (радиовещания на зарубежные страны).

8. Найти работу после университета — самая болезненная проблема для журфаковцев. Однако Анпилову, хотя и не сразу, удалось получить место на иновещании. Первые дни на радио В.А. приходилось туго — его материалы проходили пяти-шестикратную правку: в молодом журналисте было больше энергии, чем навыков. Самым заковыристым для В.А. было слово «преподаватель», которое он все время норовил писать через «о» — «преподователь». Далось оно ему примерно после десятой правки.

9. Страсть к покорению высотных объектов появилась в Анпилове еще до штурма Останкинского телецентра: однажды он случайно увидел строительные леса вокруг храма Василия Блаженного и не мог успокоиться до тех пор, пока не взобрался на самый купол храма, о чем тут же известил кубинских радиослушателей.

10. По мнению коллег, его радиорепортажи на Кубу и другие латиноамериканские страны отличались страстностью, идеологической убежденностью. За короткое время В.А. сделался главным специалистом по Кубе и апологетом кастровского режима. Иногда у него даже возникали трения с сотрудниками иновещания, которых он обвинял в недостатке идейности. Кстати, как друзья, так и недруги отмечают за Анпиловым одну черту: он редко мог держать при себе свое мнение, всегда спешил его высказать.

11. За время работы на радио В.А. прилично поднял уровень своего интеллекта, интересовался испаноязычными поэтами, прочел даже Библию на испанском языке. Иногда он зачитывал вслух своим коллегам отрывки из стихотворений Гарсия Лорки, Пабло Неруды, Николаса Гильена и принимался стыдить слушателей, если они не вспоминали, откуда эти строки. Коллеги за глаза называли его «засланным казачком», поскольку никто не мог взять в толк, откуда вдруг появился этот бурный, не слишком воспитанный человек.

12. В начале своей радиокарьеры В.А. страдал от собственной скованности перед микрофоном. Чтобы преодолеть ее, он оставался один в студии и тренировался перед неподключенным микрофоном.

13. Задолго до официально разрешенных прямых включений в эфире Анпилов начал работать у микрофона без текста. Каждый день ему звонили из Гаваны тамошние журналисты и спрашивали, что происходит в братском СССР. В.А. разворачивал свежую газету и начинал с ходу переводить последние новости — несмотря на своеобразный акцент, его испанский позволял ему подобные экспромты. Кубинцы настолько доверяли В.А., что передавали его обзоры в прямом эфире. Часто эти телефонные разговоры запускали и в телепрограммах. На экране была заставка: фотография Виктора Анпилова на фоне Красной площади, а за кадром шел его текст. Не исключено, что уже тогда у В.А. появилась мечта материализовать этот телеобраз: Он, выступающий на фоне Кремля...

14. Популярность радиокомментатора Анпилова на Кубе было трудно переоценить: для кубинцев он был чем-то вроде Владимира Познера для американцев. В 1989 году в составе журналистской группы он попал на Кубу во время визита Горбачева. Тогдашний заместитель председателя Гостелерадио Юшкявичюс был весьма удивлен популярностью мало кому известного в Союзе журналиста: Гаванское телевидение комментировало визит высокого гостя в непривычной манере — на экране постоянно показывали двух человек — либо Горбачева, либо Анпилова. Со стороны было не очень понятно, кто же с кем приехал.

15. Анпилов глубоко почитает Фиделя Кастро, но ему так и не удалось лично встретиться со своим кумиром.

16. В 1985 году В.А. отправляется корреспондентом Гостелерадио в Никарагуа. По существующим правилам он должен был ехать туда с семьей, но во время оформления документов возник конфуз: Анпилов скрыл, что жена его работала на «почтовом ящике». Когда все вскрылось, ему пришлось ехать за океан одному.

17. В Никарагуа он попадает, наконец, в атмосферу настоящей революционной романтики, о которой мечтал всю жизнь. Как натура увлекающаяся, В.А. не мог усидеть на месте, находясь в «горячей точке». Ему было мало рутинной работы телекомментатора — он норовил попасть в самую-самую горячую точку. Частенько его видели в защитной униформе и с автоматом на плече: Анпилов делал революцию, пока что чужую. Он забрасывал Москву грудами материалов, но в эфир проходило очень немногое. В.А. чересчур эмоционально относился к событиям в Никарагуа, не особенно уделяя внимания качеству своих репортажей.

18. По недосмотру начальства в напарники ему достался не слишком большой фанат никарагуанской революции. Этот оператор был спокойным человеком, который ко всему происходящему относился со здоровым журналистским цинизмом. Анпилова бесил безыдейный напарник. Он несколько раз обращался в посольство и просил заменить оператора. Наконец, отчаявшись, В.А. решил по-своему уладить кадровый вопрос: он пригласил коллегу на вечеринку, спровоцировал его на антисоветские разговоры и записал все на магнитофон. Кассета, разоблачающая «врага», была отослана в Москву. На Большой Земле в это время уже дули другие ветры, поэтому анпиловский сигнал там восприняли неадекватно: оператор остался работать, а В.А. пришлось досрочно отбыть на родину.

19. Хождение в большую политику началось у В.А. во время избирательной кампании в Российский парламент. Его соперником по выборам стал один из ведущих телепрограммы «Взгляд» Владимир Мукусев. Мукусев

обошел Анпилова. Вторая попытка оказалась более успешной: с небольшим перевесом над конкурентом Анпилов попал в депутаты Моссовета от Солнцевского района.

20. В Моссовете В.А. развил бурную деятельность, активно участвовал в создании движения «Трудовая Москва». По непроверенным слухам, депутат Анпилов порой вывешивал на моссоветовскую доску объявлений записки, в которых обзывал Попова и Лужкова обидными словами.

21. В апреле 1991-го Анпилов окончательно решил стать профессиональным политиком и уволился из «Останкина». Случай беспрецедентный: человек САМ ушел из зарубежной редакции, где у него было неплохое положение, приличный заработок...

22. С приходом в большую политику у Анпилова начались большие неприятности. Постепенно он умудрился расколоть Москву (и не только Москву) на два лагеря — тех, кто слепо обожает его, и тех, кто люто ненавидит. Равнодушных почти нет. В последнее время, особенно после останкинского шабаша, ему приходится вести себя осторожнее. На телефонные звонки Виктор Иванович отвечает, изменяя голос, и пока не определит, с кем имеет дело, не признается, что он — это он.

23. Одной из самых примечательных деталей всех анпиловских акций стал допотопный «ЗИС» времен войны, на котором активисты «Трудовой Москвы» развешивают портреты вождей далекого прошлого и красные флаги. Там же установлены репродукторы для трансляции поднимающих дух песен. Говорят, этот грузовик стоял в свое время в музее завода «ЗИЛ». Теперь у «ЗИСа», как и у большевизма, началась вторая молодость.

24. Кстати, о песнях. Петь В.А. любит и умеет. Еще в далекие и сытые семидесятые во время бесчисленных комсомольско-молодежных мероприятий он с удовольствием пел в компаниях русские народные, казацкие и испанские песни. Знакомые В.А. отмечают, что обычно на митингах у него появляется какой-то непривычно противный визжащий голос, а когда сразу после выступления он начинает «Вставай, страна огромная», голос тут же становится чище и спокойней. Правда, с дыханием у В.А. слабовато: начиная песню перед микрофоном, он заставляет подтягивать всех своих слушателей, но сам же редко дотягивает до второго куплета — срывается.

■

ДОЛЖНА БЫТЬ В КОММУНИСТЕ КАКАЯ-ТО ЗАГАДКА

Записки из подполья

Фото Э.Кудрявицкого

— Товарищи, нет здесь посторонних? Все от партийных комитетов?

Товарищ, сидящий рядом, покосился на меня, но ничего не сказал. «Пронесло», — подумал автор.

— Тогда разрешите начать, — не то спросил, не то объявил председательствующий. Позади него гомеровскими глазами вперилась в публику гипсовая голова Ленина, светившаяся на красном фоне.

Я ощутил себя нелепым героем из кинофильма то ли «Юность Максима», то ли «Вихри враждебные». Помните, когда изобретательные большевики сходятся в лесу (в подвале, в Швейцарии) и решают вопросы грядущего митинга (стачки, революции). Кругом шныряют узколобые жандармы, но где им угнаться за локомотивом истории?

Таким вот до зевоты знакомым фарсом дышала подпольная сходка активистов Российской коммунистической рабочей партии в полуподвальном помещении жилого московского дома неподалеку от «Сокола». Только не шныряли жандармы — бабульки мерзли у подъезда да дети лениво играли в войну.

Вообще-то, в этих полуподвальных комнатах размещается обычный ДЭЗ. Нашел я тут комнату участкового, почитал объявления о подготовке к зимнему периоду, полюбовался стендом «Мы рисуем» с яркими гуашевыми пейзажами Наташеньки Соболевой. Эхе-хе.

...Этот «конспиративный» адрес сообщили мне под большим секретом бессменные партдобровольцы у музея В.И.Ленина, едва я поинтересовался местонахождением их «Смольного». «Приходите туда, вам все скажут. А тут все прослушивается».

А уж когда пришел, то, оказалось, как незабвенный Чацкий — «с корабля на бал»: серьезные мужики заходили неспешно в актовый зал, пожимали друг другу руки, усаживались, разворачивали газету «Правда», переговаривались вполголоса. У дверей в зал меня «притормозил» местный дружинник: «Вы секретарь какого района?» — «Да я не секретарь...» — «Но из какого района?» — «Из Люблинского». — «Проходите, товарищ». То ли приняли не за того, то ли на мгновенье бдительность потеряли — это мне, автору, неведомо, но я проник в зал и уже приискивал себе местечко в дальних рядах, озираясь вокруг и вчитываясь в лозунги на кумаче про что-то нерушимое. А охрана, кстати сказать, была вполне надежная. Человек снаружи и человек внутри. Сам видел, как во время собрания некий чужак, щурясь близоруко, попытался просочиться, преодолев внешний заслон, но был вытеснен безжалостным рыцарем партии уже из зала.

Томясь ожиданием (начало все откладывалось), ерзая на стуле, я чуть было не достал почитать «Коммерсантъ», но, слава Богу, тут же опомнился... Никогда еще я не был так близок к провалу. А бездарно покидать полуподвал, не дождавшись представления, было бы обидно. Архиобидно. Однако должен забежать вперед и сообщить, что в конце концов автор смалодушничал и потихоньку удрал, так и не услышав «финального аккорда». Подобно тому, как в прежние дни сбегал с комсомольских посиделок. Беда в том, что и фарс утомляет рано или поздно. А этот вообще вылился в какое-то вялотекущее заседание парткома образца восемьдесят первого года. Даже подполье не научило наших усталых коммунистов вносить в свои мероприятия живинку какую-никакую или там искринку. Ну хоть песни бы попели, которые Ильичу нравились (никто не просит «Аппассионату» исполнять), елку в Сокольниках затеяли, поездку в Кашино, детей бы записали в Общество чистых тарелок. Ан нет! Все про пленумы ЦК, про Виктора Ивановича (Анпилова то есть) и про всякую муру в части «разное». Где ж романтика борьбы, товарищи?

Интересно было сначала, когда народ только собрался, еще не разомлел с холодка, пока бродил еще в голове партийцев свежий хмель воспоминаний о наглых физиономиях в коммерческих ларьках, о вчерашнем рок-ублюдстве по телевизору, о подорожавшем пиве. Да еще о молодом соседе-бездельнике, выписывающем «Московский комсомолец»; о теще, которая, померев две недели назад, даже не оставила денег на похороны; о последней рыбалке, когда не клевало, хоть тресни; о Боровом, который с жиру бесится, не знает, куда бы ему еще шальные свои деньги засунуть, — партию придумал; о чеченцах этих (или азербайджанцах?), напугавших до смерти пятнадцатилетнюю дочь — теперь она только в училище и обратно; о пиве опять-таки...

Вот и произносили рабочие свое рабочее слово. Если кто мешал по недомыслию — из зала урезонивали: «Подожди! Дело ведь говорит!» Остальные подхватывали солидно: «Дело говорит».

Обсуждались, например, результаты сбора подписей за референдум по отставке Ельцина. Надо было набрать миллион, да не набрали. Почему? Кто-то, рубя ладонью, предложил «обязать каждого коммуниста собирать определенное количество подписей. А если не будет собирать — значит, не выполняет своих обязанностей коммуниста». Ладно сказано. «Хорошо ты им дал, по-рабочему, очень верно осветил положение» — как пел Галич в семидесятые.

Дискуссия разрасталась. Кто-то требовал стоять у проходных и распространять газеты и листовки (ох, как пригодилась бы тут самоотверженная Ниловна!). Кто-то вещал хрипло о том, что уже «есть выходы на крестьянство» и надо искать подходы «к самой дурной и горластой группе — творческой интеллигенции». Кто-то звал прямо завтра с утра идти пикетировать «Белый дом» и Гайдара. Кто-то выкрикивал цифры, кто-то имена, но я уже не столько слушал, сколько рассматривал — по мере возможности — аудиторию.

Меня окружали немолодые мужчины, одетые в не слишком отутюженные брюки мышиных тонов и непарные пиджаки. Читатель ждет уж крепких выражений типа «юродивые», «бесноватые» или — чуть не забыл! — «красно-коричневые». Напрасно. Ну конечно, комичны эти пластмассовые значки с Лениным на лацканах, это назойливое, культивируемое обращение «товарищ», да и сама ситуация глуповатая, согласитесь. Какая-то липовая конспирация, лозунги на стенах — в общем-то даже не очень забавно. Сомнительная экзотика.

Придет наш коммунист после сходки домой, жена на стол соберет, спросит: «Ну что там у вас, Паш?» «Завтра, значит, на митинг идем, — отвечает Павел, гоняясь вилкой за вермишелиной. — Я флаг понесу. Собираемся у ЦК КПСС. Будем выдвигать экономические требования». — «А какие, Паш?» — «Разные, разные. Чтобы хлеб не дорожал, чтобы Гайдар в отставку пошел, чтобы ваучеры не это... А ты «Марианну»-то смотрела сегодня?»

Ой, тоска, тоска...

Мои коммунистические грезы прервал зычный женский голос: «Я из Брянска! Дайте мне слово!» Невысокая тетка в вязаном берете шагала к трибуне. «Я зачитаю обращение рабочих Брянска! Слушайте! Товарищи!..» Господи, в каком кино, в каком сне Веры Палны я все это видел? «Надо выявить убийц и шпионов, которые пробрались к нам! — кликушествовала посланница брянского пролетариата. — Немедленно! У нас уже поднимаются миллионы рабочих! Миллионы!»

Но тут — гляжу — мужички-то некоторые улыбку прячут, слушая про «вредителей». У тетки бедной берет на глаза сползает, она его поправляет сердитой рукой и продолжает крещендо. Но ее поблагодарили настойчиво и на место проводили. Правда, и в ладоши похлопали.

...Я слонялся по коридору, курил и безо всякого интереса вчитывался в «страницы жизни В.И.Ленина». Такой стенд у входа в актовый зал висит. Заседание продолжалось.

«Все говорят, — кивнул в сторону закрытых дверей тот самый дружинник, что так неосмотрительно меня впустил. — Вместо того, чтобы делом заниматься». Я вежливо ждал развития мысли о «деле». Однако фраза так и осталась загадкой. В коммунисте всегда должна быть какая-то загадка.

Алексей БЕЛЯКОВ

Регионы России	Доля региона, %		Разница долей	Обеспеченность ваучера фондами (Россия=1)
	в основных фондах	в числе ваучеров		
Россия	100	100	0	1,00
Экономические регионы				
Север	7,9	4,1	—3,7	0,53
Восточная Сибирь	10,7	6,2	—4,5	0,58
Центрально-черноземный	6,9	5,2	—1,7	0,76
Дальний Восток	6,9	5,4	—1,5	0,78
Поволжье	12,1	11,2	—1,0	0,92
Урал	13,3	13,7	0,4	1,03
Северо-Запад	5,8	6,3	0,4	1,08
Западная Сибирь	8,5	10,2	1,7	1,21
Волго-Вятский	4,7	5,7	1,0	1,22
Центральный	16,4	20,5	4,1	1,25
Северный Кавказ	6,8	11,5	4,6	1,67
Остродефицитные регионы, области (с острой нехваткой ваучеров)				
Мурманская	2,4	0,8	—1,6	0,33
Красноярский	6,8	2,4	—4,4	0,36
Карелия	1,3	0,5	-0,8	0,41
Липецкая	1,9	0,8	—1,1	0,43
Белгородская	2,2	0,9	-1,2	0,43
Камчатка	0,7	0,3	—0,4	0,46
Вологодская	1,8	0,9	—0,9	0,51
Регионы, области заметной нехватки ваучеров				
Приморский	2,5	1,5	—0,9	0,62
Сахалинская	0,8	0,5	—0,3	0,63
Астраханская	1,1	0,7	—0,4	0,65
Томская	1,0	0,7	—0,4	0,65
Челябинская	3,7	3,5	—1,2	0,67
Калининградская	0,9	0,6	—0,3	0,67
Иркутская	2,8	1,9	—0,9	0,68
Татарстан	3,5	2,5	—1,0	0,71
Хабаровский	1,7	1,2	—0,5	0,73
Курская	1,2	0,9	—0,3	0,74
Екатеринбургская	4,2	3,2	—1,0	0,77
Архангельская	1,4	1,1	—0,3	0,77
Ленинградская	1,4	1,1	—0,3	0,81
Сбалансированные регионы, области				
Коми	1,0	0,9	—0,1	0,86
Ярославская	1,1	1,0	—0,2	0,87
Орловская	0,7	0,6	—0,1	0,90
Кемеровская	2,4	2,1	—0,2	0,90
Смоленская	0,9	0,8	—0,1	0,92
Магаданская	0,4	0,4	0	0,93
Саратовская	1,9	1,8	—0,1	0,95
Ростовская	3,0	2,9	—0,1	0,95
Чувашия	0,9	0,9	0	0,99
Ульяновская	1,0	1,0	0	1,00
Владимирская	1,1	1,1	0	1,05
Волгоградская	1,7	1,8	0,1	1,04
Оренбургская	1,4	1,5	0,1	1,07
Самарская	2,1	2,2	0,1	1,07
Тверская	1,0	1,1	0,1	1,10
Костромская	0,5	0,5	0	1,13
Регионы, области заметного избытка ваучеров				
Мордовия	0,5	0,6	0,1	1,23
С.-Петербург	2,7	3,4	0,7	1,24
Алтай	1,6	1,9	0,4	1,24
Пензенская	0,8	1,0	0,2	1,24
Псковская	0,5	0,6	0,1	1,25
Кабардино-Балкария	0,4	0,5	0,1	1,27
Тюменская	1,7	2,1	0,4	1,29
Рязанская	0,7	0,9	0,2	1,30
Тамбовская	0,7	0,9	0,2	1,31
Пермская	1,6	2,1	0,5	1,32
Москва	4,4	6,1	1,7	1,37
Курганская	0,5	0,7	0,2	1,38
Бурятия	0,5	0,7	0,2	1,39
Амурская	0,5	0,7	0,2	1,39
Тульская	0,9	1,3	0,4	1,44
Марий Эл	0,4	0,5	0,1	1,44
Брянская	0,7	1,0	0,3	1,46
Кировская	0,7	1,1	0,4	1,54
Московская	2,9	4,5	1,6	1,47
Калужская	0,5	0,7	0,2	1,59
Тува	0,1	0,2	0,1	1,73
Воронежская	0,9	1,7	0,8	1,78
Новгородская	0,3	0,5	0,2	1,83
Башкирия	1,4	2,7	1,3	1,88
Ставропольский	1,0	2,0	1,0	1,88
Сильноизбыточные регионы, области				
Якутия	0,4	0,7	0,3	2,02
Удмуртия	0,5	1,1	0,6	2,05
Калмыкия	0,1	0,2	0,1	2,99
Дагестан	0,3	1,2	0,9	3,73
Чечено-Ингушетия	0,1	0,9	0,8	6,30
ИТОГО:				
Остродефицитные	17,1	6,8	—10,3	0,40
С заметной нехваткой	27,2	19,2	—8,0	0,71
Сбалансированные	23,1	23,1	0	1,00
С заметным избытком	29,0	42,3	13,3	1,46
Сильно-избыточные	3,6	9,6	5,0	2,40

Комментарий к таблице

Как видно из таблицы, например в Мурманской, Екатеринбургской областях, Карелии ваучеры будут в дефиците. И начнут перетекать из районов, где стоят дешевле, в те, где за них дают дороже. По прогнозам специалистов, в такие межобластные потоки будет вовлечена примерно пятая-шестая часть всех приватизационных чеков. Цивилизованность этого процесса во многом будет зависеть от расторопности специалистов Госкомимущества России: насколько оперативно они сумеют создать конкуренцию между инвестиционными фондами, коммерческими банками и фондовыми биржами.

Недавно Б.Ельцин подписал очередной пакет указов по созданию инфраструктуры для приватизации. В их числе Указ о расширении доли государственного имущества, которое можно купить на ваучеры. Теперь к нему отнесена земля под приватизируемыми зданиями и земля под предпринимательские цели (речь идет прежде всего об участках городской земли), а также жилье и муниципальная собственность. Кроме того, принято решение, что определенную часть имущества (80 процентов остаточной балансовой стоимости предприятий) можно будет купить только за ваучеры. Это также подстегнет спрос на приватизационные чеки.

Сами специалисты, в том числе и руководители Госкомимущества, неоднозначно расценивают данные решения. Заместитель председателя Госкомимущества Дмитрий Васильев, например, считает, что решение о продаже земли на ваучеры закончится разочарованием для тех, кто вложит чеки в этот товар. Земли не хватает только до тех пор, пока она остается государственной или ведомственной. Как только земля станет частной, то сразу окажется в избытке и ее невозможно будет продать.

Недавно Васильев высказал предположение, что к середине следующего года приватизационные чеки в России будут котироваться на биржах по цене 150—200 тысяч рублей.

Ирина ДЕМЧЕНКО

ВАЛЮТЫ МОЖЕТ И НЕ БЫТЬ, НО ПРОДАВАТЬ ЕЕ ОБЯЗАН...

На валютной бирже обстановка нервная. То рубль все падает и падает, а доллар все растет и растет. То, глядишь, обратный процесс начинается. Но все равно соотношение вполне дикое... Вот и президент России это заметил, выступил на сессии Верховного Совета и успокоил публику: дескать, все путем... Когда экспортеры в обязательном порядке сдадут свою валютную выручку, до последнего цента, в России начнет падать курс доллара. Исполняющий обязанности премьера Е.Гайдар доложил избранникам на той же сессии, что все идет нормально, никаких неожиданностей, а просто надо ужесточать финансовую политику и кредиты кому попало не раздавать. Наш парламентский корреспондент попросил В.Геращенко, председателя Центрального банка России, прокомментировать эти высказывания.

РИА—Новости

Виктор Геращенко

— Виктор Владимирович! Позиции Ельцина и Гайдара различны?

— По-моему, нет. Только Ельцин намного выше, чем Гайдар...

— Как вы восприняли речь президента на сессии Верховного Совета?

— Понял ее как поддержку нашего видения экономического развития России. Мы тоже считаем, что без структурных изменений в экономике, без привлечения в нее необходимых иностранных инвестиций сломаем себе хребет.

— Опыт Восточной Европы уже совершенно нам неинтересен?

— Нам интересен любой опыт, но, я бы сказал, нет такого опыта, который мы могли бы стопроцентно скопировать. Что касается опыта Восточной Европы, то он как раз нам очень полезен. В первую очередь — Венгрии, которая начала путь к реформам двадцать лет назад, вела продуманно, осторожно, но в то же время и агрессивно. Я не очень хорошо знаком с польским опытом, но по чисто внешним факторам он меня смущает. Вообще-то я считаю, что нам надо перенимать все полезное из опыта стран третьего мира, которые постепенно превращались в индустриально развитые страны.

— Какие конкретно страны третьего мира вы имеете в виду?

— К примеру, страны АСЕАН...

— А что предпримет Центральный банк в ситуации беспрецедентного курса доллара по отношению к рублю?

— А ничего сверхъестественного. Центральный банк проведет долларовую интервенцию в нужных объемах, но... Понимаете, на наш взгляд, в связи с тем, что цены на энергоносители скорректированы, естественно, пройдет корректировка уровня цен на все другие товары, и это, конечно, скажется на общем уровне цен. И я не вижу ровным счетом ничего сверхдраматичного в том, что и курс рубля к доллару тоже корректируется...

— Президент сказал, как вы помните, что курс доллара сейчас завышен искусственно. А каково ваше мнение?

— Знаете, я все время говорил и заявляю сейчас, что этот сегодняшний курс не является... презентабельным. Он отражает очень небольшую фракцию тех валютных поступлений, которые приходят в страну и проходят через биржу. О каком-то реальном рыночном курсе можно будет говорить лишь тогда, когда вся экспортная выручка за товары и услуги будет продаваться через банки, а импортеры — будь то физические или юридические лица — станут эту валюту покупать опять же через банки по складывающемуся курсу.

— А каков может быть реальный курс?

— Это покажет рынок.

— Распространено мнение, что вы — сторонник ликвидации валютных магазинов. Это так?

— Нет. Я считаю, что в этом деле тоже должен быть определенный порядок: если кто-то желает торговать на валюту, то он должен торговать и на рубли. Одновременно.

Григорий КРОШИН

ЭКО-НЕВИДАЛЬ

В ТАКИЕ ЦЕНЫ ДАЖЕ НЕ ВЕРИТСЯ

Жители Пинска, купившие первый номер газеты «Деловой Пинск», наверняка подумали, что в редакции работают сотрудники с юмором. Где это видано в наши дни, чтобы один экземпляр газеты стоил копейку! Но коллектив издания, учредителем которого стала частная коммерческая фирма «Колибри», сделал дальновидный шахматный ход. Первые номера по бросовой цене выпускаются, чтобы познакомить как можно больше читателей с «Деловым Пинском». А там цену можно и поднять. Другое дело, где сейчас можно найти копейку? Но это уже трудности покупателей. «Деловой Пинск» также монополизировал право на публикацию программы местного вечернего коммерческого телеканала «Варяг», который крутит то, что нравится многим: эротические фильмы, боевики...

В МОДЕ — ГЛАДКИЕ ТОРСЫ

Новый вид медицинского бизнеса распространился в Великобритании. Мужчины становятся в очередь, чтобы избавиться от волос на груди и спине. Сначала это были культуристы, потом пловцы, желающие повысить обтекаемость тела. В одном из спортивных клубов Лондона мужчин подвергают особой операции: с помощью горячего воскового раствора буквально отдирают волосяной покров со спины. Если верить косметологам, это очень типично для молодых людей, которые хотят таким образом стать более привлекательными в глазах их подруг. Но каково будущее у оригинального бизнеса — покажет время. Многие мужчины, опрошенные на улицах Лондона, сказали, что они вряд ли решатся на такую болезненную операцию и вообще они гордятся своим волосяным покровом.

ВНИМАНИЮ НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ-МОСКВИЧЕЙ!

Редакция еженедельника «Столица», учитывая ваши пожелания, решила облегчить финансовое бремя, которое возложило на подписчиков Министерство связи. **С 15 октября по 30 декабря те из вас, кто готов получать в 1993 году очередные номера «Столицы» *непосредственно в редакции*, могут оформить подписку в нашей бухгалтерии по адресу: Петровка, дом 22 (вход с Рахмановского переулка). Стоимость подписки значительно ниже, чем в почтовых отделениях:**

на квартал — 125 рублей,

на полугодие — 250 рублей.

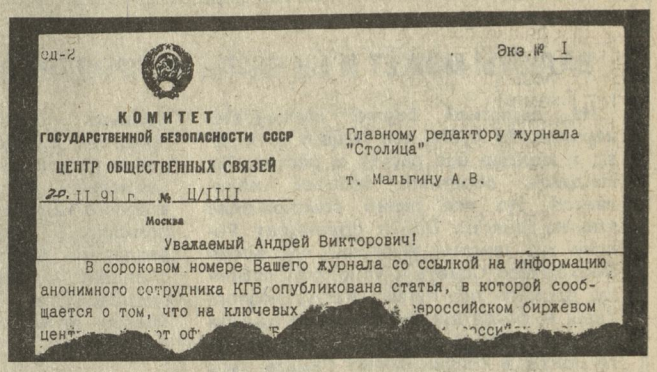
Мы гарантируем вам получение журнала по неизменной цене в течение всего срока подписки! Те, кто оформит подписку до 1 декабря, смогут принять участие в нашей лотерее!

Подписка принимается ежедневно (кроме субботы и воскресенья) с 11.00 до 17.00. Справки по телефонам: 928-27-69, 928-10-34.

Архив-библиотека ЕЛЬЦИН ЦЕНТР

А.КАРБАИНОВ (генерал КГБ):

Офицеры КГБ во Всероссийском биржевом центре никогда не работали



Од-2 Экз.№ I

КОМИТЕТ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СССР
ЦЕНТР ОБЩЕСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ

20.II.91 г. № II/IIII

Москва

Главному редактору журнала "Столица"

т. Мальгину А.В.

Уважаемый Андрей Викторович!

В сороковом номере Вашего журнала со ссылкой на информацию анонимного сотрудника КГБ опубликована статья, в которой сообщается о том, что на ключевых [illegible] ероссийском биржевом цент[illegible] от оф[illegible] [illegible]ссий[illegible]

Уважаемый Андрей Викторович!

В сороковом номере Вашего журнала со ссылкой на информацию анонимного сотрудника КГБ опубликована статья, в которой сообщается о том, что на ключевых постах во Всероссийском биржевом центре работают офицеры КГБ и якобы используют российские экономические структуры для отмывания денег КГБ и перекачки их за границу.

Центр общественных связей Межреспубликанской службы безопасности уже официально заявил в прессе, что это не соответствует действительности и является грубым вымыслом, направленным на дискредитацию органов госбезопасности и российских предпринимательских учреждений.

Не хотелось бы менторствовать, но думается, что для столь серьезного вывода опираться на информацию невзначай зашедшего в редакцию незнакомца по меньшей мере весьма сомнительно для репутации солидного журнала. Тем более, что истина практически лежит на поверхности и при соответствующем желании редакции ее легко можно было бы установить.

Действительно, называемые в статье Болдырев, Чухланцев и Сумской служили в 16 Управлении КГБ СССР, которое, к слову, является теперь составной частью Комитета правительственной связи и к оперативной деятельности КГБ никакого отношения не имело.

Однако в свое время они уволились из КГБ и, используя конституционное право на труд, устроились на новое место работы. Тот факт, что они выбрали Всероссийский биржевой центр, является лишним свидетельством адекватного реагирования сотрудников органов госбезопасности на происходящие изменения в экономике. В свою очередь, то, что бывших сотрудников КГБ приняли на работу, очевидно, предпочтя другим претендентам, является делом руководителей этих экономических структур, которые в условиях рынка подчиняются лишь его законам, а не указующему персту из каких угодно высоких кабинетов, в том числе и из КГБ. Рассуждения о «дерзкой операции» КГБ по внедрению в рыночные структуры «невидимок» очень далеки от профессионализма и напоминают скорее хитроумный детективный сюжет, выстроенный на основе чисто умозрительных версий, не подкрепленных ни одним конкретным фактом.

20.11.91 г.

Начальник Центра общественных связей Межреспубликанской службы безопасности А.Н.Карбаинов

А.КОНАНЫХИН (президент ВББ):

НЕ ТОЛЬКО РАБОТАЛИ, НО И РАЗОРИЛИ

УВАЖАЕМЫЕ ГОСПОДА!

Прошу Вас опубликовать мое письмо. Банкротство организаций, о которых идет речь в моем письме, будет трагедией для многих тысяч людей, доверивших им свои деньги.

С уважением,

А.Конаныхин
10 октября 1992 г.

АКЦИОНЕРАМ И КЛИЕНТАМ Всероссийского биржевого банка, Всероссийской биржи недвижимости и Международной универсальной биржи вторичных ресурсов!

ПРЕДОТВРАТИТЬ БАНКРОТСТВО!
ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО А.КОНАНЫХИНА, ПРЕЗИДЕНТА ВСЕРОССИЙСКОГО БИРЖЕВОГО БАНКА

Сообщаю Вам, что под угрозой банкротства оказались Всероссийский биржевой банк, Всероссийская биржа недвижимости и Международная универсальная биржа вторичных ресурсов.

Позволю себе изложить ситуацию подробно:

В конце 1990 г. для работы на биржах страны я возглавил учрежденный акционерным обществом «Российский Дом» Всероссийский биржевой центр (далее именуется «ВБЦ»), одной из задач которого было развитие инфраструктуры рыночной экономики. ВБЦ явился организатором Всероссийской биржи недвижимости (далее именуется «ВБН»), Международной универсальной биржи вторичных ресурсов (далее именуется «МУБВР») и Всероссийского биржевого банка (далее именуется «ВББ»). Во всех этих организациях я, как учредитель, являлся президентом или вице-президентом.

Моим заместителем в ВБЦ был капитан КГБ М.В.Болдырев. Далее Болдыревым

на руководящие посты в ВБЦ были внедрены капитан КГБ А.А.Сумской и майор КГБ И.Е.Чухланцев. Будучи действующими сотрудниками КГБ, они месяцами не ходили на работу, многократно ездили за границу — новое задание им было явно по душе. Когда созданный ими крен в сторону реакционно-политической деятельности стал непреодолим, я принял решение уйти из этого бизнеса. Я распродал принадлежавшее мне имущество и в январе 1991 года покинул Россию и поселился в Будапеште.

Хорошей иллюстрацией методов, используемых указанными лицами, служит история создания и развития ВБН.

ВБН была учреждена в конце 1990 г.; почти сразу после учреждения была объявлена открытая подписка на ее акции номинальной стоимостью 250 тысяч рублей. Подписка прошла очень успешно, акции пользовались большим спросом и быстро росли в цене: многие понимали, что торговля недвижимостью в России — это поистине золотое дно. Что же с ними случилось, почему, поднявшись до стоимости в семь номиналов (1 750 000 руб.) и более, они так резко упали ниже номинала? Причиной послужило беспрецедентное и противозаконное обжуливание акционеров. После окончания подписки хозяева Биржи — капитаны КГБ Сумской и Болдырев вместе с президентом Биржи Авдеевым приняли решение продавать несуществующие фиктивные акции — «воздух». Сотни мифических акций, выброшенных на рынок в яростной жажде наживы, послужили причиной спланированной ими паники — проданные за миллион-полтора липовые акции можно было выкупить по сто—двести тысяч и — концы в воду.

Для усиления паники использовался и хорошо продуманный комплекс дополнительных мероприятий:

— несколько писем Авдеева акционерам Биржи о параличе биржевой торговли недвижимостью — и у акционеров появляется желание избавиться от акций;

— хамски выгнаны из кабинета президента Биржи корреспонденты ряда газет — и появляются критические статьи о ВБН, а у акционеров усиливается желание избавиться от акций;

— сознательно спровоцирован конфликт с К.Боровым и другими известными предпринимателями — и в деловой среде укрепляется негативное отношение к Бирже — а у акционеров еще более усиливается желание избавиться от акций;

— распущены слухи о банкротстве и предстоящем закрытии Биржи — и вот уже новая волна паники;

— в центральной прессе затевается скандал с Лужковым (напр., в большой статье Авдеева «У команды Лужкова свой интерес» Лужков обвиняется в коррупции и борьбе против ВБН) — и вот уже и энергия возмущенного Лужкова используется «в мирных целях» — ну кто будет держать акции Биржи недвижимости, если она не сотрудничает с властью, а находится с ней в конфронтации?

— Вышедшая затем статья Авдеева «Я предпочел бы купить законодателя», обозначающая конфликт с Верховным Советом, — очередной вклад в дело девальвации акций;

— вызывающее отношение к акционерам, нарушения Устава, несозыв общего собрания по итогам 1991 года — и желающих быть акционерами еще меньше;

— декларации о низкой стоимости акций, публикуемые в газетах, — не только один из ходов, но и итог этой небывалой еще в постперестроечной России кампании по подрыву одной из крупнейших коммерческих организаций своих же акций!

Сотни миллионов еще не обесценившихся рублей — укрытой от налога прибыли — обернулись банкротством десятков одураченных организаций.

Выкуп Биржей подорванных ею акций, однако, затянулся: не хотелось платить за них и по 200 тысяч. Поэтому к недавно прошедшему общему собранию акционеров помимо настоящих акций еще ходили и липовые — Авдееву пришлось немало потрудиться над подтасовкой голосов акционеров. Собрание акционеров «утвердило» баланс: 50 миллионов убытка, дивиденды не выплачиваются. Хотя даже в предъявленной акционерам версии баланса отдельной строкой значились 300 миллионов эмиссионного дохода, а затраты на собственно биржевую деятельность исчислялись лишь несколькими десятками миллионов.

Теперь, когда сверхдоходы из ВБН выжаты, она, истерзанная и дискредитированная, переведена в режим влачения жалкого существования... Похожие методы процветают и на МУБВР, которая и является владельцем контрольного пакета ВБН (президент МУБВР — капитан КГБ Сумской; вице-президент — капитан КГБ Болдырев).

Разумеется, афера с акциями — это лишь одна из многочисленных комбинаций подобного рода. Взятки, разбазаривание уставного капитала, неуплата налогов, срастание с мафией — все это стало на ВБН и МУБВР нормой.

Я сам предприниматель и небезуспешно играл на фондовом рынке, но одобрить подобные методы ведения бизнеса я не мог. Однако я «слишком много знал»... И посему ко мне — чтоб молчал и содействовал — они применили все возможные методы устрашения и шантажа: похищение, угрозы, убийства меня и моих близких, угрозы «состряпать дело», лишить бизнеса...

В связи с этим я сделал соответствующие заявления прессе, Генеральному прокурору России, министрам внутренних дел и безопасности. 12.09.92 я приостановил до внеочередного общего собрания, назначенного на 20.01.93 г., полномочия всех членов Совета Банка и просил Председателя Центрального Банка в целях обеспечения интересов клиентов Банка и бюджета установить опеку (государственный надзор) над деятельностью Банка, а также выразил желание безвозмездно передать государству принадлежащие моим компаниям акции Всероссийского Биржевого Банка. Однако, оставшись до настоящего времени безнаказанными, данные лица узурпировали руководство Банком и принимают меры для искажения документации Банка, совершения хищений, шантажа сотрудников Банка. На назначенном ими на 16 октября сего года собрании акционеров ВББ они планируют, вновь фальсифицировав итоги собрания, объявить себя полномочным Советом Всероссийского Биржевого Банка.

Я полагаю необходимым, пока еще не поздно, тщательной проверки правительственной комиссией состояния дел во Всероссийском Биржевом Банке, на Всероссийской бирже недвижимости и на Международной универсальной бирже вторичных ресурсов, а также принятия решения об установлении государственной опеки или других необходимых мер.

В противном случае неизбежны крупные хищения и банкротство этих организаций.

Поскольку я уже предпринял все доступные мне законные меры, я слагаю с себя всю дальнейшую ответственность за судьбу данных организаций.

10.10.92 г. *А.Конаныхин*

ОТ РЕДАКЦИИ:

Публикуя материал о «Всероссийском биржевом центре» («Столица», № 40, 1991 г.), мы не предполагали, что откровения анонимного сотрудника КГБ вызовут столь бурную реакцию как со стороны деловых людей, так и тех, кто к делам бизнеса, в принципе, отношения иметь не должен. Тогда, почти год назад, многие предприниматели, в частности К.Боровой, предрекали крах коммерческих структур, в которых ключевые посты заняли бывшие сотрудники КГБ. И объясняли свою позицию просто — «фирменный» стиль, выработанный за годы работы в отнюдь не коммерческой фирме, еще даст о себе знать. И как бы уважаемый генерал А.Карбаинов ни упрекал год назад наше издание в отсутствии профессионализма, время показало: кто был прав, а кто — «заблуждался». Нет смысла обсуждать нюансы финансовых операций, описанные в письме А.Конаныхина, — важна их суть: надо было скомпрометировать идею честного бизнеса любым путем, и ее скомпрометировали.

Результат: тысячи вкладчиков и акционеров, вложивших деньги в упомянутые г-ном Конаныхиным структуры, могут оказаться у разбитого корыта.

Григорий ЯВЛИНСКИЙ:

«НАША СТРАНА — САМАЯ ПРЕДУПРЕЖДЕННАЯ В МИРЕ»

— Григорий Алексеевич! Разговоры о результатах реформы даже среди экономистов идут, как правило, на обывательском уровне. Одни говорят: смотрите, пивом и пепси-колой теперь торгуют по ночам, разве это не результат?! Другие возражают: а сумасшедшие цены, а полная непредсказуемость событий? Разумеется, я упрощаю ситуацию, но суть проблемы ясна: существуют ли критерии, по которым можно судить — удалась реформа или нет?

— Попробуем посмотреть на этот вопрос объемно, с разных сторон.

Проще всего экономисту оценить результаты реформаторской деятельности за год следующим образом.

Сентябрь—октябрь 1991 года — инфляция (рост потребительских цен) около 6 процентов в месяц; спад производства примерно 15 процентов в год; курс рубля: 60 рублей за один американский доллар. Люди желают реформ, готовы к ним, доверяют власти и добровольно жертвуют многим ради реформ. У правительства шесть-семь месяцев нет оппозиции — оно может делать все, что считает необходимым.

Сентябрь—октябрь 1992 года — мои оценки: инфляция примерно до 30 процентов в месяц, спад производства — до 28 процентов в месяц, а курс рубля уже 342 рубля за доллар. Но главное в том, что за год ни одно крупное предприятие не акционировано: малая приватизация в целом по России почти не движется, земельной реформы нет, демонополизация не осуществляется, вместо структурной перестройки — глубокий платежный кризис, вместо банкротств и перелива капитала, рабочей силы — государственное субсидирование.

Доверие к реформаторам и реформам если и не исчерпано полностью, то близко к этому. Возникло чувство обманутости. Появилась оппозиция, которая уже с мая весьма активно и неконструктивно вмешивается в курс реформ, причем, что странно, при полной и единодушной поддержке самих реформаторов. Вот это как бы профессиональная сторона дела.

Относительно падения уровня жизни, снижения потребления и других социальных показателей и говорить нечего — положение ухудшилось многократно. Тенденция эта продолжает нарастать. В принципе верно, что это неизбежная плата за реформы. Но платить все же хотелось бы именно за реформы, однако как раз этого-то «товара» и нет. По крайней мере, хотя бы в мало-мальски сопоставимом с ценой виде. Значит, это все-таки плата за чьи-то ошибки и авантюры, за «реформаторский имидж». Если исходить из целей, которые ставило перед собой правительство, — финансовая стабилизация, нормализация бюджета, укрепление рубля, то из этого, как уже теперь всем понятно, тоже ничего не вышло. Уже весной было ясно, что политика стабилизации провалена. К сожалению, иначе и быть не могло, но это уже отдельная тема.

Но есть еще два аспекта. Вот вы говорили о торговле пивом и колой по ночам, иначе говоря, о том, что жить стало свободнее, можно заводить свое дело и т.д. Видите ли, у некомандной жизни есть преимущество, существующее в ней имманентно — то есть само по себе. Надо просто не трогать людей, торгующих по ночам напитками, и все — они будут самостоятельно продавать. Для этого не требуется вообще никакого правительства. А вот если спросить этих торговцев — хорошо ли их, например, охраняют, стимулируют ли предпринимательство, уверены ли они в будущем, и вообще, сколько нужно сил и времени, чтобы начать свое дело, заиметь помещение, зарегистрироваться и т.п., — неэкономисту ясно, каким будет ответ.

— Короче говоря, мы благодарим правительство за то, что оно перестало запрещать?

— Да. То, что происходит само по себе, иногда принимается за результат действий реформаторов. Если человек хоть на минуточку становится свободным и к нему не пристают, не указывают — поступай так, а не эдак, — он обязательно проявит себя. В частности, будет пивом ночью торговать, когда это выгодно. Если оценивать реформы и правительство с той точки зрения, что это уже не коммунистическое и не социалистическое строительство, а отдельных чинов кабинета — по решительности заявлений, то по таким критериям у нас действительно ситуация славная. Это, однако, подход как бы религиозный, идеологический: является ли достаточным для положительной оценки правительства тот факт, что оно не строит коммунизм? Что добавилось за последний год в смысле свободы личности, демократии, правопорядка в широком смысле слова?

— И как же разобраться — хорошо у нас теперь стало или еще не очень хорошо?

— Вообще-то проще всего спросить у людей — они точно скажут. А если «по науке», то один из способов — проанализировать, а как были использованы возможности и ресурсы огромной страны, которыми располагал кабинет к началу реформ. Эффективно или нет? Знаете, это вообще универсальный критерий, применимый к любой экономике и любому правительству. Как всем этим предполагалось воспользоваться? Главная и единственная идея Егора Тимуровича заключалась в стабилизации валюты... несуществующего государства. Когда-нибудь историки будут теряться в догадках — как такое большое количество людей могло сыграть в эту игру. В сущности, наши реформаторы пытались стабилизировать валюту Ат-

лантиды. В момент, когда решили укреплять рубль, государство, которому принадлежала эта валюта, было уже уничтожено, образовалось полтора десятка полугосударств, без границ, без денежных систем, никаких экономических договоренностей, никакой общей работы, координации... Пятнадцать «независимых» центральных банков, столько же правительств, парламентов, президентов, государственных бюджетов пытались вести свою «независимую» политику, пользуясь одной и той же валютой — рублем... При этом считалось большой доблестью заявить: господа, у нас отныне не будет общего бюджета, а только единое рублевое пространство, что является просто глупостью. И господа до сих пор то входят в это пространство, то выходят...

— Вообще-то, я не очень верю, что в правительстве собрались исключительно безграмотные люди...

— Безграмотность тут ни при чем. Видимо, превыше здравого смысла, профессионализма и ответственности было желание стать известными, получить звание реформаторов, а для этого нужно было обслужить определенные политические интересы. Экономические же договоренности мало того что требовали огромной работы и самодисциплины, кроме того, еще и ограничивали беспредельную власть нового начальства. Поэтому развал экономического пространства считался стержневой идеей, а вокруг него замышлялись все остальные преобразования.

— Ну что поделать, так получилось.

— Однажды Наполеон, потерпев неудачу в каком-то сражении, обратился к одному из генералов-артиллеристов с претензией — почему плохо поддержали? И тот начал оправдываться: дескать, орудия были неверно развернуты, был сильный туман, пороха не хватило... Услышав столько причин, император обвинил генерала во лжи: достаточно было любой одной причины — например, последней.

Так и с нашей реформой. Можно привести десятки аргументов и фактов относительно предрешенности того типа реформ, который был выбран. Но любой из причин достаточно, чтобы понять невозможность получения позитивного результата.

— Итак, пороха не хватило... А без него никак нельзя?

— Даже если бы контроль за финансовыми потоками и денежным обращением не был утрачен, а экономический договор, подписанный десятью республиками, состоялся бы, то и в этом случае начинать надо было с преобразований, имеющих необратимый характер. Финансовая стабилизация, как вы понимаете, к необратимости никакого отношения не имеет.

Например, один человек — допустим, председатель Госбанка господин Геращенко — вроде бы способен запустить всю эту стабилизацию в обратном направлении. Только одной телеграммой.

Почему это так? Потому что наши финансовые диспропорции происходят не столько от бюджетной политики или социальных программ. Их начало — в структуре производства. Когда чуть ли не 70 процентов работников в промышленности производят то, что не может быть предложено на рынке (я имею в виду тяжелую промышленность, военную), а зарплату им надо платить, то каждую секунду эти 70 процентов воспроизводят инфляцию. И чем лучше трудятся — тем она выше. Раньше составляли баланс доходов и расходов за счет торговли нефтью и за счет братьев из соцстран. В страну накачивали товары и вот так сводили концы с концами. Когда баланс не сходился, повышали цены.

А теперь наших уважаемых товарищей в правительстве озарила «замечательная идея» — они решили установить такие финансовые ограничения, при которых все эти труженики, не работающие на рынок, просто вымрут. Кто-то, видимо, почувствовал в себе политическую силу закрыть 70—80 процентов предприятий.

Естественно, этого не произошло. И ситуацией попеременно гордятся обе стороны — Гайдар сообщает, что ни одного банкротства не случилось, а сами кандидаты в банкроты уже не боятся разорения и «жесткой» финансовой политики.

Наша экономика пока устроена так, что сколь-нибудь длительная стабилизация финансов при той структуре производства, которая у нас есть, системе доходов, полном отсутствии соответствующих рыночных инфраструктур, неразрывной органической связи всей государственной экономики с государственным бюджетом невозможна.

— Вы меня уже почти убедили, что кругом плохо: результаты случайны, экономика не меняется, в правительстве собрались политиканы, а не экономисты... А вдобавок большинство работоспособных граждан вкалывает на инфляцию. Разумеется, я утрирую, вы гораздо сдержаннее в оценках. Но как же так получается: меня уже пять лет, например, пугают гиперинфляцией, а ее все нет, с января я чуть ли не каждую неделю ожидаю смены правительства, а оно сидит себе да сидит. Вообще-то нетрудно заметить, что в жизни многое происходит вопреки самым профессиональным прогнозам.

— Гиперинфляция — это вопрос меры. Инфляция — это когда постоянно растут цены. Когда же можно сказать, что они растут как бы слишком (гипер!), — это вопрос меры, оценок. Вообще говоря, это такой рост цен, который доминирует в повседневной жизни людей, дезорганизует производство, рынки, всю систему доходов. Например, в Германии в 1922—1923 гг. была гиперинфляция. Рост цен в октябре 1923 года составлял около 30 тысяч процентов. Есть более современные критерии, когда рост цен превышает 50 процентов в месяц, или, как в Боливии в 1985 году, 11 тысяч процентов. Мы за год и этого уровня пока не достигли. Можно радоваться.

Но, к сожалению, нам еще слишком многое предстоит. Сейчас происходит накопление потенциала роста цен. Зерно государство закупает по ценам выше мировых, это приводит к вздорожанию хлеба, масла, молока, мяса... Предстоит отпуск цен на энергоносители. Три с половиной триллиона неплатежей надо как-то развязывать, и это тоже мощно отзовется на ценах. Наконец, вот-вот будет завершена переоценка основных фондов, их стоимость вырастет раз в 25, а сегодняшняя прибыль уйдет в амортизацию. Спад производства усиливается, впервые мы отметили сокращение по добыче газа... А насчет того, что правительство все сидит да сидит, то это вы заблуждаетесь. Управляет уже правительство не Гайдара, а имени Гайдара. Кто остался-то и на каких постах? Самое неприятное, что серьезные прогнозы как раз сбываются. Хотите убедиться? Прочтите этот текст.

— Та-ак: «Сценарий возможных преобразований...» «...При этом варианте действий продолжится процесс дезинтеграции экономической системы, появятся десятки автаркий в границах областей, национально-территориальных образований. Обмен продукцией между ними примет форму бартерных сделок. В результате придется выбирать между гиперинфляцией и прямым изъятием денежных средств у населения и предприятий. Спад производства углубится, многие предприятия остановятся из-за нехватки комплектующих изделий. Острый дефицит потребительских товаров и продукции производственного назначения можно будет покрывать только за счет импорта, однако стране, вероятно, будет отказано в новых кредитах. Начнется упадок крупных городских центров и падение товарности наиболее урожайных сельскохозяйственных регионов. Потребительский рынок вытеснится нормированным распределением и «черным рынком».

Экономический крах усугубится отсутствием единой программы действий. Каждая республика, а затем и каждая территория (вплоть до района) будут пытаться выбраться из кризиса в одиночку, что губительно для интегрированной сверхмонополизированной экономической системы.

Политические последствия выбора этого варианта действий — окончательный распад Союза, столкновения на национальной почве в этнически неоднородных регионах, неподчинение закону охватит все сферы жизни общества». А говорят, нет пророка в родном отечестве. Это в 1990 году писалось?

— Да. Это написано и опубликовано нами в августе 1990 года. Это программа «500 дней».

— Значит, кризис, о котором нас предупреждали последние годы, еще впереди. А как по-крупному оценить сегодняшнюю ситуацию?

— Теперь, думаю, можно констатировать, что реформы завершены. Правительство, кроме двух-трех запретительных функций, все остальные возможности уже утратило. Поэтому говорить о традиционном реформировании «сверху вниз» больше не имеет смысла. Теперь возможны только преобразования «снизу», происходящие при столкновении на местах с реальными проблемами, а правители могли бы поддержать эти процессы, если поймут их. Главные особенности нынешнего состояния России в том, что очень быстро нарастают различия между российскими землями, народами, людьми. Все ищут свои пути выхода из кризиса, пытаются самостоятельно определить формы и методы создания собственного благополучия, строительства новой экономики, новой страны.

— И что же в этом дурного? Опасаетесь, что люди не вынесут столь быстрых и масштабных изменений?

— Дурного в этом как раз ничего нет. Наоборот. Но лишь в том случае, если эта проблема, этот процесс осознан, верно сформулирован и адекватно отражен в экономической политике и политике вообще. Дело в том, что мирное сосуществование различий требует определенных институционных форм, законодательных и других рамок. Без этого возникают острые противоречия, а затем и конфликты.

А задача федерального правительства, во-первых, сообразить, что сегодня политические условия для финансовой стабилизации абсолютно отсутствуют; во-вторых, необходимо приложить все усилия для того, чтобы сделать ситуацию прогнозируемой, что-то вроде контроля и управления за ухудшающейся ситуацией (есть множество специальных экономических инструментов для этой цели); в-третьих, из барина по отношению к российским землям и предпринимателям нужно превратиться в партнера, уменьшить налоги, децентрализовать многие функции, почти полностью развязать руки по всем направлениям местным властям, предприятиям, предпринимателям. Нужно срочно дать России возможность встать на ноги, а людям создать все возможные условия для самостоятельного и разнообразного решения собственных проблем. Так что, говоря серьезно, возможности для лучшего развития событий у нас как раз сегодня есть, но их никак нельзя упустить. Нужно скорее понять это, разглядеть типично российские опорные точки и на этом построить вместо обанкротившегося реформаторства сверху могучий процесс созидания снизу.

— А у нас уже началось созидание «снизу». Самые «созидательные» без спроса правительства миллионы себе на жизнь заработали. Разве это не результаты реформы?

— Во-первых, это их собственные результаты. Хотя бы потому, что и до реформы у нас, как вы знаете, были люди, зарабатывавшие без спроса правительства миллионы себе на жизнь почти таким же способом. Во-вторых, такой процесс должен охватить страну, общество, целые социальные и профессиональные группы. Не всех людей, конечно, но многих. Иначе этого недостаточно. Кроме сильных перекосов ничего не получится. А кроме того, нужно научиться защищать и поощрять этих людей, дать им гарантированный простор для работы во всей России, а желательно и в СНГ.

— И как это сделать?

— А для этого нужна кропотливая и упорная работа по созданию настоящего гражданского общества и современного, действенного, сильного государственного устройства. Необходим политический процесс реализации концепции новой российской целостности, нового федерализма, новой интеграции. Добровольной. Но прежде, чем так объединиться, нужно решительно заинтересоваться.

— Григорий Алексеевич! Судьба к вам немилостива? Вы не раз и достаточно точно предсказывали грядущие события, предлагали красивые и, как теперь становится ясно, эффективные решения, а вас все никак не слушают. В чем дело? Почему, например, так и не состоялось ваше назначение премьером?

— Задумайтесь над таким, правда, очень рискованным вопросом — разве это лично у меня не состоялось?

— Допустим, у нас у всех.

— Если просмотреть написанное за последние годы только мной — не говоря уже о многих других, — то нашу страну можно считать самой предупрежденной страной в мире. И что из этого? Выводы можете сделать сами.

Интервью вела
Елена КОЛЕСНИКОВА

Среди всех эмигрантов, которые еще в 60-х годах покинули СССР и кружным путем, через Соединенные Штаты или Израиль, пробрались в ЮАР, Марка Шуана в Йоханнесбурге считают «самым преуспевшим».

«ЛУЧШЕ
советует нам

— Я живу так, что в Америке меня бы считали миллионером, — без суеверной боязни сглазить самого себя говорит он. — Недавно купил новый дом в престижном, дорогом районе. Пять автомашин, включая «Мерседес» последней модели, слуги... Здесь у белых пока что очень высокий уровень жизни. Особенно у тех, кто смог утвердиться в бизнесе.

— Что бы вы посоветовали тем русским и украинцам, казахам, армянам, евреям, которые хотят стать пионерами в налаживании деловых контактов с ЮАР или приехать сюда работать? — поинтересовался я.

— Скажу так, — ответил Марк Шуан, — любое дело в ЮАР, если вы хотите, чтобы оно было успешным, начинается с обращения в «консультативную группу». Там вам все просчитают, дадут профессиональные советы на самом высоком уровне, подберут поставщиков, строителей, партнеров и... разделят с вами материальную ответственность в том случае, если, даже следуя всем рекомендациям, вы все же прогорите. Вот с создания такой группы знатоков ЮАР, которые разбирались бы в ее экономике, законодательстве и даже психологии южноафриканцев, и надо начинать еще в Москве.

— Если же вы хотите, — улыбается он, — чтобы ответственность за первые советы взяла на себя «Марк Шуан и К°», то я бы прежде всего посовето-

вал «пионерам из СНГ» оставить у себя дома их отечественную непритязательность, нетребовательность к своему внешнему виду, к своему быту и всему тому, что создает у южноафриканцев первое впечатление о русском партнере. Надо раз и навсегда запомнить: «ЮАР — страна обывателей-снобов, здесь презирают тех, кто не заботится о собственной респектабельности». Почему так? Наверное, потому, что местные белые предприниматели — сами в недавнем прошлом пообтесавшиеся фермеры-африканеры — были долго презираемы англичанами за свои крестьянские манеры. Поэтому, чтобы выбиться в люди, им пришлось стать еще большими снобами, чем англичане.

— И теперь вы требуете, чтобы от них не отставали представители ма-

Фото ИТАР—ТАСС

В объективе — Йоханнесбург

ОСТАВАЙТЕСЬ ДОМА», — миллионер-эмигрант из России

шиностроителей Кузбасса и Донбасса?

— В душе они могут оставаться самими собой, но внешне надо следовать местным законам и не думать, что в Африке и так сойдет. Это такая «Африка», где можно гарантировать: если вы приедете на прием в машине чуть дешевле среднего уровня машин его участников, ни один из них, заметив, из какого автомобиля вы вышли, общаться с вами больше уже не будет. А когда, приглашая к себе в гости, вы произносите название непрестижного пригорода, где поселились экономии ради, знайте: никто туда не поедет. В итоге экономия обернется крахом всего дела.

Обосновавшись же в престижном районе, надо поддерживать свой дом на принятом у соседей уровне, а не самому выносить гостю выщербленную чашку с плохо сваренным кофе, алюминиевую ложку с надписью «Сделано в СССР» и два кусочка сахара. Повторяю: подобная невзыскательность, свидетельствующая о неуважении к самому себе, блокирует здесь все дальнейшие отношения.

— Если так сложно врасти в местную среду даже предпринимателям, то каково же обычным бывшим совгражданам, приехавшим на работу в Южную Африку без гроша в кармане?

— Это особая статья. В последнее время иммигрантов из бывшего СССР, преимущественно евреев, становится все больше. Многие обращаются ко мне с просьбой взять на работу, но получают неизменный отказ. Я не черствый человек, но я предприниматель, глава компании, а не благотворительной организации. Я не могу платить деньги тем, кто, по существу, не может ничего делать. Здесь на всех не требующих технического образования работах заняты черные. Быть же инженером или любым другим специалистом, не зная английского языка — это я понял на своем горьком опыте, — невозможно. К тому же на 600—700 рэндов — такую сумму обычно получают не имеющие квалификации черные — вновь прибывшему белому прожить здесь невозможно. Платить же бывшему соотечественнику 3000 рэндов я не могу. Во-первых, обвинят в расизме. Во-вторых, с какой стати, если за эти же деньги можно нанять образованного черного, который знает и язык, и город, и местные условия, умеет водить машину и выполнять много других полезных дел, недоступных в условиях Йоханнесбурга большинству бывших советских дипломированных специалистов.

В результате, продолжал Шуан, они оказываются здесь в очень тяжелом положении. Это полная безответственность — тащиться сюда, на край земли, с семьями и детьми, не имея даже обратного билета в кармане. Продав все, что есть, они редко могут собрать сумму, достаточную для того, чтобы на протяжении шести месяцев интенсивно изучать язык. А что потом? Я не уверен, что 30 лет спустя кому-нибудь удастся повторить мой путь. Положение в ЮАР кризисное, белым становится все тяжелее, безработица затронула и их, а правительство все решительнее говорит о необходимости делиться хорошо оплачиваемыми должностями с черными. Так что пересдача экзаменов ради признания советского диплома — это еще отнюдь не гарантия трудоустройства на тепленькое местечко. А продавцы магазинов и официанты, как я знаю, живут в Москве лучше, чем в Йоханнесбурге.

Современная ЮАР — это страна, совершенно не приспособленная для приема иммигрантов, сказал в заключение мой собеседник. Скорее, наоборот, она превращается в страну, из которой белые спешат уехать в Англию, США, Канаду, Австралию. К власти идет черное большинство, интересам которого отнюдь не отвечает появление в Южной Африке новоселов, лишенных капиталов, не имеющих должной подготовки и в итоге занимающих те рабочие места, на которые в первую очередь претендуют представители коренного населения.

Так что давайте лучше экспортировать из России в Южную Африку не безработных, а современное оборудование. Давайте не создавать проблемы, а помогать друг другу решать их.

Йоханнесбург

Сергей КУЛИК,
корр. ИТАР—ТАСС

АХТУНГ!..

Первый русско-немецкий конгресс по проблемам хирургии органов брюшной полости (уфф...) состоялся в условиях, максимально приближенных к военно-полевым.

Мировые светила обитали не в пятизвездочном отеле, но в общежитии 15-й клинической больницы. Хозяева и гости питались не крабовым суфле, но кашей из больничного котла. Передвигались (раз — Большой и еще, конечно же, цирк) не в «мерседесах», но в автобусе. А уникальные семинары происходили, так сказать, прямо на поле брани — при двадцати совместных операциях на столах больницы.

В перерыве устроители изловчились сладить пресс-конференцию. Все равно ничего не понимая (да простят меня коллеги-репортеры!), мы гуляли среди инопланетянского ультраоборудования. Лично я чувствовал себя совершенным Маугли. Поди ж ты, вон тот мигающий монстр — лишь компонент бесскальпельной хирургии!..

Наконец, не снявши маск-халатов и поглядывая на часы, сгибаясь от усталости, как под обстрелом, прибежали и сами чудодеи. Конференция сразу приобрела агрессивный оттенок. На подиуме вспыхнула перестрелка. «Найн, — утверждал Шелле из Эрлангера, — это не я гений, а ваш Гринберг. Это он спас женщину с безнадежным канцером печени...» — «Ну что вы! — немедленно возмутился Гринберг. — Волшебник — это Хойшен... Помните тот цирроз?..» — «Да нет, — спикировал Хойшен, — настоящие маги — это Филатов и Гальперин...» Попутно выяснилось, что любимейший внутренний орган чудодеев — печень, то есть вся наша с вами жизнь.

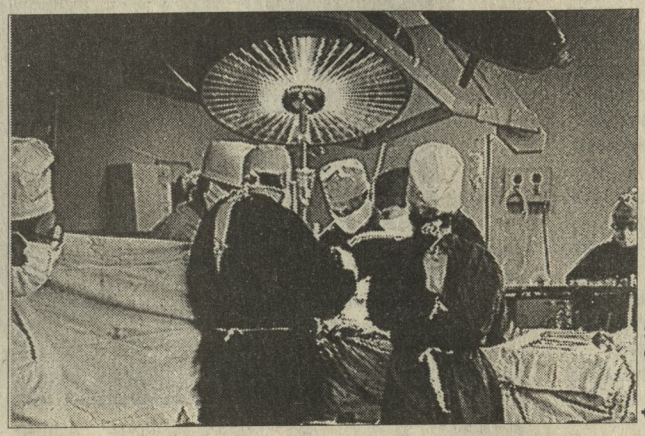


Фото Э.Кудрявицкого

Пресса осмелилась задать вопрос, терзавший абсолютно всех:

«А трудно попасть в вашу больницу?» — пропищала дюймовочка из журнала «Стрекоза и муравей».

«Запишите, — Филатов и Гринберг сжали побледневшие кулаки. — Пока мы здесь, «элитных больных» тут не будет. Ясно?»

Не выдержав, я спросил фрау Шнайдер, анестезиолога с измученным, все понимающим лицом, что она предпримет, если в какой-нибудь больнице перед жизненно важной операцией не окажется средств для анестезии.

«Закись азота? Хлорэтан?» — забеспокоилась Шнайдер.

«Нет, нет, вообще никаких».

«Реланиум, барбитураты? — не сдавалась реаниматорша. — Тоже — нет?! — она побелела. — Абер дас ист нитчево. Надеюсь, спирт там не весь вышел? Но это очень опасно, очень...»

После чего врачи убежали оперировать, а мне отмстилось:

«Журналистов просят под наркоз», — загробно сказал кто-то невидимый.

Янтарная жидкость в брюхатых сосудах оказалась вполне наркотична. Не менее убаюкивающими были икра и салями. Я поднял бокал с искрящимся «пепси» за упокой моего желчного пузыря. Как жаль, что он был удален (хоть и гениально) все-таки заурядным стальным скальпелем. Потом все выпили за здоровье всех. Кто-то тихо посетовал, что крупное оборудование будет увезено в фатерлянд. Такие, дескать, богатые и... Вот потому и такие богатые.

Что же остается? Все-таки много новейших инструментов и лекарств, а главное — даже не золотые, а именно бриллиантовые руки Гринберга и Филатова, Гальперина и Шумакова...

Все наши президенты и короли: ахтунг! Не езжайте хоть один разочек на симпозиум в Рио. Подайте пару зеленых «лимончиков» хотя бы на седуксен. Иначе, как в том анекдотце, помните? Скальпель, зажим, гвозди, молоток... Ферштеен Зи?

Вл. МИТИН

НЕ МОНЕТОЙ, А... РАКЕТОЙ

Если дорожает бензин, то и проезд на такси в связи с этим подешеветь не может. Праздничный фейерверк по такому случаю устраивать не принято. Однако эта железная логика, похоже, доступна не всем жителям города Красноярска. Один такой уже себя обнаружил...

При расчете за поездку в такси, переспросив:

«Скока-скока?!», — он извлек из кармана не бумажник, а сигнальную ракету. И без раздумий прямо в салоне рванул ее. Классный получился фейерверк: за несколько минут от такси один только каркас остался. Водитель спасся. Поджигатель скрылся. Говорят, что псих какой-то. Впрочем, это только предположение — чтобы точно выяснить, надо «пиротехника» поймать. А он, как назло, исчез бесследно. Новых фейерверков пока не устраивает.

Борис ИВАНОВ (РИА)

БЕРИ ШИНЕЛЬ, И В МАГАЗИН

Военные регалии у нас нынче в большом почете. Только «почет» этот какой-то странный: эстрадные певцы щеголяют шинелями и георгиевскими крестами (странно, почему это «во времена оны» никому не приходило в голову нацепить «для понта» парочку орденов Ленина или Трудового Красного Знамени!), по улицам разгуливают ряженые казаки с нагайками, а патриотические сборища обилием и разнообразием мундиров напоминают экспозицию военно-исторического музея.

Соответственно процветает вполне определенное направление торгово-посреднического бизнеса. Кого не убеждает в этом «новое лицо» улицы Арбат — загляните в любой антикварный магазин. Там порой можно натолкнуться на весьма и весьма неординарные «сувениры». Например, в магазине «Третий Рим», что на Цветном бульваре, совсем не долго дожидалась своего покупателя замечательная генеральская шинель. Шинель эта некогда принадлежала С.Н.Круглову, занимавшему при Сталине пост министра внутренних дел. Антикварную вещь приобрел за каких-то сто долларов наш соотечественник, видимо, страстный коллекционер. Кругловский же нагрудный знак «Почетный чекист» купил иностранец, но за десять тысяч «деревянных». Купили и портрет самого Круглова, а вот изображения Молотова и Калинина, украшавшие некогда генеральский кабинет, стоят невостребованными в уголочке. Невостребованы пока также любопытные фотографии из архива министра: Круглов со Сталиным, Круглов с Берией, Круглов в каком-то президиуме...

Все это богатство принес в «лавку древностей» уже пожилой сын генерала. Остается лишь догадываться: расстается ли таким образом Круглов-младший с «проклятым наследием» или просто пытается поправить свое материальное положение.

Вадим КАНТОР

«ЧТО ТАМ МИЧУРИН!» — СКАЗАЛ БАЧУРИН

Давно замечено, что растения «слышат» людей. В чьих-то квартирах они вянут, в чьих-то — распускаются пышным цветом. Первооткрыватель знаменитого «Пермского треугольника» Эмиль Бачурин не только подтвердил эти наблюдения, но и поставил занятный эксперимент на своем собственном огороде. Бачурин, по его собственному определению, применил «сенсорный метод борьбы с колорадским жуком». Иными словами, воздействовал своим мощным биополем на зловредных насекомых. И что вы думаете? Колорадский жук позорно бежал от экстрасенса. Наверное, на соседские огороды, где вредители чувствуют себя прекрасно. Картошка же у Бачурина уродилась, как никогда: урожай — 320 центнеров с гектара. Дерзкий экспериментатор начал воздействовать также на клубнику.

Подобно Мичурину, Бачурин не устает повторять: «Мы не должны ждать милостей от природы, взять их у нее — наша задача». Посему — решил организовать в Перми курсы по подготовке «операторов сенсорных агротехнологий» и тем самым приблизить нас всех к заветной мечте — продуктовому изобилию.

Юрий БЕЛИКОВ

...ЗАТО У МАРИАННЫ ВСЕ БУДЕТ ХОРОШО!

Жительница города Пинска (Брестская область) Н. сопереживала героям сериала «Богатые тоже плачут», когда ее телевизор взорвался. Не желая упустить ничего существенного в перипетиях сюжета, Н. устремилась досматривать фильм к соседям. Телевизор же тем временем загорелся. В квартире начался нешуточный пожар. Гражданин Р., вопреки логике оказавшийся на улице как раз тогда, когда Марианна что-то такое доказывала Луису Альберто, заметил дым и позвонил в пожарную часть. Но пожарные гражданину Р. поначалу не поверили — решили, что их злодейски разыгрывают, пытаясь оторвать от просмотра любимого фильма. А когда все-таки выехали на место происшествия, квартира гражданки Н. представляла собой жалкое зрелище.

Все это было бы смешно, когда бы не было чистой правдой. Одно радует: у Марианны, как утверждают «компетентные источники», к Новому году все будет очень-очень хорошо.

Владимир ПАНАДА

КАМИКАДЗЕ ГРАНИЦ НЕ ЗНАЮТ

Многие советские воины, как известно, в годы войны повторили подвиг Александра Матросова. В наше мирное время немало ученых повторяют подвиг Луи Пастера, ставя на себе рискованные эксперименты на благо человечества. Особенно «модна» сегодня сфера радиологии.

Так, известный английский радиохимик профессор Э.Войс и профессор Д.Ньютон из Харуэльской лаборатории сделали себе инъекции радиоактивного плутония-237. Бритты намерены изучить поведение плутония в человеческом организме и, соответственно, поведение человеческого организма, «заряженного» начинкой от ядерной бомбы.

Но не перевелись смельчаки и на территории бывшего СССР. Эксперимент на себе, на своих соратниках, родных и близких поставил директор гомельского филиала НИИ радиационной медицины Анатолий Скрябин. Как сообщила газета «Вестник Чернобыля», он и его коллеги купили дачи в выселенной деревне Ветковского района Гомельской области (чернобыльская зона), где уровень радиоактивного загрязнения — один из самых высоких в Беларуси. Ученые вывезли сюда на лето и своих детей. Дачники питались овощами с собственных огородов, пили молоко от местной буренки. Дочка Скрябина за лето заметно окрепла. Сам же экспериментатор-камикадзе, принимавший некогда участие в испытаниях ядерного оружия, считает: опасна не радиация, а боязнь радиации. С каковым эпохальным открытием мы и поздравляем радиологов СНГ.

Александр ШИБАНОВ

ОЧЕНЬ ЛИЧНОЕ МНЕНИЕ

Леонид РАДЗИХОВСКИЙ

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ КАБИНЕТНОГО ЖУРНАЛИСТА

Господи, как же осточертела эта «политика» — придуманные страсти, натужные остроты, все это вечное елозанье взад-вперед потной ладошкой да по коротко стриженной макушке... А каково соотношение сил «Гражданского союза» и «Либертарианской партии»? (Боже, опять «сострил»! Но я непроизвольно, ей-богу!) Вот проблема, не решив которую истинно — и я спать не смогу, и читатель не задремлет...

Боже, Боже — зачем безумные редактора заставляют нас жилы из себя выматывать, разводя всяческую муть над этой псевдополитической мутью? Садизм какой-то. Да нет — привычка. Чапек писал, что в газете есть раздел «Передовая», который никто никогда ни за что не прочтет, но который должен быть. Если его не будет, читатель очень удивится. Вот так и политическое «бу-бу-бу», «ду-ду-ду». Надо «замочить» господ патриотов (евреев), поострить над несмешными шутками Хасбулатова (еще раз обыграть фамилию Бурбулис), объяснить, что все нормально (все насквозь прогнило) в Российском государстве... Какая все же тоска зеленая — и ведь так из номера в номер, день за днем (опять игра слов?!!), месяц за месяцем... Может, читателя этот заунывный метроном, когда все заранее известно, успокаивает, как гоголевского Петрушку успокаивал сам процесс чтения? Но ты, брат-газетчик, изволь тикать еще и с подсвистыванием, с «вывертом», с «завитком» — иначе кому же ты нужен... Впрочем, в сочинении этих, вообще говоря, абсолютно бессмысленных завитушек и состоит вся радость, вся профессиональная психотерапия пишущего человека — иначе он давно свалился бы под стол, да с присвистом тоскливо захрапел. Помните, Акакий Акакиевич, переписывая бумаги, тоже радовался — находил там свои любимые буквы? Вот так и политики, политологи, журналисты, прочие «выразители чаяний» и «духовные отцы», пережевывая обрывки чужих мыслей (которые от долгого лежания в твоей голове и твоей ротовой полости стали как бы даже и «своими», не выстраданными, так хоть обслюненными до блеска), тоже умудряются ловить свой скромный кайф, выписывать среди всей нашей чуши самую любимую чушь...

Да, в любой профессии не одни, как говорится, розы — и наши шипы далеко не самые кусачие. А все же я бы — доведись мне издавать газету — ставил в ней вечным эпиграфом чье-то (Некрасова?) стихотворение (за точность слов не ручаюсь, за смысл — отвечаю):

И погромче нас были витии,
Да не сделали пользы пером,
Дураков не убавим в России,
А на умных тоску наведем.

Вот почему мне и не бывать главным редактором!

ЦЕРКОВЬ ИИСУСА ХРИСТА

ПРИШЕСТВИЕ ИИСУСА НА ОБЛАКАХ
28 ОКТЯБРЯ 1992 ГОДА.
ВОЗНЕСЕНИЕ ХРИСТИАН НА НЕБЕСА.
БЛИЗОК ДЕНЬ БОЖЬЕГО СУДА!!!

ЧЕЛОВЕК ГРЕШЕН ПЕРЕД БОГОМ

Сам Господь при возвещении, при гласе Архангела и трубе Божией, сойдет с неба, и мертвые во Христе воскреснут прежде; Потом мы, оставшиеся в живых, вместе с ними восхищены будем на облаках в сретение Господу на воздухе, и так всегда с Господом будем.

(1-е Фессалоникийцам гл. 4:16—17)

Сказываю вам: в ту ночь будут двое на одной постели, один возьмется, а другой оставится; Двое будут молоть вместе: одна возьмется, а другая оставится.

(Лука гл. 17:34—35)

БОЖИЙ ПЛАН В БИБЛИИ

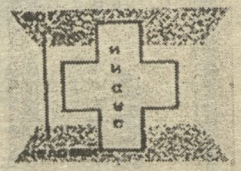
I. 28.10.1992 г. вознесение на небеса христиан
II. Объединение Европейских стран
III. Появление Анти-Христа
IV. 7 лет бедствия
V. Иисус придет на землю
VI. Тысячелетнее царство
VII. Суд Божий
VIII. Рай и Ад

ХРИСТОС – ЕДИНСТВЕННЫЙ ПУТЬ К БОГУ

«Иисус сказал ему: Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только чрез Меня».

(Ев. от Иоанна 14:6)

На этом несложном рисунке можно увидеть, что крестная смерть Иисуса — единственный мост спасения, который Бог перебросил через пропасть, разделившую его и человека. Своей смертью, принятой вместо нас, Иисус «оплатил» наши грехи и снял с нас бремя наказания.



28 ОКТЯБРЯ 1992 г. МИЛЛИОНЫ ЛЮДЕЙ НА ЗЕМЛЕ ОБИТАЮЩИХ

ВОЗНЕСУТСЯ НА НЕБЕСА В ОДНО МГНОВЕНИЕ.

И СВЕРШИТСЯ ЭТО, А ВЫ ОСТАЛИСЬ...

ПОЯВЛЕНИЕ АНТИХРИСТА 31 ДЕКАБРЯ 1992 г.

НУЖНО ПОНЯТЬ СУТЬ НАШЕЙ ПРОБЛЕМЫ

- **Мы грешники как по природе, так и по собственному выбору. «Потому что все согрешили и лишены славы Божией» (Римлянам 3:23).**
- **Мы не можем спасти самих себя. «Не от дел, чтобы никто не хвалился» (Ефесянам 2:9).**
- **Мы заслужили смерти и адских мучений. «Возмездие за грех — смерть» (Римлянам 6:23).**

Истина состоит в том, что: Бог свят и справедлив, а поэтому Он наказывает за грех. Однако, Бог любит людей и готов простить нам грехи. Иисус Христос сказал: «Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только чрез Меня» (Ев. от Иоанна 14:6).

Благая весть заключается в том, что Бог прощает нам грехи.

Именуется код — 666

ВЕРУЯ ВО ИИСУСА ХРИСТА, БУДЕМ В ЦАРСТВЕ НЕБЕСНОМ!

В центре земли существует ад, где вечно испытывают великое страдание. И будут там бесчувственны ко времени, ко дням, и ночи! И будут страдаемы от огня, от серы, и сатаны! И нет там покою!
Ибо ад предназначен — страшному мучению. Если ты раб дьявола или нечестивца, тебя нечестивца и только смерть поразит.
И если возвернешься от грехов своих, проси прощения у Иисуса, Бог милостлив, прими Спасителя нашего и Духа Святого!
А если нет, не спасен ты, быть тебе в вечном аду!
История человечества кончается в 2000 году. 28 октября 1992 года — пришествием во истину нашего Господа Иисуса на небеса в ночь возьмутся только спасенные, истинно верующие во Иисуса, и наступит 7 лет страдания обитающих на земле.
И снова в 1999 году Господь Иисус Христос пришествует на землю для правосудия. Времени нет. Пойдемте же в праведную церковь, прими нашего Спасителя Иисуса и Святого Духа, получим спасение!

1992 год. 31 декабря появится Антихрист (президент объединенных европейских государств).
Президенту объединенных европейских государств дана будет власть и поклонятся ему все живущие на земле.
Он действует со всей властью зверя и заставит поклоняться ему.
(Даниил гл. 7. Откровение гл. 13)
Пришествие Иисуса и вознесение христиан произойдет накануне появления Антихриста.
(2-е Фессалоникийцам гл. 2:3)
После образования Еврейского государства в 1948 г. 5.14. плюс + одно поколение. Одно поколение Израиля существует продолжительностью 51 год.
В промежутке существований одного поколения предсказывают событие по писанию Библии.
(от Матфея гл. 24:32—34, от Марка 13:28—31, от Луки 21:29—33)
Одно то не должно быть сокрыто от вас, возлюбленные, что у Господа один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день.

ПОЛНОСТЬЮ ДОВЕРИТЬСЯ ХРИСТУ — ЗНАЧИТ:

- **Мы должны покориться Иисусу как Господу.**

«Ибо, если устами твоими будешь исповедывать Иисуса Господом и сердцем твоим веровать, что Бог воскресил Его из мертвых, то спасешься;
Потому что сердцем веруют к праведности, а устами исповедуют ко спасению» (Римлянам 10:9—10).

Покориться Иисусу как Господу не означает просто сказать, что мы отдаем Ему нашу жизнь. «Не всякий, говорящий Мне: «Господи! Господи!» войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного» (Матфея 7:21).

Покориться Иисусу как Господу — значит действительно отдать нашу жизнь под полный контроль Иисуса Христа.

Отдать жизнь под контроль Иисуса. Этот акт подобен поездке в автомобиле с пассажиром. Пока вы за рулем, автомобиль подчиняется вам. Но вдруг вы обнаружили, что сбились с пути, а ваш спутник хорошо знает дорогу. Скорее всего, вы скажете ему: «Садись за руль и веди машину!» И тогда машина перейдет под его контроль, т.к. он поедет по избранному им пути.

Доказательством того, что вы отдали свою жизнь Иисусу, будет ваше стремление стать **подобным** Ему. Новый Завет предлагает публично исповедать свою веру в Иисуса Христа (Матфея 10:32—33), принять водное крещение и стать членом поместной церкви (Деяния 2:41).

Но как было во дни Ноя, так будет и в пришествие Сына Человеческого:
Ибо, как во дни перед потопом ели, пили, женились и выходили замуж до того дня, как вошел Ной в ковчег,
И не думали, пока не пришел потоп и не истребил всех, — так будет и пришествие Сына Человеческого.

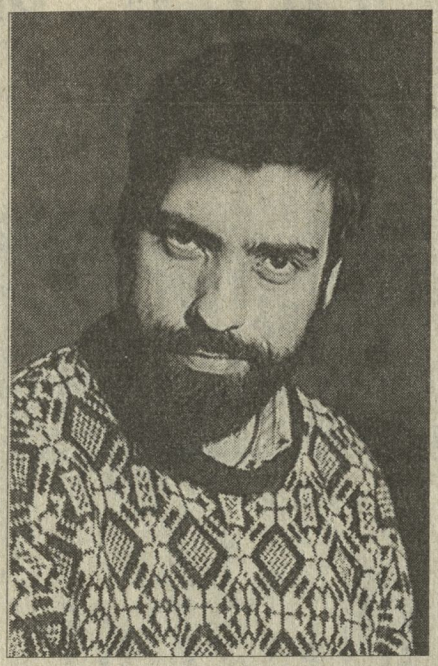
(От Матфея глава 24:37,38,39)

Впереди вас ждет 7 лет страшной муки — период великого смятения.

Благотворительные проповеди во Дворце Молодежи 26, 27 октября — в 18.00; 28 октября — 16.00

ПУБЛИКУЕТСЯ НА ПРАВАХ РЕКЛАМЫ

ЖИЗНЬ ПРЕЗИДЕНТА ПРЕРВЕТСЯ НАСИЛЬСТВЕННЫМ ПУТЕМ,



утверждает известный астролог Павел Глоба, с которым беседовал корреспондент «Столицы»

В качестве вступления сразу поясню: лично я — не специалист по астрологии и с трудом различаю Полярную звезду или созвездие Большой Медведицы на российских небесах. Что же касается политического астрологического прогноза — тут я вообще не судья, а скромный репортер, отображающий чужие мысли на страницах журнала. Естественно, мнение моего собеседника может не совпадать с мнением «Столицы», поэтому прошу и заклинаю представителей политических течений, партий и отдельных лиц обижаться на звезды, на Господа Бога, на астролога Павла Глобу, но не на журналиста Бориса Глебова.

— Павел Павлович, так что же нас всех ждет?

— Наука астрология имеет традиции и корни, не сравнимые ни с каким научным коммунизмом. Если говорить о науке, то коммунизм — именно — околонаучная басня, оккультизм, причем Черный оккультизм, не существующий в реальности.

Я неоднократно заявлял, что России суждено три года полета над пропастью (начиная с 1991 года) и все это будет сопровождаться распадом СССР. Причем я указывал, что сигналом к распаду Советской империи явится смерть последнего «сталиниста» — Лазаря Кагановича. Это сбылось. Распад системы закончится в 1994 году, а до того — три года полета над пропастью и жуткого, беспросветного хаоса. Не будет никакой стабилизации! Самый страшный период — зима 1992—1993 года.

(С точки зрения космоса советский период истории должен завершиться именно в 1994 году, когда исполняется 72 года со дня образования СССР.) Мы все сегодня переживаем агонию СССР, которого вроде уж нет, но призрак его бродит, и не только по Европе...

— Ну а что же нам сулят звезды в ближайшие месяцы?

— В октябре — словесные бури. Ноябрь — правительственный кризис (кабинет Гайдара не уйдет в отставку по чистой случайности). Но декабрь—январь — страшные, повторяю, месяцы для России: вследствие двух затмений 9 и 24 декабря.

Зимний правительственный кризис неизбежен, и велика опасность военного путча, путча полубольшевистского-полунационалистического, т.е. просто попытки реставрации СССР военным путем.

— А что же далее, в наступающем 1993 году?

— По восточному календарю 1993 год — год Черного Петуха; это год консолидации жесткой, автократической системы и прихода к власти тоталитарных режимов, особенно в странах, ослабленных хаосом.

Как вариант — Россия. Для президента Ельцина и правительства: 1993 год — год самого тяжелого испытания. Критическая точка для Бориса Николаевича — зимний удар (январь—февраль 1993 года). Удар будет нанесен из парламента — объединением **всех** оппозиционных сил, и удар этот может быть поддержан армией! Фактически России грозит антипрезидентский, парламентский путч.

Надо заметить, что этому путчу будут способствовать чрезвычайные обстоятельства: весьма вероятны в России — катастрофы, стихийные бедствия (особенно в ноябре—декабре 1992 года). С их последствиями правительство не справится.

В частности, в январе 1993 года на Урале произойдет мощная химическая (не ядерная) катастрофа, а летом 1993 года будет наблюдаться несколько эпидемий — этому поможет засуха, повторяющая засуху 1992 года. Лето 1994 года вновь повторит лето 1993 года.

— Вернемся к вопросу о сроке правления президента России.

— До конца срока полномочий президент явно не дотянет, только до 1994 года. Ельцин — переходный лидер, который уйдет, когда закончится переходный период. Тем более, что он родился под знаком Водолея, а в России — в смутное время — приходят лидеры, рожденные под Водолеем.

Аналог тому — Борис Годунов, рожденный 5 февраля, под Водолеем, и кстати — тоже Борис. Но после Годунова был — Лже-Дмитрий. История повторится и в этот раз...

— Не совсем вас понимаю. Вы имеете в виду появление Лже-Ленина?

— Нет, я подразумеваю, что Дмитрий олицетворял собой ушедшую династию Рюриковичей, для нынешней же России аналогичная «династия» это — КПСС.

— Вы хотите сказать, что будет путч и объявится наследный коммунистический принц, своеобразный подпольный генеральный секретарь ВКП(б)?

— Да, и, возможно, это произойдет уже в 1993 году. Хотя закончит свой путь но-

вый Лже-Дмитрий так же, как и его предшественник, нельзя забывать, что пришествие Лже-Дмитрия в свое время похоронило Бориса Годунова и вызвало раскол страны.

Но если в прошлый раз Россия распадалась с Запада, то теперь она будет распадаться с Востока. Я подразумеваю: Дальний Восток, Сахалин, Камчатка, Приморский край. В будущем (достаточно скоро) они будут совершенно отдельными полунезависимыми государствами. В ближайшее же время они потребуют себе полной автономии и невмешательства в свои дела центральной власти.

Что касается конкретных сроков правления Ельцина, то в лучшем случае он продержится вплоть до 1994 года, затем начинается период безвременья, аналогичный периоду после смерти Бориса Годунова. Продлится безвременье два года. А затем (аналогия с Михайло Романовым) выберут руководителя страны, где-нибудь в провинции...

Надо сказать, что правление Ельцина, рожденного под Водолеем, в судьбе России изначально предопределено, как и появление Горбачева, рожденного под знаком Рыб. Горбачев и Ельцин — символы двух эпох — уходящей и надвигающейся.

— А что ждет Горбачева? Закончен ли его политический путь?

— Нет! Я всегда говорил, что у Горбачева, даже если он слетит, все равно 1995 год — год последнего звездного часа.

— Павел Павлович, простите, Горбачев уже перебывал и Генеральным секретарем КПСС, и президентом СССР... Он же не сможет стать президентом США?

— Президентом США Горбачеву не бывать, но он будет в 1995 году именно здесь, в России, где специально для него изобретут какую-то почетную должность. В Горбачеве увидят компромиссный вариант, который устроит все политические силы и течения страны. Эдакий всеобщий примиритель, Генеральный секретарь неких полунезависимых Российских штатов. Человек, который ничего конкретно не определяет, но является символом страны.

— А до 1995 года Горбачев будет жить в России? Его же пытаются под суд отдать, грозят санкциями...

— Скоро Горбачев уедет вообще из России, и на какое-то время о нем начисто забудут. Будет жить себе на Западе... Эдакий человек Мира, голубь Мира...

— А есть ли астральная связь между Горбачевым и Ельциным?

— Безусловно, есть. Когда уходит один — всплывает другой. Как только у нас появился Ельцин, я сразу сказал — в России ввели систему двух следователей: один (Горбачев) — якобы добрый, а второй (Ельцин) — якобы злой. И они будут меняться, не нравится такой, как Горбачев, — потерпите Ельцина. Не нравится этот — вернется Горбачев!

— А что же ждет Ельцина после 1994 года?

— Плачевная судьба, похоже, умрет не своей смертью. (Аналогия с загадочной смертью Бориса Годунова.) То, что жизнь Ельцина прервется внезапно и насильственным путем, у меня лично сомнений не вызывает. И возможно, что случится это и ранее наступления 1994 года...

— Что будет с Россией после 1993 года?

— Хаос и начало полного распада. Экономического распада и политического. Гражданские войны будут, но только на окраинах. Вполне возможно объединение поволжских республик: Башкирии, Удмуртии, Мордовии и т.д. Объединение вокруг Казани (естественно, под мусульманским флагом).

— В телеинтервью годичной давности вы говорили о неком раскрытии в 1994 году тайн СССР. Нельзя ли сегодня поподробнее?

— Раскрытие тайн КПСС — раскрытие тайны золота КПСС. Все вскроется: и тайны вкладов, и секретная политика партии, но вскроется лишь в 1994 году, не ранее.

— Какие фигуры на российской политической сцене будут «править бал» в ближайшие годы?

— Молодые политики, те, которые сегодня в тени. Вот, скажем, Станкевич: у него очень большое будущее. В ближайшее время он еще глубже уйдет в тень и «всплывет» вместе с командой обновленного Горбачева (и тот и другой родились под знаком Рыб).

Что касается Руцкого, этого я вообще напророчил: что из среднего командного звена должен подняться человек и влиться в элиту руководства страны и стать вторым лицом в России. Он будет молодой, и его имя либо фамилия связана с буквой «А». Так все и произошло.

Относительно судьбы вице-президента Руцкого: он останется наверху, несмотря ни на что. Руцкой вообще весьма долговечный политик, и не так прост, как кажется со стороны, но главное — он умеет учиться.

Руцкой родился под знаком Девы. Противоположный знак — Рыбы (Станкевич). Политический союз двух противоположных знаков очень перспективен. Руцкой вполне может стать президентом России, устраивающим армию.

— Какова судьба Гайдара и остальных членов руководства России?

— Пока Гайдар держится, но этой зимой падение Гайдара неминуемо. Примаков всплывет, но только там, на Западе...

Кстати, о Жириновском: он человек, которому предстоит долгая политическая жизнь. Конечно, лицом «№ 1» ему не бывать, но насчет лица «№ 2» я бы поостерегся предсказывать... В следующем году Жириновскому «светит» во вновь сформированном коалиционном правительстве какой-то пост. (Нечто представительское, так как он оратор, умеющий воздействовать на люмпенов.)

— Вы имеете в виду место Жириновского в правительстве «национал-патриотов»?

— ...Позвольте не отвечать.

— Скажите, более не будет неожиданных смертей руководства страны? Эдаких прыжков из окон, подозрительных смертей на рабочем месте...

— Один древний астролог писал, что тоталитарная система (названная через сотни лет после его смерти — советской), так эта система начиналась и была поддержана одним маленьким западным народом, с берегов Балтийского моря... И в конце этих времен до"жно принести две жертвы из народов этих же Балтийских стран.

Когда разваливался Союз, единственный, кто из руководства ГКЧП ушел на тот свет, был Пуго — латыш! Первая жертва принесена...

— Но кто же будет второй жертвой?

— Я не буду ничего уточнять. К чему наживать себе врагов в руководстве страны? А пусть они догадываются сами... Не у всех же корни из-под Смоленска или Урала...

— Вернемся к глобальным вопросам: что ждет крупные города — Петербург и Москву?

— Санкт-Петербург ждет большое процветание, правда, после ухода Собчака (в 1994 году). Выход города на другой уровень... сказано, что в городе будут процветать 3 льва...

— Что же ожидает Москву? Тут вроде львами не пахнет?

— Да, львами в столице не пахнет, пахнет — поповыми... И по данной причине Москву (в отличие от Питера) процветание не ждет: ни после 1994 года, ни до него. Все будет так же, как и сегодня, — сыпаться и рассыпаться, и впоследствии Москва может потерять статус столицы России. Своеобразное одичание города, медленное, в течение 15 лет.

Между прочим, бывшего мэра Попова будут судить! Карающая рука закона найдет его в Южной Америке, где он будет прятаться. Случится это в конце века... Пока же он будет здесь, даже попытается проявиться во власти, но его звезда — закатилась.

— Позвольте, получается, если верить вашим прогнозам, Россию в ближайшие годы ждет повальное бегство теперешних политических лидеров? (О ком ни спросишь — в ответ: этот сбежит, тот не успеет сбежать!) Каковы астрологические причины подобного прогноза?

— Это закономерно. Сейчас на дворе — смутное время, и пока Уран не войдет в Водолей, а останется в Козероге, он не потерпит никакой неконсолидирующей силы. Проявляется это в том, что политики, не имеющие прочной базы, будут вылетать из кресел. Закончится все в 1996—1997 годах (по завершении смутного времени). Экономическая стабилизация наступит раньше — в конце 1994 года. Но политическая — только после 1997 года: новая страна, новое правительство, новый мир и новая земля... ■

Алла БОССАРТ

РОССИЯ КАК ТРОП

— Сейчас я быстро-быстро поем и отправлюсь к чертовой матери, — сообщила веселая четырехлетняя дочь моей знакомой, женщины выносливой и крутой, как все потомственные дворянки.

Дитя, обремененное богатой генетикой Рюриковичей, с одной стороны, и реабилитированной профессуры — с другой, гениально сформулировало программу жизни России после того, как режиссер Говорухин ее потерял. Следует отметить, что нам-то, в отличие от Станислава Говорухина, будем говорить со всей большевистской прямотой, терять особенно нечего. Общая иллюзорность нашей жизни и допускала, например, всенародное разыгрывание мистерий с чисто произвольной периодичностью — сначала семилетней, потом пятилетней и, наконец, в свойственной сказке манере смелой гиперболы, сжатой до пятисот дней. В конце каждой сулилось благоденствие типа каждой семье по санузлу, вволю бутербродов, ананасы за Полярным кругом и яблоки на Марсе. И мы — ну не то чтобы верили, не полные все-таки идиоты, — но, как бы сказать, принимали правила игры, как принимаются в сказке любые допущения откровенно фантастического характера: выпил море, обернулась лягушка красной девицей, намолотил миллион тонн с гектара, в одно ухо вошел, в другое вышел, причем в новых сапогах.

Вообще знаменитая русская духовность напрямую связана с метафоричностью нашей жизни, с ее поэтической образностью, которую совершенно справедливо предложено не пытаться понять умом, не поверять алгеброй и не измерять в экономических и даже экологических категориях. Я осознаю, что обещание включить, скажем, у меня в доме горячую воду через три недели — это метафора, и спокойно три месяца принимаю холодный душ, что и полезнее. Пора, наконец, взять в толк, что конвертируемый рубль, возрождение Байкала, профессиональная армия в российском сказочном контексте —

такая же метафора, как один из самых пленительных образов мировой словесности — «Союз нерушимый республик свободных». И успокоиться. И не докучать Гайдару дурацкими претензиями.

Только поэт, и поэт только российский, способен полюбить громадье планов. И только российский автор мог отметить: «У поэтов и революционеров одинаковые черепа».

Это, кстати, поразительное наблюдение. Я провела визуальный антропологический анализ. Все кремлевские старцы эпохи застоя обладали скошенными вырожденческими затылками и низкими лбами. Поэты практически отсутствовали. Как, в результате, и сам застой характерен отсутствием смелых образных решений и реформ. Первая после хрущевской кремлевская лысина, достойная приличного мрамора, — конечно, глобус Горбачева, где просторно мыслям и контуру единственного материка. И, наконец, пир ренессанса: богатырский демократический синклит, отличные вместительные черепные коробки с крутым челом и благородной затылочной сферой. Борис, Руслан, Александр. Пламенные революционеры.

Галлюцинация, которую навел когда-то на шестую часть суши великий Ленин, сфокусировав под своим могучим черепом гипнотический потенциал, равный по силе Чернобылю, разрушена новыми поэтами. Советская тоталитарная мифология единства и побед истлевала на глазах. Падение чар длилось уже, впрочем, шесть с половиной лет. Семь же — мистическое число, семилетие — сказочный срок, особенно многозначительный в системе нашей мифологии. Он нуждался в ударной концовке. Надвигалась пора грянуться оземь и сбросить бородавчатую шкурку междуусобных войн, нищенства, высыхающих морей и детской смертности. И явить миру сладостный лик демократии и свободного предпринимательства с алмазной подвеской во лбу.

Не знаю ни одной сказки, которая кончалась бы разоблачением героя. С помощью хитрости или чудесного стечения обстоятельств все храбрые портняжки и Иванушки-дурачки выходят в дамки.

И чудо произошло. Год назад у октета упырей не выдержали нервишки, и они, дураки, затеялись со своим дурацким путчем, не дождавшись законного магического срока. За отсутствием воображения предложить новый образ они не могли (не помог даже поэт Осенев) — и бросили свои армады на реанимацию старого мифа. Что, учитывая также и преждевременность шабаша, с треском провалилось. Упыри, как им и положено, канули в тартар «Матросской тишины». А храбрецы и поэты, как положено в свою очередь им, вышли в герои — решительно не тратя сил и времени на аргументы.

И драгоценное время выиграно. Главным аргументом отныне стал факт — новой победы, положившей начало новому мифу. Вернее, новой мифологии — мифологии очистительной разрухи, продуктивного, живительного хаоса. Мы вступили в новую мифологическую эру — хронического катарсиса. И назвали беду переходным периодом, и сказали о бедствиях, что они закономерны.

И вновь приняли правила игры и сказочные допущения, с открытым ртом следя за развитием сюжета в жанре «комедия дель арте» под лубочным названием «Как демократы коммунистов судили». И подзаголовком: «и другие отвлекающие маневры».

А жизнь нашего Китежа, между тем, перешла в разряд совершенно метафизический. Фон: килограмм хлеба стоит 50 рублей; диспетчеры отказываются сажать уже сдуру взлетевшие самолеты; чеченские банды аккуратно грабят поезда; наука признана нерентабельной и государством практически не оплачивается. И на этом отрадном фоне создаются и процветают целые институты по профилю чародейства и колдовства, сглаз и порча приобретают статус социальной проблемы, а астрологам предоставлен ежедневный эфир как консультационному органу наряду с ведущими политологами и экономистами. Победа же демократии, как указывает одна из российских газет — указывает сегодня, вот прямо намедни, на так называемом рубеже XXI века, — одержана «благодаря Покрову Божьей Матери», которая неведомой силой и парализовала волю гэкачепистов. Ссылки на классиков уступили место столь же обязательным ссылкам на Откровения Иоанна Богослова, на Евангелие или, на худой конец, — Нострадамуса.

Гадалки, экстрасенсы, маги белые и черные, отцы церкви и служители Сатаны... Новая мифология требует своего аппарата.

А будь я на месте Анатолия Кашпировского, тоже небезуспешно управляющего волей стадионов, — я бы вместо телевизионных призывов довериться парламенту дала бы населению вышеуказанную талантливую установку: быстро-быстро поесть (чего рассиживаться-то при пустом холодильнике) — и отправляться именно к **чертовой** матери. Не все же беспокоить Божью по таким пустякам, как русская сказка. ■

Фирма ГЕЛОС
Вниманию антикваров

Выставочный зал «САЛОН на БЕГОВОЙ»

Старинная мебель, часы, живопись, фарфор, бронза и многое другое...
Вы можете приобрести полюбившиеся предметы экспозиции.

1-й Боткинский проезд, д. 2/6.
Тел. 946-09-77
По предъявлении этого объявления
ВХОД БЕСПЛАТНЫЙ!

РЕГИСТРАЦИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ «ПОД КЛЮЧ»

— разработка учредительных документов
— юридический адрес
— нотариальное оформление
— открытие расчетного и валютного счетов

НИЗКИЕ ЦЕНЫ
СРОК ОТ 5 дней
Тел. 928-83-40
928-70-17

БЫТЬ БОГАТЫМ НЕ ПОРОК: ОБРАЩАЙТЕСЬ В «ЦЕНТР ПРОК»!

МЫ ПРЕДЛАГАЕМ:
КИТАЙ — по-прежнему выгодно и очень дешево
ЕГИПЕТ и ИНДИЯ — за рубли
НОРВЕГИЯ — просто находка

Звоните прямо сейчас:
131-21-85 (с 10.00 до 18.00)
271-07-45 (круглосуточно)

Первая среди равных –

Caprice Classic

Шевроле Каприс

Каприс классик производится корпорацией GENERAL MOTORS, а продается и обслуживается фирмой TRINITY MOTORS.

1-й МЕЖДУНАРОДНЫЙ АВТОСАЛОН
Выбор публики: по мнению посетителей и гостей 1-го московского международного автосалона, ШЕВРОЛЕ КАПРИС КЛАССИК является лучшим пассажирским автомобилем. Свыше 60 «КАПРИСОВ» прибывает в Москву.

СПЕШИТЕ БЫТЬ ПЕРВЫМИ.

У ВАС ЕСТЬ ВОЗМОЖНОСТЬ ПРИОБРЕСТИ ПЕРВУЮ СРЕДИ РАВНЫХ.

Звоните по ☎ 200-47-26
факс 200-20-25
или заезжайте в автосало
на Пушкинской.

ВПЕРВЫЕ!

ЛОТТО МИЛЛИОН

Олимпийская лотерея

Шаг навстречу вашей мечте

Хотите купить машину?

Собираетесь строить дачу?

Нет денег на отдых у моря?

Играйте в ЛОТТО "МИЛЛИОН" - и ваша мечта может осуществиться!

Каждый четверг вы можете выиграть миллионы рублей!

ЛОТТО МИЛЛ

Шаг навстреч

ЛОТТО "МИЛЛИОН" - новая электронная лотерея. Такие игры давно завоевали Европу и Америку. Теперь лотерея **"МИЛЛИОН"** пришла к нам!

ЛОТТО "МИЛЛИОН" - игра для всех и каждого; она проста и не требует особых знаний.
Прочтите эти правила, заполните билет - и станьте победителем!
Ваша цель - угадать ШЕСТЬ счастливых чисел из СОРОКА ДЕВЯТИ возможных.
6 из 49!
ИГРАЙТЕ И ВЫИГРЫВАЙТЕ!
Есть две системы игры: простая и развернутая.

РИС. 1

ПРОСТАЯ СИСТЕМА ИГРЫ

На каждом билете ЛОТТО "МИЛЛИОН" - три игровых поля: А, Б и В.
На каждом поле - числа от 1 до 49.
Играя по простой системе, вы отмечаете шесть произвольно выбранных чисел на одном из полей; такая комбинация называется вариантом и стоит 10 рублей. Минимальная ставка в игре - 10 рублей. По простой системе можно на том же билете отметить еще один или два варианта на оставшихся полях.

Итак, игра по простой системе - это один, два или три варианта шестерок на одном билете (разумеется, вы можете использовать и большее число билетов, увеличивая свои шансы на выигрыш).

В нашем примере (Рис. 1) на одном билете заполнены два поля; на поле А отмечены числа 2, 3, 14, 26, 28, 32, а на поле Б - 4, 8, 15, 25, 28, 32. Такая игра стоит 20 рублей. (Отмечать нужно жирной точкой или крестиком, пользуясь ручкой черного или синего - но не красного - цвета.)

Но можно играть иначе - по развернутой системе, и таким образом МНОГОКРАТНО УВЕЛИЧИТЬ ВЕРОЯТНОСТЬ ВЫИГРЫША!

РАЗВЕРНУТАЯ СИСТЕМА ИГРЫ

Вы отмечаете не шесть, а больше чисел: семь, восемь, десять или даже все сорок девять!
В этом случае вероятность победы во много раз выше!
В развернутой системе также можно использовать одно, два или все три поля на каждом билете.

В нашем примере (Рис. 2) мы отметили 8 чисел на поле В - 12, 14, 18, 22, 24, 38, 41, 44, заложив 28 вариантов шестерок, 28 шансов на суперпобеду!

Но это еще не все...
Ведь кроме суперприза, в ЛОТТО "МИЛЛИОН" есть выигрыши II и III категорий (угаданы пять или четыре числа) - тоже значительные суммы.
Допустим, вы играли по Рис. 2, и выигрыш выпал на шестерку: 12, 18, 22, 24, 38, 44.
Значит, вы стали победителем во всех трех категориях: угадали 1 шестерку, 12 пятерок и 15 четверок!

Играйте и выигрывайте!

ИОН Олимпийская лотерея

у вашей мечте

Конечно, такая игра стоит дороже: в нашем примере - 280 рублей (10 руб., помноженные на 28 - количество вариантов).
Но потраченные три сотни могут принести вам миллионы.
Игра стоит свеч!

Справочная таблица для развернутой системы игры помещена на обратной стороне лотерейного билета; познакомьтесь с этой таблицей по Рис. 3. Здесь показано, сколько вариантов шестерок возможно, если вы отметили семь, восемь, десять (и т.д.) чисел, и сколько пятерок и четверок вы можете при этом угадать.

Непременно запомните: выигрышные числа должны быть отмечены на одном поле - нельзя комбинировать счастливые числа, отмеченные на разных полях.

БИЛЕТ ВЫ ПОЛУЧАЕТЕ БЕСПЛАТНО В БЛИЖАЙШЕМ КИОСКЕ ЛОТТО "МИЛЛИОН"

Отметив выбранные вами числа, сдайте билет в ближайший киоск. **Помните: 8 часов вечера в среду - последний срок**, когда еще можно принять участие в очередном тираже! В киоске электронный терминал внесет все данные билета в компьютерную память, а на дисплее высветится сумма вашей ставки (количество вариантов, умноженное на 10 рублей). После того как вы оплатите ставку, билет регистрируется и становится документом, подтверждающим ваше право на выигрыш. Теперь осталось дождаться четверга. Вы посмотрите тираж в прямом эфире, где будут определены шесть выигравших чисел, увидете, повезло ли вам, узнаете размеры выигрышей.

ПОБЕДИТЕЛИ И СУПЕРПОБЕДИТЕЛИ

Угадавший **все шесть** чисел становится суперпобедителем и выигрывает огромную сумму! На призы I категории (суперпризы) приходится 40 % выигрышного фонда. Чем больше участников игры - тем крупнее денежный суперприз; он может достигать миллионов и даже десятков миллионов рублей. Если же вы угадали 5 или 4 числа из счастливой шестерки, ваши выигрыши относятся ко II или III категории; на них выделяются соответственно 33 и 27 процентов выигрышного фонда.
В обоих случаях вас ждет крупный выигрыш! Победители получат выигрыш уже через 3 дня. Выигрыши II и III категорий выплачиваются в фирменных киосках ЛОТТО "МИЛЛИОН" и в отделениях Сбербанка. А суперпобедители будут приглашены за выигрышем в офис "Олимпийской лотереи".

ВНИМАНИЕ: ДЖЕК-ПОТ!

В случае, если никто из играющих не угадает шесть счастливых чисел, возникает ДЖЕК-ПОТ. Это значит, что все деньги, причитавшиеся суперпобедителям, приплюсовываются к суперпризу следующего тиража. В результате, угадавший шестерку в новом тираже, получит **фантастическую сумму!**

РИС. 2

Вы поняли правила? Проверим!

Предположим, вы заполнили лотерейный билет так, как показано на Рис. 1. А при розыгрыше выпали числа 2, 3, 14, 28, 32, 49.

Вопрос: Сколько чисел вы угадали, и к какой категории относится ваш выигрыш?
Ответ: Вы угадали 5 чисел на поле А. Это выигрыш II категории.

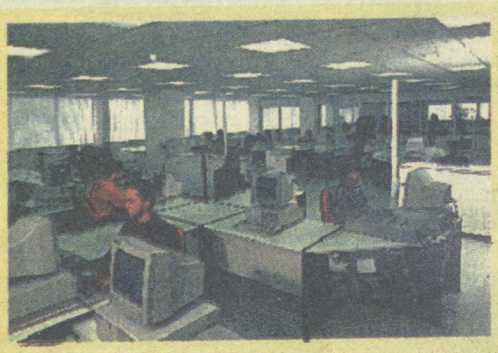
ГОТОВЬТЕСЬ К ВЫИГРЫШАМ, О КОТОРЫХ ВЫ РАНЬШЕ И НЕ МЕЧТАЛИ!

ЛОТТО МИЛЛИОН

Олимпийская лотерея

Теперь вы знаете, как играть в эту игру.
Ваша удача - в ваших руках!
Лотерея дает шанс каждому!
Участие в ЛОТТО "МИЛЛИОН" - шаг навстречу вашей мечте!

Играйте и выигрывайте!



Билет ЛОТТО "МИЛЛИОН" имеет несколько степеней защиты. Подделать или подтасовать результаты тиража невозможно. Электронная система гарантирует достоверность результатов, быстрый и безошибочный подсчет выигрышей.

Билеты лотереи вы можете получить в фирменных киосках на улицах, в отделениях Сбербанка, на почте, станциях метро, в крупных магазинах и коммерческих центрах.

Лотерея проводится Российским Олимпийским комитетом.

Количество отмеченных чисел	Количество сыгранных вариантов	КОЛИЧЕСТВО ВОЗМОЖНЫХ ВЫИГРЫШЕЙ (по категориям)					
		Если вы угадали 6 чисел			Если вы угадали 5 чисел		Если... 4 числа
		I категор.	II категор.	III категор.	II категор.	III категор	III категор.
6	1	1	—	—	1	—	1
7	7	1	6	—	2	6	3
8	28	1	12	15	3	15	6
9	84	1	18	45	4	30	10
10	210	1	24	90	5	50	15
11	462	1	30	150	6	75	21
12	924	1	36	225	7	105	28
13	1.716	1	42	315	8	140	36
14	3.003	1	48	420	9	180	45
15	5.005	1	54	540	10	225	55
16	8.008	1	60	675	11	275	66
17	12.376	1	66	825	12	330	78
18	18.564	1	72	990	13	390	91
19	27.132	1	78	1.170	14	455	105
20	38.760	1	84	1.365	15	525	120
21	54.264	1	90	1.575	16	600	136
22	74.613	1	96	1.800	17	680	153
23	100.947	1	102	2.040	18	765	171
24	134.596	1	108	2.295	19	855	190
25	177.100	1	114	2.565	20	950	210
26	230.230	1	120	2.850	21	1.050	231
27	296.010	1	126	3.150	22	1.155	253
28	376.740	1	132	3.465	23	1.265	276
29	475.020	1	138	3.795	24	1.380	300
30	593.775	1	144	4.140	25	1.500	325
31	736.281	1	150	4.500	26	1.625	351
32	906.192	1	156	4.875	27	1.755	378
33	1.107.568	1	162	5.265	28	1.890	406
34	1.344.904	1	168	5.670	29	2.030	435
35	1.623.160	1	174	6.090	30	2.175	465
36	1.947.792	1	180	6.525	31	2.325	496
37	2.324.784	1	186	6.975	32	2.480	528
38	2.760.681	1	192	7.440	33	2.640	561
39	3.262.623	1	198	7.920	34	2.805	595
40	3.838.380	1	204	8.415	35	2.975	630
41	4.496.388	1	210	8.925	36	3.150	666
42	5.245.786	1	216	9.450	37	3.330	703
43	6.096.454	1	222	9.990	38	3.515	741
44	7.059.052	1	228	10.545	39	3.705	780
45	8.145.060	1	234	11.115	40	3.900	820
46	9.366.819	1	240	11.700	41	4.100	861
47	10.737.573	1	246	12.300	42	4.305	903
48	12.271.512	1	252	12.915	43	4.515	—
49	13.983.816	1	258	13.545	—	—	—

Глобальная Коммерческая Телеинформационная сеть

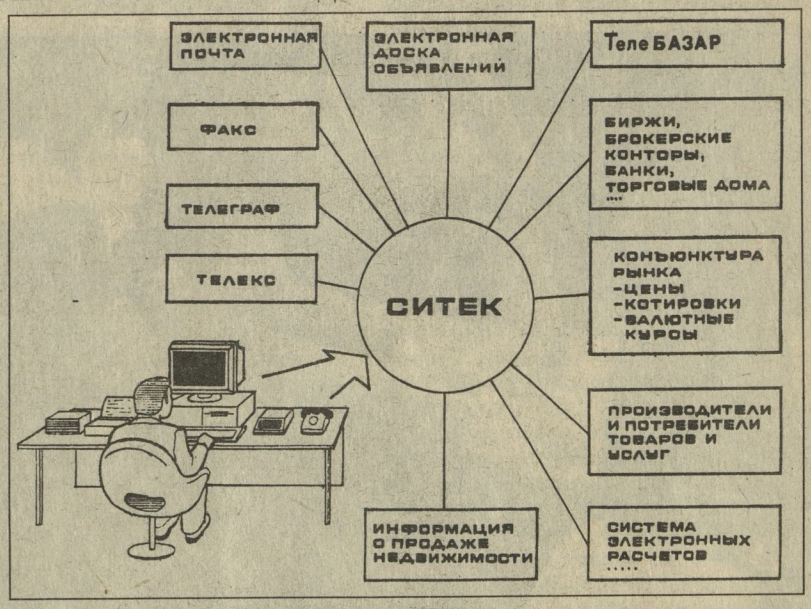
СИТЕК — СРЕДСТВО ПЕРВОЙ НЕОБХОДИМОСТИ КАЖДОГО ДЕЛОВОГО ЧЕЛОВЕКА

Предлагает коммуникационные и информационные услуги:

- электронная почта, факсимильная, телексная связь
- телеБАЗАР — торговля без ПОСРЕДНИКОВ
- ценовая конъюнктура в СНГ и за рубежом
- моментальные электронные расчеты
- защита средств от инфляции
- базы данных деловых партнеров
- сотни коммерческих сведений в повседневной работе: курс доллара, где и как купить валюту, информация о продаже квартир, электронные издания по экономике, финансам, юриспруденции, маркетингу, рекламе

ГКТС СИТЕК — ИДЕАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ ВАШЕГО БИЗНЕСА

Став абонентом СИТЕК, Вы сможете делать свой бизнес, не выходя из офиса или квартиры, используя лишь ПЭВМ, модем и обычную телефонную линию



РЕГИСТРАЦИЯ В СИТЕК — 1 ДЕНЬ
ОКУПАЕМОСТЬ РЕГИСТРАЦИИ В СИТЕК — 1 НЕДЕЛЯ

Мы вернем Ваши затраты за регистрацию, если Вы в течение месяца не получите ожидаемую прибыль

ПОПРОБУЙТЕ — УБЕДИТЕСЬ САМИ!

К вашим услугам «гостевой» HAYES — МОДЕМНЫЙ ВХОД (095) 963-31-01, GUEST ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ БЕСПЛАТНОЙ ОБЗОРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Запрашиваите бюллетень услуг ГКТС СИТЕК

ПРИГЛАШАЕМ ДИЛЕРОВ И АГЕНТОВ ДЛЯ ВЗАИМОВЫГОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Научно-производственная фирма «МАСТАК»
111020, Москва, а/я 100. Факс: (095) 360-78-74
Тел: (095) 360-86-38, 360-85-27
Эл. почта: secret @ mastak. msk.su

Николай ПОПОВ

ПРОДАЕТСЯ РЕБЕНОК

— Как социализм кончился, так и повылезла из подворотни всякая шушера...

Шамкающий голос в автобусе

— Тебя встретит мой человек. Подкатывай к площади Свободной России...
— Пардон?
— *(Смеется.)* Сначала вы, репортеры, обзываете эту плешку у «Белого дома», а потом забываете, как именно!

Вот уже около часа сиреневый «жигуль»-девятка кружит по златоглавой. Выезжаем за окружную, мчимся по шоссе. Убаюкивающе мурлычет УКВ-радио, но эта история мне перестает нравиться — «романтики» многовато. Внезапно сворачиваем в сторону. Асфальт сменяется гравием, гравий — глиной. Въезжаем в лес. Долго петляем по едва заметной колее, пока не упираемся в глухой бетонный забор.

Машина паркуется в гараж, и мы с водителем, так и не проронившим за все время ни единого словечка, поднимаемся по приятно поскрипывающим ступеням на второй этаж очаровательного охотничьего домика. Меня ждет теплота камина, виски «Тичерс» (по рюмашке — для сугреву токмо) с кой-какой закуской и непринужденная беседа с моей героиней.

Этому предшествовала месячная переписка-уговоры через абонентский ящик, номер которого еще несколькими месяцами раньше рискнула опубликовать одна из газет с многомиллионным тиражом. «РОЖУ И ПРОДАМ РЕБЕНКА СОСТОЯТЕЛЬНЫМ ЛЮДЯМ» — так оно выглядело.

— Конечно, моя основная почта — это балласт. Морали учат, рублики высылают, в подруги и друзья навязываются. В каждой порции писем (а я их стараюсь вынимать еженедельно) обязательно попадаются приглашения на работу от сомнительных сексфирм. Все это чепуха, но самые интересные письма я оставляю как образчики человеческой тупости. Хочешь покажу?

«Я вам в матери, наверное, гожусь. Так послушайте меня, старую, — бросьте это. Весь мир сошел с ума! Если нечем на жизнь зарабатывать, приезжайте-ка лучше к нам в Солнечногорск. Места хорошие, пенсия у меня какая-никакая, а там обмозгуем...»

«Мне только 15 лет. Мы тут с другом поспорили: а как вы это делаете? Неужели какой-то мужик согласится платить бабки и сцеживать сперму в пробирку?..»

«Не выбрасывай это письмо — выслушай сначала. Я, по-видимому, такая же, как и ты. Мне 29 лет теперь (вчера был день рождения), незамужняя, вроде бы привлекательная. Предложение: давай скооперируемся?»

«Учитесь стойкости к невзгодам у Господа нашего Иисуса Христа. Не

торгуйте своим телом — терпите. И воздастся вам за все земные страдания. Ибо верою единою жив человек бывает...»

«Ну ты и сучка! Стерва! Кто бы мог подумать, что и моя Олька завтра может подобную писульку в газету настрочить и загребать миллионы. А я вот, если хочешь знать, за своих детей ни копейки не заплатил — Олька мне и так дала. А к тебе, падле, бегут только импотенты. И как это ты от них детей собираешься иметь?!»

«Ребенка мне не нужно, но за сам «процесс» с вами готов заплатить. Сколько и где?»

...А она сидит напротив в мягком кресле и загадочно улыбается. Стройная фигура, длинные ноги, приятные черты лица. Блондинка, и, кажется, некрашеная. Вместо алкоголя она потягивает какой-то разноцветный фруктовый коктейль через соломинку:

— Прости за паузу, но я впервые вижу живого журналиста... (Она сделала ударение на слове «живой». Или только показалось? — *Н.П.*) ...Я чистокровная русская. По требованию клиента могу предоставить свою родословную вплоть до прапрадеда, дворянина. Вот — карта наших поместий в Таврической губернии. Для того э-э... дела, которому я себя посвятила, гораздо большую важность имеет, однако, не фамильное древо, а мое собственное здоровье.

На полке за твоей спиной — папки с итогами диспансеризаций в одной из поликлиник Четвертого главупра Минздрава, «кремлевки». Справки, кардиограммы не поддельные — я могу предоставить телефоны врачей, они подтвердят. «Мне 31 год — и на полке тридцать одна папка. В этом году «приписка» к «кремлевке» обошлась мне в семьдесят тысяч рэ, кажется. За исключением периодов двух беременностей (когда были незначительные отклонения), я здорова, как космонавт.

Клиент может ознакомиться с течением прошлых родов, параметрами детей. Где они сейчас? Не знаю... Один, по-моему, в Израиле. Про второго мне не сообщили вообще ничего — но это было оговорено в контракте.

...Параметрами детей. Она так и сказала про собственных отпрысков!

А все началось с того, что ранним солнечным утречком 8 марта 1961 года в одном из престижных московских роддомов на свет появилось очаровательное плачущее дитя. Отцом румяной девочки Лены был инструктор РК ВЛКСМ, зато матерью — зав. отделом готового платья ГУМа. Или ЦУМа — не станем уточнять, дабы не иметь судебных неприятностей с руководством сих доблестных предприятий советской торговли. Леночка росла на бананах-ананасах и еще черт знает на чем.

В ее просторной (в меру потребностей советского человека) квартире существовал целый склад одежды и обуви для дочурки. Разных размеров, на вырост. «Если дадут срок без конфискации», — непонятно объясняла мать подросшей Лене. Кое-что девочка зарубила на носу еще тогда, на рубеже 60—70-х, — гоголевское «копи копейку».

Срока ее маме дать не успели, и она при первой же возможности слиняла на Запад с каким-то мелким фермером-социалистом, приехавшим в Советский Союз на молодежный фестиваль в 1985-м. Прошу прощения у респектабельного совладельца сети магазинов одежды в Нью-Орлеане, но тогда он был лишь фермером, симпатизирующим скорее Гэсу Холлу, нежели Рональду Рейгану. Она его сделала человеком.

А что же милая, обаятельная Леночка? О, она за это время успела превратиться из девочки в девушку, а из нее — «лет в шестнадцать» — в женщину. Очень щепетильную в вопросах здоровья и времяпрепровождения. Всех курящих на дух не переносила, бокал хорошего вина в месяц — максимум, что Лена себе позволяла. Все лето — обязательно на Черном море. С грехом пополам закончила десятилетку. Никогда и нигде не работала — «это истощает женский организм».

Все у нее было только по рекомендации врачей. Интим — в том числе. Исключительно с шевчуковскими «мальчиками-мажорами» и только в импортных презервативах. Лена тогда еще не знала, зачем ей все это, да вот поди ж ты — пригодилось как нельзя кстати!

«Леночек! Высылаю тебе с оказией еще 700 гринов. Понимаю, что деньги небольшие, но ты, мне кажется, смогла бы заработать намного больше. Дело в том, что господин... приехавший с инспекцией московского представительства дружественной нам фирмы (через него я передаю это письмо), глубоко несчастен. Вот уже несколько лет его жена Сьюзи не может зачать для него ребенка. Для них это проблема № 1, даже здешние доктора бессильны. Он — здоров, «виновата» Сьюзи.

Так вот. Если ты хочешь жить как белый человек, а не разводить сопли на мамины подачки да на жалкие «доходы» твоих коммерсантиков-спекулянтиков — слушай меня, свою мать. За ...тысяч баксов (твоя доля — ...тысяч) он готов иметь от тебя стопроцентно здоровое дитя. Контракт и все юридические документы прилагаю...»

Вот так было написано то письмо, перевернувшее всю Леночкину судьбу. Или не совсем так — самого письма мне в этом доме не показали. Лена попросила неделю на раздумья. А после раздумий взяла и — умерла.

Нет больше Леночки-милашки, грызущей на диване шоколадку. Она исчезла, испарилась вместе с крахом коммунизма в разваливавшемся Союзе. В этой, новой, жизни у нее другое имя, двойное гражданство, скромная недвижимость в Португалии на побережье океана («на случай реставрации коммунизма»).

Первоначальный капитал быстро оброс наваром. После второго клиента, подосланного сострадательной заокеанской «тетей Соней», она позволила себе иметь несколько доходных заведений и здесь. Но в основном она элементарно копит. Зачем? Ведь ДЕТЕЙ у нее нет...

— Но они будут. Четвертый ребенок станет только моим. Уж я постараюсь, чтобы к совершеннолетию он «стоил» миллионов пять (долларов. — *Н.П.*). А мужчина? Зачем он мне? Не встречала ни одного «нормального парня», как ты выражаешься. Всем нужны только мои деньги, а не я — тривиально, но факт.

Да, кстати, а зачем столь уважаемой леди опускаться до того, чтобы давать дурацкое объявление в газете? Мамашиных клиентов не хватает?

— Есть такое выражение — «щупать рынок». Не для себя, конечно. Мама очень просила. Все письма от потенциальных клиентов и от девчонок, желающих «кооперироваться» (наподобие той, письмо от которой ты прочел), я пересылаю по факсу ей. Видимо, она будет делать на этом бизнес — стоимость русских мам пока еще высока, хотя при таком экспорте блядей, который происходит сейчас, «рашн экзотик» хватит максимум лет на пять.

И тут я, с непривычки захмелевший репортер, совершаю непростительную ошибку:

— Скажите, а вы считаете себя э-э?..

Она с минуту молчит, но ее лицо обнаруживает вдруг частые морщинки зрелой женщины и приобретает страдальческое выражение...

— Дурак. Хоть мне и жаль, прости.

...Всю обратную дорогу с молчаливым водителем меня неотвязно преследовала дурная песенка, навеянная моим скверным уличным воспитанием.

■

Елена САЛИНА

ГОВОРИТЕ, Я СЛУШАЮ

Здравствуйте. Я продолжаю свои «разговорчики». Для тех, кто покупает журнал нерегулярно, объясню: цель подобных интервью — дать выговориться людям, мнением которых до сих пор мало кто интересовался. Обычным представителям так называемого среднего класса. Для кого, собственно, и делается «Столица». Нравится им то, что у нас происходит, или нет? На пользу или во вред? И вообще, как им сегодня живется? (См. «Столицу» № 34, 1992 г.)

Стали приходить письма. Кстати, если у кого-то из читателей возникнет желание самому «исповедаться» — пожалуйста. Только сначала в письменном виде, по четырем условно обозначенным темам: политика, экономика, безопасность, личная жизнь. Самых интересных предполагаемых собеседников я позову в гости.

Еще хочу сказать, что одно письмо меня очень огорчило. Молодой, по-видимому, человек, армянин, раздраженно пеняет моей прошлой собеседнице, русской женщине из Армении, как она не права в оценке тамошней жизни. Дескать, разве она не слышала о выдающихся армянских ученых? Разве спекулируют только на Кавказе? А не нравится, мол, — скатертью дорога. «Армения станет свободной и счастливой, только без Вас».

Но, позвольте, разве эта женщина претендует на истину в последней инстанции? И существует ли эта истина вообще? Ведь женщина говорит исключительно то и так, как сама чувствует, это истина одного, конкретного, человека. Зачем же затыкать ей рот, следуя неискоренимой советской привычке все расставлять по подобающим местам. Давайте начнем тогда обсуждать ее отношения с мужем. Может муж-армянин оказаться плохим добытчиком в семье или такого не бывает?

Грустно все это. Но я продолжаю.

«ЖЕНЩИНА ВСЕГДА ПОДЛАЖИВАЕТСЯ ПОД ЛЮБИМОГО»

Коротко о собеседнике. *Этой женщине 38 лет. По образованию она журналист, работает литературным редактором в специальном, профильном журнале. Три года назад оставила семью — мужа и 14-летнюю тогда дочку — и ушла к другому мужчине.*

— В принципе я человек не слишком политизированный, хотя почему-то с недавних пор меня все это стало интересовать.

— Когда именно?

— Знаешь, когда? Когда я стала жить со своим новым мужем. Мой бывший муж никогда бы не пошел на те же митинги. А Юрка увлекается политикой. Когда-то за КПСС был, потом мозги начали нормально работать. Утром он включает радио: что там происходит? Естественно, и мне стало интересно, что происходит.

— Выходит, поскольку тебе интересно с этим человеком, а ему интересно говорить о политике...

— Да. Когда я в школе читала «Душечку» Чехова, она меня безумно раздражала. А потом я поняла, что женщина всегда подлаживается под любимого человека, становится его отражением, дополнением.

— Ну и как тебе нравится сегодняшняя политика?

— Мне нравятся или не нравятся некоторые люди, хотя я не всегда понимаю, что и зачем они делают, — уровень не тот. Ощущение, что я «за», пока есть Ельцин. Я за личность, открытую и честную. Это — Президент, которого я уважаю.

Например, распад Союза я по-своему восприняла. В Тбилиси обычно звонишь друзьям, они: «Все нормально, приезжайте в гости». А тут, как с Гамсахурдиа все началось: «У нас страшно. У нас стреляют». Но, правда: «Все равно, ребята, приезжайте!»

А в Молдову позвонила — мне казалось, что там страшно, как по телевизору показывают, а у моей знакомой родители в Дубоссарах — она говорит: «Нет, что ты. Ну постреливают». Я ей: «Вы-то бежать не собираетесь?» Она смеется: «Куда бежать...» Вот так.

— А что изменилось для тебя в материальном плане?

— Это называется «про деньги». Ну, давай про деньги.

Это очень тесно связано вообще с моим образом жизни. Я получаю 5400. По сравнению с тем, сколько получают мои родители-пенсионеры, это, наверно, хорошо. Но зарплата отстает от цен. И если бы не работа моего мужа (он художник-оформитель, и у него бывают денежные заказы), я, конечно, острее бы все почувствовала.

Мы подсчитали, что за весну, на его последний заказ, мы вещей купили на 90 тысяч. Стиральная машина, там, телевизор, вертушка с колонками, одежда какая-то, за квартиру заплатили. Да плюс его дети — он туда много отдавал. Самое дурацкое, что у нас много денег уходит на другое. Тратим даже не на вещи и не на еду, а, скажем так, на удовольствия. Может быть, моя вина в том, что я не придумываю еду подешевле, я к этому не привыкла, избаловалась.

— Вы не откладываете на «черный день»?

— С другим человеком, вероятно, откладывала бы, а с этим просто невозможно. Тем более, нужны будут деньги — он заработает. Я просто ставлю его в извест-

ность, что у меня кончились деньги. Он спрашивает: «Сколько тебе надо?»

— А свои деньги как тратишь? Тоже сдаешь в «общую кассу»?

— Мне, наверно, надо быть больше женщиной... Понимаешь, очень стыдно тратить деньги на какие-то кремы и духи. Никак не могу от этого отделаться. Хотя, если я прихожу с кофточкой в руках и говорю: «Ты знаешь, вот я купила...» Всегда слышу: «Как это хорошо! Как тебе идет!»

— Так у тебя идеальный муж! Мечта любой женщины!

— Д-д-да.

— Ну, к этому мы еще вернемся. А теперь скажи: а преступников ты боишься? Жить тебе страшно?

— Я стараюсь просто не думать о страшном, считаю, что мысль материальна и зло притягивает зло. Как только начинаю бояться, обязательно какой-нибудь пьяный, больной привяжется в метро. Одна стараюсь не ходить — нет ощущения безопасности, хотя ужасно люблю гулять по вечерам. Может, сама себя накручиваю.

— А на кого надеешься в сложной ситуации?

— А я не знаю, на кого надеяться. Даже если с мужем идешь — его же могут покалечить. Он будет, конечно, защищать и умрет первым, но от этого не легче.

Однажды мы с бывшим мужем ехали в автобусе, и за нами сидели ребята, которые страшно матерились. Они просто нарывались и хотели разрядиться. Муж промолчал. Мне за него стало стыдно. А он: «А что ты хотела? Чтобы я полез в драку? Мы бы так до гостей не доехали».

С Юрой мне спокойнее. Он более мужчина, что ли, который просто так в драку не полезет, а если полезет, то уж серьезно. Он как-то сказал: «В случае чего — сразу уходишь, едешь домой и ждешь меня. Я обязательно вернусь. Если ты останешься, ты мне помешаешь».

— А теперь скажи мне самое главное. Я давно знаю тебя и твоего первого мужа. В глазах всех друзей вы были образцом семьи. Муж — мужественный, жена — хозяйственная, ребенок — очаровательный, дом — полная чаша. И вдруг ты ушла... Больше того, ты оставила дочь, а это, сама понимаешь, ну никак не вписывается в нашу общественную мораль. Что это? Обыкновенная любовь?

— Я боюсь об этом говорить, становлюсь суеверной. Те годы меня многому научили. Я быстро поняла: жена создает имидж своему мужу. Мы привыкли к ровным, хорошим, устоявшимся отношениям и создавали видимость счастливой пары. А Юра такой резкий, взрывной, поначалу устраивал мне какие-то сцены. Чем он меня захватил, сама не знаю, ведь работали до этого рядом год, но вокруг меня была стена, за которой я, впрочем, спокойно существовала.

Нет, вру, не спокойно. Мне с дочкой тогда очень трудно было. С ней вдруг что-то случилось, и она захотела попробовать в жизни все. И попробовала. И начала менять мальчиков как перчатки, а лет-то совсем немного.

Я была в ужасе, в шоке, в панике. С одной стороны, действовали стандартные установки: нельзя так рано. А с другой, я очень боялась за нее, что сломается что-то в ее психике. И было ощущение, что я ее теряю.

Кстати, в чем-то бывший муж мне и «помог». Я когда узнала, что с дочкой произошло, повыла, поползала и позвонила ему на работу в тот же день. Шли мы по мокрому снегу, уже далекие, и вдруг он мне говорит: «Как мать ты не смогла ее уберечь». А на мне и так та-а-кая вина!

...Я сделала вид, что ничего не знаю. Дала понять дочери, что она сама должна мне все рассказать. Сели, поплакали, поговорили, покурили — она впервые открыто курила при мне. Вроде бы выкарабкались из всего этого. Вот тогда я и решила для себя все проблемы.

Я ведь никуда не собиралась уходить. Лежала и думала: дом есть, муж есть, ребенок есть, есть работа, которую я обожаю. Чего еще бабе надо? И такая тоска...

Потом заболела. Муж был в командировке. Юра приехал меня навестить и поддержать. И остался.

— Вот тут-то и навалились все проблемы...

— Да. Мы стали искать, снимать квартиры, переезжать с места на место, а для меня, домоседки, это кошмар.

— Ни о чем не жалеешь? Это стоит того?

— Вопрос на засыпку. Скажу так: я не хочу ничего менять в том, что сейчас есть.

Моя бывшая свекровь до сих пор считает, что я испытываю характер. Но прожить три года в таких условиях... Когда все твердят, что бросила ребенка...

Да, я ее оставила, потому что я не могла ее забрать в те условия. Но самое-то главное, ребенок должен был понять меня, дозреть, что ли. Поначалу ей было очень плохо, она даже плакала. Звонит: «Мам, знаешь, я утром проснулась — солнышко светит, птицы за окном, и кто-то тихо-тихо ходит по дому. Я помню: это ты так ходила по выходным, чтобы никого из нас не разбудить. Я вскочила, а тебя нет». Действительно, я вставала раньше, готовила, убирала, чтобы потом всем вместе пойти гулять. Она вспомнила старую жизнь!

Мать ушла — это ужасно. Но когда не видишь ребенка, многое воспринимаешь острей. Я ушла, потому что я тоже человек. Я постоянно с ней говорила, потихоньку приваживала, как бы помогала себя понять. Понимаешь, говорила я, у тебя тоже скоро будет взрослая жизнь. Ты будешь совершать ошибки, но идти своим путем. Я стану нужна тебе все меньше. Что же делать мне? Мне же тоже хочется быть самой собой.

И она поняла. Она оказалась достаточно взрослой, чтобы найти себе место в этой ситуации. Умудряется жить на два и даже на три дома (есть еще бабушки и дедушки), хотя устает очень.

— Тебе сейчас хорошо?

— Только сейчас я начала раскрываться. Хотя я не зачеркиваю прежних четырнадцати лет. Они научили меня существовать рядом с другим человеком. Влюбиться легко — существовать рядом трудно.

«ТРУД — ЭТО ВСЕ-ТАКИ ОСНОВНОЕ»

Коротко о собеседнике. *Мужчина, 58 лет. Врач, доктор наук, профессор. Живет вместе с женой и двумя сыновьями. Старший уже взрослый, вернулся из армии. Младший учится в восьмом классе.*

— Вот только что, когда я вошла, вы сказали: «Все кругом абсурд». Что вы имели в виду?

— Мне кажется, порвалась связь времен. Это безвременье психологически очень тяжело переживается. Все сложно и туманно, я не вижу каких-то ясных и обнадеживающих перспектив. Все, что делается, в конечном итоге не дает результатов.

— Что для вас могло бы стать положительным результатом?

— Я хочу сказать только одно: политике никогда не хватало порядочности, а наше время — это время абсолютной беспорядочности. Все колеблются и наотрез отказываются решать серьезные вопросы.

— Неужели в «годы застоя» было лучше?

— «Годы застоя» были яснее. Я знал, что к чему и зачем. И многие вопросы-то ведь решались, пусть через нервы и волнения...

— Но вам хотелось демократии?

— Естественно. Очень! Но сегодняшняя демократия близка к полной деградации.

— Как вы думаете, почему так случилось? Что было сделано неправильно?

— Наверно, это связано с тем, что мы потеряли всякую духовность.

— Так сразу ее потеряли? За год? Или за пять?

— Эту духовность мы потеряли очень давно, и даже не в октябре 17-го года. Я думаю, это началось в конце прошлого века. Именно тогда люди снизили себе цену, а потом процесс пошел все убыстряясь: первая мировая, гражданская война, локальные войны. Затем фашизм и тоталитарный режим у нас — ведь в 37-м цена человека была равна нулю. Да плюс еще вторая мировая война с ее трагически известными лагерями и переселениями народов.

— Другие страны тоже пострадали от фашизма...

— Я не вижу особой духовности и за рубежом — это всемирный процесс. Просто у нас все приобретает удивительно урод-

ливую форму. Вот смотри, вовсю агитируют за церковь. Но она уже никогда не встанет так высоко, как раньше. Это всего лишь мода, а жизнь совсем иная.

— А что взамен?

— Взамен может быть только одно — колоссальный труд. Разный, в том числе и физический. Когда человек заново научится трудиться и станет собственником, он уже не полезет в чужой огород за картошкой. Других возможностей изменить духовную среду нет.

— А как изменить ситуацию экономическую, при которой людям не хочется работать?

— А это зависит от правительства, которое просто не знает, что делать. В стране сплошные гражданские войны, а правительство ведет странные игры, вызывающие только оскомину.

Меня потрясает своей иррациональностью закавказский очаг. Потрясает Молдова, которая неизвестно что ищет. Я никогда не был националистом, но воссоединение с великой Румынией — это абсурд, не дающий ничего, в том числе и духовного.

Я еще мальчишкой знал и стихотворения Шевченко на украинском языке, и Расула Гамзатова, и всех, кто создавал национальные культуры. И никогда не запрещали ни молдавского языка, ни украинского.

— Вы рассуждаете с позиций москвича, который изучал Шевченко по собственной прихоти. А украинцы утверждают, что у них такой возможности не было.

— Почему же у меня она была, а у них не было? Леночка, кто хотел — тот знал, а кто не хочет — того никакой суверенитет читать книжки не заставит. Прошу заметить: нет, наверно, ни одной республики, в которой бы я не побывал в годы так называемого застоя. Я видел, как относились к русским — не было никакого антагонизма и, в общем, русская культура никому не мешала.

— С чего же все началось?

— Это началось, в основном, с амбиций. Национальные амбиции тогда проявляются ярко, когда люди не хотят понимать, что культура должна быть общей, а не узконациональной. Чем гордиться-то? Что, такого замка, как Тракай, нет в России? Да любой наш монастырь — Кирилло-Белозерский, Оптина Пустынь — намного выше и духовнее.

— Ну, не будем скатываться на позиции «махрового национализма»...

— Нет, я не скатываюсь. Но мне больно. Ведь каждый собирает свою культуру веками, по капле, не бывает так, что культура однозначно рождается только в одном месте. Старцы в Оптину Пустынь пришли из Византии, и именно это подняло Оптину над другими монастырями России. Да ведь много таких примеров, чего говорить.

А сейчас процесс накопления прекратился, и пошел процесс усиленной дележки. Стараются разделить не знаю что. В Прибалтике дошли до совершенного игнорирования русскоязычного населения — это же дикость! Разве эстонцы культурнее русских? Везде одна и та же серость, которая так и лезет из-под тонюсенького общего культурного слоя.

— Успокойтесь, пожалуйста, не волнуйтесь так. Лучше скажите, что вы будете делать с ваучером?

— Мне куда симпатичнее лотто «Миллион» — сразу становишься миллионером.

— А симпатичен ли вам кто-то из наших ведущих экономистов?

— Боюсь сказать. Я очень внимательно за всеми ними наблюдаю, но ни у одного не вижу ясной программы. Самое удивительное, один всегда критикует другого, и никто ни за что не отвечает.

— Зато Гайдар прямо так и говорит: я за все отвечаю, я уйду в отставку.

— Гайдар мне кажется серой личностью. Я удивляюсь: как обычный научный сотрудник, не работавший на производстве, а только сидевший за столом и занимавшийся бумажными отчетами, становится руководителем государства. А Руцкой?

Пре-е-красный руководитель сельского хозяйства. Если он с такой же скоростью, как на самолете летал, будет восстанавливать наше сельское хозяйство, то, конечно, успехи будут грандиозны.

— А что творится в медицине, которая вам ближе всего?

— В медицине, как и в других отраслях, тоже потеряно доброе отношение к человеку. Тоже идет процесс депрофессионализации и деспециализации.

— Вам нравится идея страховой медицины, как все у нас, поголовной?

— Это очень сложно. На нее тоже нет денег.

— Их, вроде бы, будут перечислять предприятия за своих сотрудников.

— А откуда они их возьмут?

— Из своих доходов.

— Но для этого нужно работать. Мы опять упираемся в то же: в труд и его производительность. Производительность-то падает! Я очень боюсь, что если инфляция пойдет такими темпами, все опять кончится петлей, удавкой. Денег едва-едва хватит на зарплату врачам.

— Ваши предложения?

— Надо дать «зеленую улицу» частной медицине.

— Разве ей что-либо мешает развиваться сейчас? Вон сколько объявлений в газетах.

— То, что предлагается, скорее только слова. Медицина стала сейчас много сложнее и дороже, она невозможна без хорошего оборудования и профессионализма. А сейчас практикующие частные врачи не имеют дохода — налоги заедают.

— Вам лично жить стало труднее?

— Конечно, труднее.

— Какой выход вы для себя видите?

— Убивать (*смеется*). Я собираюсь, во-первых, ограничить свои потребности, а во-вторых, поискать новые доходы.

— Что может стать для вас источником дополнительных доходов?

— Например, земля. Использовать по максимуму возможности дачного участка.

— Вы их и так каждый год используете.

— Усовершенствование землепользования может дать какой-то результат (*смеется*). Из вещей в этом году ничего нового не покупали, все донашивали. Во всяком случае, я не вижу перспектив для покупки костюма.

— Но вы собираетесь устраиваться на другую работу?

— Были у меня соображения... пойти торговать (*смеется*), как и у всех. Но эти мысли были недолгими. Начнем с того, что сдерживает возраст...

— Рэкета боитесь?

— Я рэкета не боюсь: убьют так убьют, это однозначно. Я боюсь другого, что я просто не смогу этого делать. Разве что спичками начать торговать, как Забелин из «Кремлевских курантов»? Взять сразу большой ящик на тысячу коробок и накинуть на каждую коробку 5 копеек. Вот и доход, а?

— Вы довольствуетесь малым, а, между прочим, современные торговцы меньше чем на 100 процентов прибыли не соглашаются.

— Я же говорил, что у меня не получится.

— Кстати, как вы относитесь к молодежи, которая с видимым удовольствием, бросив все, идет торговать на улицу?

— Молодежь просто не видит другого выхода.

— Вы хотели бы встретить своего ребенка сидящим в киоске?

— Нет, хотя мой старший сын склонен к этому и в какой-то мере этим занимается — он снабженец в кооперативе. А вот младший более стабилен, он считает, что пока есть возможность получать знания.

— Вы осуждаете старшего?

— Я говорил с ним, и не один раз, и порой очень круто. Но его мало убеждают мои аргументы, что у него есть профессия — он радиотехник — и что он должен работать профессионально. Он отвечает, что этим не прокормиться, и я вынужден с ним согласиться.

— А как же младший? Ведь он, скорее всего, не сумеет себя прокормить?

— Все-таки есть надежда, что когда-нибудь знания и умение снова будут в цене. Это немножко убеждает в том, что пока не надо убивать и воровать.

— Может ли человек быть счастлив, так разрываясь в нынешнем безвременье?

— Может.

— Вы счастливы?

— Я счастлив семьей, работой, счастлив, наконец, тем, что даже в это время можно делать какое-то добро. Все-таки доброе прорастает, и люди осознают это.

— У вас есть сейчас мечты? Только реальные.

— Есть. Отвезти через две недели супругу в Грецию и шесть дней питаться там на «шведском столе» (*смеется*). ■

Открыта подписка на журнал «Столица» на 1993 год!

Стоимость подписки, объявленная редакцией: на три месяца — 91 рубль, на шесть месяцев — 182 рубля.

К этой цене местные отделения связи приплюсовывают свою надбавку. Так, в Москве стоимость подписки на «Столицу» с учетом местной надбавки составляет: на три месяца — 157 рубля, на шесть месяцев — 304 рубля.

При попытках взять с подписчиков больше указанной суммы просим обращаться в редакцию. Телефон: 928-27-69.

Ф СП-1

«Роспечать»

АБОНЕМЕНТ на газету / журнал 73746 (индекс издания)

"Столица"
(наименование издания)

Количество комплектов:

на 19 ____ год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда _____ (почтовый индекс) _____ (адрес)

Кому _____ (фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ ____ место ____ литер ____ на газету / журнал 73746 (индекс издания)

"Столица"
(наименование издания)

Стоимость: подписки ____ руб. ____ коп.; переадресовки ____ руб. ____ коп. Количество комплектов:

на 19 ____ год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда _____ (почтовый индекс) _____ (адрес)

Кому _____ (фамилия, инициалы)

Как и в прошлом году, для подписчиков «Столицы» редакция приготовила большое количество призов.

КУПОН ЛОТЕРЕИ

Фамилия, имя, отчество (полностью) _____

Адрес (с указанием почтового индекса) _____

В каком отделении связи оформлена подписка на «Столицу» _____

Дата оформления подписки _____

Условия лотереи — на обороте купона. В первом номере «Столицы» за 1993 год будет опубликован список победителей.

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонементе должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементе проставляется оттиск календарного штемпеля отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки)

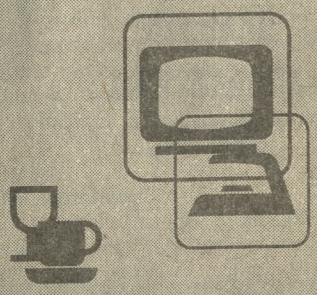
Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах Роспечати.

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ—МЕСТО» производится работниками предприятий связи и Роспечати.

Вырежьте купон, правильно заполните его, *наклейте на открытку или почтовую карточку* **и вышлите на адрес редакции: Москва, 101425, ГСП, К-51, Петровка, 22, редакция журнала «Столица». В розыгрыше призов примут участие только те читатели журнала, которые оформили подписку в период подписной кампании, то есть с 1 августа по 31 октября включительно. Выдача призов — только по предъявлении квитанции о подписке.**

ПРИЗЫ ДЛЯ ПОДПИСЧИКОВ «СТОЛИЦЫ»

Холодильники, телевизоры, часы женские и мужские, электрические самовары, электробритвы, платки пуховые, конфетницы хрустальные, наборы (скатерть и салфетки), матрешки, термометры комнатные, изделия из Хохломы, альбомы для фотографий, нож и открывалка «Хохлома», денежные призы — все это вы можете выиграть, отправив по адресу редакции правильно заполненный КУПОН ЛОТЕРЕИ.



У «МММ»
НЕТ
ПРОБЛЕМ!

КУПИТЬ СЕГОДНЯ ВЫГОДНЕЕ, НЕЖЕЛИ ЗАВТРА!

ВЫБОР ИМПОРТНЫХ ТОВАРОВ ЗНАЧИТЕЛЬНО УВЕЛИЧЕН, ЦЕНЫ СУЩЕСТВЕННО НИЖЕ КОММЕРЧЕСКИХ!

ПРИГЛАШАЕМ ПОСЕТИТЬ
НОВЫЙ ВЫСТАВОЧНЫЙ ЗАЛ
«МММ»—ЭКСПО,
ТОРГОВЫЙ ЦЕНТР,
ФИРМЕННЫЙ МАГАЗИН
«МММ»—ОСТАНКИНО.

В оптовой и розничной продаже:
компьютеры и оргтехника,аудио- и видеоаппаратура,
электробытовая техника,модные одежда и обувь,
продовольственные товары,напитки.

УСЛОВИЯ ПОКУПКИ ДЛЯ ОРГАНИЗАЦИЙ И ЧАСТНЫХ ЛИЦ—ОПТИМАЛЬНЫЕ:
—ЗА РУБЛИ
—БЕЗ ПРЕДОПЛАТЫ
—ПО БЕЗНАЛИЧНОМУ И НАЛИЧНОМУ РАСЧЕТУ

«МММ»—ЭКСПО пл.Революции,д.2
/музей В.И.Ленина/,
3-й этаж.С 9.30 до 18.00,
кроме воскр. и понед.
ТОРГОВЫЙ ЦЕНТР Варшавское шоссе,д.26,
м.«Нагатинская».С 9.00 до 18.00,
кроме субб.и воскр.
ФИРМЕННЫЙ МАГАЗИН «МММ»—ОСТАНКИНО»
ул. Ботаническая,д.29,м.«ВДНХ»,
тролл.№№73,36 до ост. Гостиница «Останкино».
С10.00 до 19.00,кроме субб. и воскр.

111-00-65
111-20-70

ПОЧТЕННЫЙ ПОКУПАТЕЛЬ ДОРОЖЕ ДЕНЕГ!

Алексей МИТРОФАНОВ

НЕГЛИННАЯ, КЛУБНАЯ И ОТСТРАНЕННАЯ

Улица — что районный клуб. Улица-рудимент. Улица-атавизм. Город медленно сходит с ума, и все в одном, довольно скучном направлении. А улица-райклуб уже давно сошла, в чудных и очень разных, и так им всем держать.

Здесь дома — как кружковые комнаты. В магазине «Охотник» пахнет кожей и порохом. Там собираются бородатые молчуны с философскими физиономиями. В «Сандунах» — все те же отстраненные мыслители, разве что веники вместо бород, и не такие крепыши сложением. Зато краснорожие. В музыкальном и нотном — длинноволосые, глазастые и бледные, в театральном училище — велеречивые и неуютные, а про ресторан «Узбекистан» уже не раз писали. И пугали мещан фотографиями: «Чеченские боевики охраняют сходку лидеров группировки в ресторане «Узбекистан».

Как во всяком клубе, здесь и кружки работающие, и память о кружках умерших. Например, о винном магазине. Там пивуны-кружковцы брали ординарные напитки и «горнили» их в автоматическом кафе. Теперь же «винный» упразднен, а в «автомате» нету скромных бутербродов. Вместо них — дорогие, а потому устаревшие конфеты и ликер «Амаретто» — символ жалкой московской респектабельности, синоним сигарет с верблюдом и телефонного определителя номера.

И хотя время взбаламутило кружковые комнаты, хотя в «Музыкальных инструментах» торгуют майками, а в «Нотах» — баянами, хотя в тех же «Музыкальных инструментах» появились злобные кавказцы (спекулировать саксофонами нынче и выгодно, и сравнительно безопасно), — улица-клуб живет и будет жить.

В начале века состояла из Неглинного проезда и Неглинного бульвара. В 1922 году все переименовали в Неглинную улицу. Мелочно, зато безобидно.

Рис. Ю.Николаевой

Улица начинается на задворках Малого театра. А напротив него — огороженный хлипким забором пустырь. Здесь была гостиница «Европа», в разные годы вмещавшая несовместимое — писателя Достоевского, актера Сумбатова-Южина и репортера с петлей Юлиуса Фучика. Затем, подчиняясь заданному знаменитыми постояльцами закону противоречий, ее переименовали из «Европы» в «Армению» и несколько лет назад снесли. Там сейчас котлован, и в обнаженном нутре квартала выпирает неприкрытое интимное — контуры бывшей крыши, неоштукатуренные куски стен, трогательная арматура.

Снесенный дом — как неудачно окончившийся роман. Есть он — его не замечаешь, а рушится — и обнажаются пустоты, и летят планы, и выпирают вещи, оставленные друг у друга. И пытаешься прикрыть все это ненадежным забором старательного забвения.

Рядом — старейшая школа актеров. Театральное училище имени Щепкина, бывшее Императорское театральное училище. Его окончили Ермолова, Садовский и Плисецкая и множество несостоявшихся «гениев», без таланта или без удачи, замахнувшихся на красивую карьеру и разбивших об нее свою жизнь. Они и сейчас готовят себя к будущему краху, там, за секретным, фильтрующим входом. Секрет тот глуп, наивен, и потому его особенно обидно не заметить — парадные двери на замке, а входить нужно в незаметную дверь, через маленькую комнату охранницы, которая, уверовав в достоинства своего «секрета», мимо себя пускает всех подряд.

А что скрывать-то? Разве что пористый,

авангардный памятник Щепкину — стоит смешным сморчком, без ног, как пластилиновый...

Напротив училища — всем доступные зрелища: старый ЦУМ, где в витринах — пустые коробки, и новые коммерческие палатки, где выставляются, наоборот, товары, а упаковки — редкость величайшая.

Дом № 8, перед которым вечно очереди в «валютный», — памятник московского разгильдяйства. 10 октября 1888 года, когда он еще только строился, обвалилась стена и погубила 11 рабочих. Благодаря адвокату Плевако гуманный российский суд приговорил архитектора Каминского к церковному покаянию и трехмесячному заключению. Правда, столь строгое наказание заменили домашним арестом.

А на противоположной стороне Кузнецкого моста — дом 10. Он, если верить Льву Колодному (в прошлом воспевавшему в «Мосправде» социалистическую Москву, а сейчас — разоблачающему в той же «Мосправде» Ленина), в первую очередь «известен своей химчисткой». И уже после — рестораном Транкля Яра, пушкинскими «трюфелями», поминками Дельвига...

Этот дом также славен витринами магазина «Консервы» — полуобнаженными роскошными дамами, большеглазыми да распутными, рекламирующими сок и компот. Во времена войны здесь выставлялись антифашистские плакаты «Окон ТАСС».

И славен общественной уборной, одной из первых ставшей платной, одной из немногих, имеющих свой интерьер — стилизована под ракушку, облепленную илом. Когда-то она называлась «Снежинкой» (по имени столь милой Льву Ефимовичу химчистки), и здесь собирались «пузыри» — алкаши, скатившиеся до аптечных флаконов со спиртовыми растворами, — еще один закрывшийся кружок райклуба-улицы.

Рядом — здание российского Госбанка. Оно построено в конце прошлого века, а в 1929 году архитектор-«традиционалист» Иван Жолтовский приделал по бокам два шестиэтажных флигеля. Хотел надстроить и центральный корпус, но почему-то не сложилось.

Однако на крыше появились две железные судовые трубы. Плыви-плыви, российская валюта...

Следом за ним — пышный дом с бестолковым фасадом — «Сандуны», детище супружеского союза двух известных актеров — Силы Сандунова и Елизаветы Урановой, учрежденное на бриллианты незадачливого ухажера Лизаньки — вельможи Безбородко. Здесь бывал толстяк-поэт Шумахер:

Мякнут косточки, все жилочки гудят.
С тела волглого окатышки бегут,
А с настреку вся спина горит...

Одно время заведением владела Фирсанова, и мастер шифровки своих персонажей Андрей Белый восклицал в романе «Москва»: «Кто же не нежился в мраморах черных огромных «Феклушинских бань» с металлическим, темным, литым Посейдоном?»

При советской власти поэты плели Сандуновским довольно бездарный венок:

Сандуны!
Сандуны!
Праздник чистый, банный,
всю неделю жданный!
(Эльмира Котляр, 1964)
или:
А в субботний денек,
Сандуновские бани,
В крепкозимний мороз —
Все за вас я отдам.
(Виктор Яковенко, 1987)

Оба стишка называются «Сандуны», туда им и дорога.

Сразу за банями кончается бывший Неглинный переулок — начинается Неглинный бульвар. Когда-то, присоседясь к узбекскому ресторану, под деревьями шуршал подпольный наркорынок. Сейчас же — бульвар как бульвар, с обычными бульварными картинами. С утра бредет косматый, нечесаный бедолага, попутного ему ветра в дырявые карманы. Днем появляется матушка с детьми, тетушка с сумками, дедушка со слуховым аппаратом. Вечером какой-нибудь упившийся детина спит на коленях хрупкой девушки. О, загадочная русская (да и не только русская) душа. А очень поздним вечером (точнее, ранней ночью) бульвар пустеет, и на нем появляется интеллигентный мужчина с собакой — гуляет как в своем дворе, счастливый обитатель Центра.

В начале прошлого века среди аллей проходил канал Неглинки, затем ее запрятали в трубу, лет через сотню по трубе прополз пузатый Гиляровский, и где-нибудь раз в год какой-нибудь скромных способностей журналист (чаще — сотрудник московской газеты) вдруг решает, что он — Гиляровский заката столетия. Он торжественно прощается с близкими, кряхтя натягивает сапоги и спускается в коллектор, и идет под улицей, и благополучно вылезает, и раз в год появляется стандартный репортаж: сырость, темень, грохот колес над головой, и обязательно — «дядя Гиляй сю-сю-сю...».

И нагромождается дурацкий мемориал «королю репортеров».

Улица же, в своем начале бестолковая, чуть отдохнув тихим бульваром с низенькой застройкой, оканчивается гадким лишаем — Трубной площадью, где всегда что-то роют, всегда что-то строят, где непонятны переходы и проезды, где глохнут моторы и развязываются шнурки, — здесь погребенная река встречается с разрушенной городской стеной.

Здание бывшей гостиницы «Яр». 30-е годы

ЕРОХИН КРУЧЕ ВСЕХ

«Я объявляю вам войну»
Свердловская к/ст., реж. Я.Лапшин

Ерохин — красавец мужчина, ходит в темных очках, с набитым фейсом — и вообще весь из себя ого-го. Можно даже подумать — кинокритик.
Ан нет. Всего лишь подполковник из запаса неких, как можно догадаться, «интернациональных» сил, прибывший за каким-то фигом в родной городишко. Где, естественно, царит надлежащий бардак — рэкет, коррупция, и даже Ерохина угостили разок по морде. Ну, он всем показал, кто тут самый крутой, и взял мафию в оборот, в чем ему споспешествовали физически приятели-статисты и морально — юная невинная горничная, проживающая в светлой горнице на улице с нимфеточно-патриотическим названием Пионерская. А Николай Еременко, занятый в роли ломового Ерохина, тряхнул в результате стариной, напомнив об аналогичных своих деяниях в «Пиратах XX века». Там он, правда, скакал побойчей. Сюжетная схема, как видите, стандартная (герой-одиночка, курочащий свору негодяев), что само по себе нормально. Результат зависит от того, каким сортом киноплоти обрастет типовой жанровый скелет: терминаторскими мускулами либо пестренькой шкуркой иронии. Фильм «Я объявляю вам войну» остался в положении межеумочном: ерохинские подвиги не шибко впечатляют, а те смешки, что порой возбуждает картина, авторами вовсе не предусмотрены. Несмотря на современный антураж, диалоги то и дело вызывают из небытия тень ныне покойного майора Пронина — он бы вполне органично смотрелся на пару с подполковником Ерохиным. Вот угораздило, черт подери: послала же судьба эдакого однофамильца.

Алексей ЕРОХИН

Фото М.Гутермана

Сцена из спектакля «Сорри...»

ВОИСТИНУ ШОЛОМ!

«Сорри...»
Российское театральное агентство и театр «Ленком», реж. Г.Панфилов

По проблемам русско-еврейских отношений, томящим иудо-христианскую цивилизацию, над которыми мучительно ломали голову Н.Бердяев, В.Розанов и другие корифеи историко-философской и религиозной мысли, автор пьесы, Александр Галин, прошелся пером литератора, внимательно изучавшего не только российскую жизнь, но и законы успеха в коммерческом театре Запада. Правда, в разработке истории о том, как русский прозаик Звонарев, волею судеб превратившийся в израильтянина Шику Давидовича, пытается увезти в Землю обетованную свою возлюбленную двадцатилетней давности, звезду филфака, поэтессу Инну Рассадину, ныне работающую в морге, — драматургу недостало виртуозности. Однако, что бы ни писали мои уважаемые коллеги критики, виртуозности хватило двум прекрасным артистам Инне Чуриковой и Николаю Караченцову, которые сумели заполнить литературные паузы причудливой человеческой историей, которую прожили нынешние сорокалетние. Актеры не только продемонстрировали класс мастерства (что само по себе радость в дилетантские времена), но прикоснулись к глубоко интимным проблемам жизни, которые и определяют во многом наше общественное поведение. Режиссер Глеб Панфилов, похоже, забыл об эгоизме своей профессии и постарался раствориться в артистах, которые, право же, стоят этого.
В стране десятков языков и народов, где смешение кровей даровало гениев отечественной культуры и цивилизации, коронные проблемы бытия — как и во всем мире — решаются между людьми, каждый из которых выбирает свой путь. И остаются одинокими — наедине с самими собой. Впрочем, зачем куда-то уезжать, когда и здесь плохо.

Михаил ШВЫДКОЙ

ЗАЧЕМ РОССИИ ДИНОЗАВР?!

Выставка Д.А.Налбандяна
Центральный музей В.И.Ленина

Выставка разочаровала и даже огорчила. Праздника хотелось. Пышности образов и красок, значительности сюжетов, до рези в глазах знакомых портретов... «Морщинок памятная речь», которая «под стать усталости покатых отцовских этих милых плеч...» (А.Твардовский) — где все это? С щемящей ностальгией вспоминаемые соцреалистическая романтика и псевдоклассицизм навсегда ушедшего советского «рая» были представлены, кажется, лишь двумя «библейскими» сюжетами: небрежным и невыразительным эскизом картины «Толстой и Горький» (здоровенный кусок ДСП в дорогой старинной раме) и «Лениным и Горьким на Капри». Забавно, что все виденные мной в самых разных местах варианты первого сюжета отличались друг от друга:
а) внимательный Толстой сидя слушает вдохновенно стоящего Горького;
б) внимательный Толстой стоя слушает сидящего вдохновенного Горького;
в) внимательный Толстой стоя слушает вдохновенного и стоящего Горького...
У Налбандяна же — беспрецедентные в своей внимательности и вдохновенности сидящие (!) Толстой и Горький. Что касается Капри, то этажом ниже Налбандяна висел еще один холст на эту тему: сидящие в лодке с удочками в руках Горький и Ленин, у которых все хорошо, — живое длящееся чувство, идиллия...
Представленный 40 «неофициальными» работами, титулованный, обласканный званиями, наградами и премиями, «динозавр соцреализма» (как окрестил его «МК») выглядел несколько беспомощно. Неплохой пейзажист и первоклассный рисовальщик, даже в колоритных армянских натюрмортах Налбандян как-то мало интересен. Среди последних работ — портреты национального героя Армении Андроника и католикоса всех армян Вазгена I, пошловатые, с привкусом педерастии, портреты томного рок-гитариста и румяных нахимовцев и откровенно вульгарное «а-ля Арбат» гигантское полотно с двумя

Фото РИА — Новости

Дм. Налбандян. Ленин в Горках. 1959

фигуристыми тетками, неуклюже и неестественно «плескающимися» в море (увы и ах: красноречивое свидетельство творческого климакса 86-летнего маэстро). Реализма было мало, социалистического — еще меньше. А хотелось торжества духа и красоты плоти. Праздника под американским девизом «В здоровом теле — здоровый дух!».
Центральный экспонат — краснокожая «Книга отзывов и предложений», где много всяких теплых слезоточивых слов о Мастере. Критика тоже была. Запомнилось это: «Зачем России национальный герой Армении Андроник?!». Подписано — «русские»...
Грустная выставка, жалостливая.
...Между тем в соседнем зале изгилялась авангардная молодежь, ни на партийцев, ни на ленинцев не похожая. На них недовольно шикали бабки-смотрительницы. В воздухе то и дело проносилось крылатое хрущевское «абстракцисты и пидарасы». Объявление гласило, что «в среду с 15.00 до 18.00 можно вступить в контакт с художниками», что я и сделал незамедлительно (была среда)...
Господа политики! Не запрещайте, не закрывайте Музей В.И.Ленина! Он хороший, настоящий центр современного искусства.

Ярослав МОГУТИН

ТЕМ, КТО НЕ ХОЧЕТ БЫТЬ ИЗНАСИЛОВАННЫМ

И.Яркевич «Как я и как меня»
Изд. «ИМА-пресс», 1991

Писатель Яркевич пишет неприличные произведения и, что самое интересное, их — вполне официально — издает странное до смешного издательство «ИМА-пресс». Насколько мне известно из общения с руководителем этой самой «ИМЫ», проблема распространения выпускаемой продукции его мало занимает. А жаль, ведь весь тираж первой, единственной и неповторимой книжки Яркевича (всего-то 5 тысяч!), кажется, «завис» где-то на полпути к книжным прилавкам.

«Шок, удивление, отвращение, восторг вызывают эксперименты автора со словом и смыслом, забавные повороты сюжета... Яркевич стремится выбить читателя из привычно-обыденного, дает возможность взглянуть на самих себя и окружающий мир с другой точки зрения и в другом ракурсе и благодаря этой встряске что-то понять, переосмыслить» (из аннотации). Да, ничего себе «рассказы о жизни и смерти, любви и т.д.», вот так «забавные повороты сюжета»! Ну ты даешь, Игорь Геннадьевич! Думаю, несчастный, «неподготовленный» читатель, пребывавший доселе в святом неведении относительно существования литературы подобного рода, станет жертвой аморальной коварности и коварной аморальности автора, будет выбит-таки «из привычно-обыденного». И даже спасительные, казалось бы, отсылки к «отцу жанра» В.В.Розанову, аллюзии на уже «пройденного» молодого Лимонова и почтительные реверансы перед до сих пор «непечатным» Харитоновым его вряд ли утешат.
«Неужели они не понимают, что это классический роман русской литературы?» — искренне удивляется Яркевич. — «Детство» — «Как я обосрался»; «Отрочество» — «Как я занимался онанизмом»; «Юность» — «Как меня не изнасиловали». Давно не читал ничего с таким ехидно-кощунственным удовольствием, смеясь и плача от восторга, возвращаясь, перечитывая вслух. Жалко, что в книгу не вошла центральная, кульминационная, часть трилогии, так же как и милый рассказик «Два писателя». Зато есть здесь ставшие хитами в определенных — близких к автору — кругах «Дрожащая тварь» и «Временное правительство», «Красная роза любви», «Солженицын, или Голос из подполья» и «Окуджава, или Голос из бездны»... Бедный Яркевич, что с ним будет, если Булат Шалвович с Александром Исаевичем в суд подадут?! Жалко гения! (Гения, его всегда жалко.) Книги этой я не читал. Помню все по рукописям. И вот что обо всем этом думаю: Яркевичу дай волю, и он основательно перемоет старые больные кости русской литературы. Этот парень звезд с неба не хватает, и Букера ему не дадут никогда, но (!) запомните его имя — скоро он наделает много шума, а лет через пять о нем будут говорить все критики (если, конечно, не вымрут к тому времени как класс). Яркевич — на волне. *Так* да о *таком* по-русски еще никто не писал. И, если вы не хотите быть изнасилованными, читайте книгу Яркевича!

Я.М.

СКУШНО РАЗБИРАТЬСЯ

«Снайпер»
К/ст. им. Довженко, НПО «Скиф»,
ТО «Талисман», реж. А.Бенкендорф

Чтобы превратить залихватский роман Джеймса Хедли Чейза в подобное незрелище, к тому же имея в распоряжении таких асов криминального жанра, как Джигарханян и Еременко-младший, нужно, казалось бы, приложить немало усердия, однако постановщик справился с этим без видимого труда и с тем же успехом, с которым он до этого уделал забавную школьную повестушку Юрия Полякова.
Игру Джигарханяна с избытком нейтрализовал аутичный молодой человек, пытавшийся (вернее, и не пытавшийся) изобразить его сына, а исполнение Еременко — исполнительница (вернее, опустошительница) роли его жены. Впрочем, скучно разбираться, чья это заслуга — то ли юных статистов, не способных дважды войти в одну и ту же роль в кадрах, снимаемых (шутка ли!) в разное время, то ли режиссера, которого осенило, что персонажам столь остросюжетного автора, как Чейз, уже не нужна никакая психология.

Виктор МАТИЗЕН

Алексей ТАРХАНОВ

Go home, друзья!

Напрасно смеялся я и говорил, что в Москве вовек не будет художественного рынка, а выйдет только безобразный художественный вокзал, потому что все уедут.

Не прошло и года, как мы, сами того не заметив, оказались посреди базарной площади. Люди вокруг вносили и выносили картины, негоцианты прохаживались между рядами, копаясь в графике и трогая скульптуру. Художники широкими жестами выбрасывали на прилавки длинные холсты, испачканные краской.

Лихорадочное состояние «дикой» торговли, охота за шедеврами по случаю и беготня по мастерским внезапно завершились. К закупкам подключились коммерческие банки — то ли искренне не представляя себе, что делать с деньгами, то ли руководствуясь естественным желанием нуворишей покупать все самое дорогое и ненужное.

Запах денег, доносившийся из мастерских, разбудил самые мрачные подозрения. Эксперты, занимавшиеся формированием богатых коллекций, узнавали о себе удивительные вещи. Прошло несколько немыслимых ранее между своими, а оттого особенно неприличных скандалов — с безумными утверждениями в диапазоне от: на советском арт-рынке отмываются деньги мафии до: галеристы пьют кровь убитых животных.

Начался новый и загадочный период. Но разве прежний был понятнее? Или моральнее? С конца 80-х современное советское искусство делалось исключительно на экспорт. Художники отправлялись в Германию или в Италию, как раньше в колхоз, — на заработки. В Москве отсыпались, принимали галеристов и строили планы европейских кампаний. Московские и ленинградские художники стали членами интернационального художественного клуба, вошли в славную международную мафию, работающую с оглядкой друг на друга. Правда, взяли их туда по рекомендации и не без корыстного расчета — кровь немного обновить.

Европейцы и американцы давно подозревали, что какое-то забавное искусство должно существовать на бескрайних просторах Империи. Неоценимую помощь здесь оказал КГБ, возведя занятия живописью в ранг государственного преступления. Едва ли кому-нибудь на Западе доступна была такая дорогостоящая реклама. Тут-то мы их поймали: помощь нам выглядела отныне моральным долгом и борьбой за свободу. Западные люди искали вещи безумные, которые должны были происходить из этой безумной страны. Их жажду странных и смешных проектов мы постарались удовлетворить. Мы очень старались, у нас хорошо получалось, в результате они немного от нас устали.

Эпоха первой мистификации: «Мы признаны в мире», мистификации, рассчитанной «для внутреннего пользования», стала постепенно завершаться.

Падение интереса к совискусству предсказывали давно, но всегда с оттенком того, «как бы не сглазить». В рассуждениях о том, что же тогда будет, придерживались мнения, что интерес сохранится — на уровне любой экзотики. Никто как-то не ожидал, что это искусство может надоесть решительно всем и сразу, и любое.

Тут и пришло время возвращаться в Россию, домой, на Родину, в Москву, в СССР, в СНГ, в глушь. Стало скучно и безопасно. Неудавшийся августовский реванш коммунистов вышел сплошным разочарованием. Пали последние преграды. Все стало можно, были бы деньги. Запрещенные некогда квартирные выставки приобрели такой размах, что им тесно в любой квартире, и стоят они столько, сколько не уходило раньше на парад в Манеже «Художники — XXIV съезду КПСС». От «подполья» сохранилась только одна особенность: посторонних опять не пускают милиционеры.

Предстояло не просто уйти домой, но хотя бы сделать вид, что дома у советских все есть и мы любим наше отечество. Вторая волна мистификации называлась: «У нас богатая и напряженная художественная жизнь». За чем и последовала упорная симуляция советской внутренней художественной жизни, как раньше фальсифицировалась, например, Дружба народов или Пятилетний план. Самой удачной и самой эгоистической попыткой изобразить оживление и рынок стал АРТ МИФ, Московская международная художественная ярмарка, название которой производилось не только от мифа, но и от MIF (Moskow International Fair). Первый МИФ выглядел по-домашнему, но уже через год на МИФе-2 общая сумма продаж стала исчисляться миллионами. Невиданный всплеск художественной торговли в стране едва не победившего социализма выглядел очень странным, слишком уж удачным.

Бог знает что творится в Москве: по два, по три вернисажа в день и в одно и то же время. Надо успеть на Арбат и на Каширское шоссе, с негодованием поглядеть на заклание поросенка, в галерее «Риджина», а в полковничьем раю Центрального Дома Советской Армии найти штатского художника Марковникова. Публика ходит с выставки на выставку и ест. Появились путеводители на манер Baedeker'ов, в какой галерее на что рассчитывать — где на бокал шампанского, где на домашний обед.

Как хотите, но что-то очень странное во всем этом. Притом художников не прибавилось. Телевидению стоило провести конкурс «Новое имя», чтобы доказать: ну, нет такого. И не только не удается найти новых, невиданных, но не получается также домашними средствами поднять рейтинг уже найденных. Иерархия установилась, списки великих и талантливых тиражированы «Art diary international». Стало гораздо понятнее, кто за кем и почем.

Обнаружилось, что в России известны от силы два десятка русских художников, в мире — не более десяти. Ровно на плечах этой десятки выросли Центры современного искусства, Музеи современного искусства, Институты современного искусства, не считая многочисленных Галерей современного искусства. Видимо, Москву ожидает раздел сфер влияния на Звездочетова или война за наследие Кабакова.

Самый простой способ активизировать художественную жизнь — сделать вид, что она есть. Не прав тот, кому в слове «мистификация» почудится осуждение. Современное искусство живо мистификацией. «Мы, русские, занялись своими проблемами», — говорим мы, в то же время высматривая краешком глаза, как выглядят со стороны наши ученые занятия. Надеюсь, что, заигравшись, мы сами себе поверим.

P.S. Статьей Алексея Тарханова мы открываем серию материалов, посвященных недавно прошедшему Фестивалю московских галерей, который провел тот самый АРТ МИФ. Один из материалов — «История любви» — на следующих страницах. Осенний вернисажный марафон был устроен с комфортом — началось с приятной поездки на теплоходе, в ходе которой были предусмотрены банкет, танцы, между делом пресс-конференция по поводу фестиваля. Перебежки с Арбата на Каширское шоссе организаторы заменили переездами на комфортабельном «Икарусе», а на бокал шампанского (как минимум) можно было рассчитывать три раза в день (как минимум). Впрочем, развлечения — развлечениями, но проблем оказалось тоже предостаточно.

ИСТОРИЯ ЛЮБВИ

Валентин Горлов

Валя Горлов с детства любил помойки. Он находил там забавные штучки-дрючки и тащил домой всякую гадость. А еще он с детства ненавидел музеи и галереи, потому что там было скучно, картины, висящие на стенах, нельзя было потрогать, перевесить, как тебе нравится, унести домой и жить с ними. Самое интересное, что родители его никогда не ругали, они его понимали, и вообще он был окружен удивительной атмосферой любви.

Когда Валя вырос, закончил ВГИК, то первым делом он снял фильм о детях и родителях, и все запели песенку из его картины:

Папа у Васи силен в математике,
Учится папа за Васю весь год...

Потом он делал еще много чего — например, работал в запасниках Русского музея, укрепляясь в детском подозрении, что не все лучшее висит на стенах уважаемого заведения, где нельзя шуметь. Еще он снимал кино, писал сценарии и пьесы, одна из которых — «Люби меня, как я тебя» — и сейчас идет в Москве. Придумывал всякие смешные проекты, такие, как «Театр вещей», в котором равноправно бы действовали люди, животные, цветы, мебель, еда, картины, книги и все-все-все. Вот здорово бы было, мечтал он, построить прозрачный куб — это была бы сцена, а актеры знали бы только основные вешки своей роли. Ну, например, муж пришел с работы злой, а жена суп пересолила, и он вылил ей тарелку на голову, а девочка в уголке читает «Мурзилку», а мальчик дергает собаку за хвост, а на стене висит картина... Или нет — суп отличный, муж успокоился, а мальчик гладит пса, и на стене висит картина, а главное, в рамках сюжета все говорят все, что хотят...

Выросший Валя не полюбил музеи и не разлюбил помойки, и, честно говоря, не перестал быть ребенком. Ведь не случайно едва ли не лучшего художника своей коллекции он нашел на свалке в Худфонде, где сотрудницы ходили по холстам, но откуда нельзя было притащить обрывки домой, склеить, реставрировать и поставить у стены, а когда рассердишься, повернуть спиной — не отсвечивай тут...

А еще, вставая каждый день в шесть утра — по старой привычке мальчишки-спортсмена, — он, «договариваясь с самим собой» (его слова, думаю, аналогичны известному «приводить в порядок свою планету»), с любовью вспоминает свое детство. Москву 50-х. Людей с лицами романтиков, героев-целинников и победителей в великой войне. Отмену карточек и пирамиды банок с крабами в Елисеевском, а также «Книгу о вкусной и здоровой пище». «Спасибо товарищу...» тут ни при чем, ведь детство всем из взрослости видится счастливым.

Все это я рассказываю к тому, что, когда большому мальчику Валентину Горлову стало неинтересно снимать кино и писать пьесы, он, естественно (что может быть естественнее при любви к помойкам и нелюбви к музеям!), создал свою галерею. Он назвал ее «Новой», хотя собирает соцреализм 30—50-х годов — искусство своего детства. Правда, это в какой-то степени новое в галерейной практике — большинство предпочитает заниматься искусством современным или в крайнем случае «другим». Впрочем, собирает Валентин Горлов не то, что сегодня называется соцреализмом (советский китч, самопародийный официоз — пища соц-арта), хотя это у него тоже есть, например, агитационные плакаты. Тут у нас даже вышел небольшой спор о терминах, потому что под соцреализмом Валентин понимает всю совокупность искусства в определенный отрезок времени нашей истории. Мозаичная картина эпохи, по его мнению, не была бы полна без замечательных, но забытых или так и оставшихся при жизни неизвестными художников. «Советское теневое искусство 30—50-х годов» — называлась первая выставка «Новой галереи», прошедшая в мае 89-го года в Хаммеровском центре. Восточные мудрецы, любившие задать потомкам афористическую головоломку, считали, что тень говорит о горе лучше вида самой горы. Что ж, громада, встающая за образами холстов К.Вялова, М.Перуцкого, Б.Владимирского, А.Магидсон, П.Кошевого и В.Гремитских из галереи Горлова, действительно, обретает новые очертания. В их работах сохранен сам запах той трагической и романтической эпохи.

...Лица тех лет. Детски-старческие. Они считали днем рождения страны 17-й, а пережили больше, чем выпадало иным государствам за века. Лица эти заполоняют маленькую комнатку «Новой галереи» (это фонд — своего выставочного помещения у Горлова нет). Банально выражаясь, тут заново переживаешь историю. И мысленно вносишь коррективы в историю искусства, дополняя «Незабываемые встречи», «Большие

О.Волкова. Вредно ребятам лежачее чтенье...

В.Иванов. Натурщица

В.Щеглов. Лето

плавки» и гипсовых девушек с веслами, удивительными ню, напоминающими о серебряном веке, городскими пейзажами в духе импрессионистов, авангардистскими натюрмортами и портретами не меньшей выразительности, чем позволяла кисть экспрессионистов. Портретов у Горлова больше всего женских, потому что женщин он считает камертоном эпохи, как он говорит, «самой точной нотой до». И еще работы в основном незаконченные, в завершенные Валентину влюбиться труднее всего, потому что именно в этюде художники уходили от женского канона эпохи. Давление и русская классическая школа реализма родили это странное, прекрасное в своем уродстве дитя — соцреализм 50-х. Горлов даже создал свою теорию, а может быть, и сделал открытие. Суть вот в чем. Железный занавес, опустившийся после войны, полностью отрезал советское искусство от мировой практики; везде пути творчества совершенно изменились, а СССР оказался единственной страной, где еще 15 лет развивалась утраченная всеми традиция. Не могу сказать, насколько точна эта теория, ведь с тех пор, как старая табель о рангах рухнула, никто еще не написал новой серьезной фундаменталки. Зато я знаю наверняка, что итальянский экономический журнал, исследуя рынок вложений в СССР, поставил искусство соцреализма на 4-е место после нефти.

Так или иначе, Валентин Горлов собирает картины, которые любит, — он ни разу не принес в комнату нелюбимую вещь. И продает только тем, в чьем понимании уверен. Тут ему важны не слова восхищения, а горящие глаза, чувство, близкое его собственному.

«Всегда перед человеком стоит вопрос, выбрать жизнь или искусство, т.е. ее отражение, — размышляет галерист. — Я бы сказал так — стоит жить ради того, чтобы каждый день делать из своих отношений с людьми, из дела, которым занимаешься профессионально, такую картину, как ты хочешь».

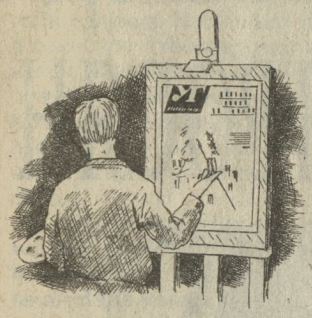
Такой вот получается «Театр вещей».

Осталось только построить стеклянный куб. Или, точнее, открыть не элитарную квартиру-фонд, куда можно попасть по предварительной договоренности с автоответчиком, а настоящую галерею где-нибудь в сталинском доме у стен Кремля. «Картинкам» (как их по-свойски называет Горлов) стало тесно, и вообще уже интересно посмотреть, как они, начав новую игру, найдут каждая свое единственное место и как они и зрители станут реагировать друг на друга. Надоели чужие залы, будь то Бизнес-клуб Московского кинофестиваля или музей в Торонто, где проходила благотворительная акция «Чернобыль». Впрочем, галерея вообще дорогое удовольствие, а уж зал — затея для миллионеров, но услугами спонсоров Горлов не пользуется. Он не хочет, чтобы ему диктовали условия, равно как отказывается входить в структуры и командовать. Ищет партнеров на основе любви — а это дело тонкое. Хотя, послушав Валентина и побывав в его галерее, можно увлечься, совершенно не заметив, как это произошло, — уж очень он обаятельный человек.

Марина КАМИНАРСКАЯ

Б.Владимирский. Будущие маршалы

МЫ РИСУЕМ ПОРТРЕТ ШКОЛЫ...



— оперативная информация из всех регионов дальнего и ближнего зарубежья;
— уникальные педагогические технологии;
— ранее не опубликованные и редкие произведения величайших просветителей, ученых, педагогов;
— экспресс-учебники по разным предметам;
— психологические консультации и тесты;
— родительская газета «Лад», детское чтение;
— документы и постановления;
— эксклюзивная информация об искусстве: театре, живописи, кино и музыке.

Присоединяйтесь к нам, и в 1993-м — очень тяжелом и неспокойном году — у вас будет надежный и верный

Наш индекс — 50137.

ЭТИКЕТОЧНАЯ И УПАКОВОЧНАЯ ПРОДУКЦИЯ · ФИРМЕННЫЙ СТИЛЬ

· ЛИПКИЕ АППЛИКАЦИИ ·

· ВИЗИТНЫЕ КАРТОЧКИ · БЛАНКИ

современный дизайн

ТОЛЬКО ВЫСШЕЕ КАЧЕСТВО

лучшие сорта бумаги

ЛИНИЯ ГРАФИК · 351 31 12 · 204 11 90

РЕКЛАМНЫЕ БУКЛЕТЫ · ОБОИ И ФОТООБОИ ·

КВАРТИРА ИЛИ ДЕНЬГИ?

Проводимые фирмой «Атрис» лотереи «МАЛЕКС» — это и то и другое!

Суперприз — 5-комнатная квартира в Москве.

В связи с инфляцией денежные призы постоянно индексируются.

Тем, кто НЕ ВЫИГРАЕТ в наших лотереях квартиру или коттедж, мы ВСЕ РАВНО построим их по МИНИМАЛЬНЫМ ценам!

Наши телефоны: 902-09-02, 489-05-53

Звоните, господа, и Вам обязательно улыбнется удача!

ШУТ СВОЕГО НАРОДА ЕВГЕНИЙ ПЕТРОСЯН

Популярность Петросяна поразительна и не вполне поддается не только анализу, но и комментированию: остается лишь в безмолвии наблюдать, как этот кудесник, подобно герою фантастического рассказа Александра Беляева «Мистер Смех», мановением руки или неуловимым движением заставляет огромный зал покатываться от хохота. Неудивительно, что по силе воздействия на аудиторию выступления Петросяна нередко сравнивают с деятельностью таких профессиональных манипуляторов коллективым сознанием, как, например, Анатолий Кашпировский, с которым, кстати, Петросян знаком и который сам признавал отмеченное сходство. Между тем полумистические результаты работы одного из лидеров «разговорного жанра» в наименьшей степени приходят на ум, когда попадешь в его уютный офис, где компьютер и другая современная техника своеобразно сочетаются с красивой, добротной, но «домашней» мебелью. «Естественно, — говорит Петросян. — Это и есть мой дом. Я живу здесь, для меня нет различия между жизнью и работой». Подвижный, постоянно жестикулирующий, Петросян при этом стремится выражать свои мысли точно. В нашей беседе при всей ее спонтанности было нечто из области точных наук — например, логики. В виде силлогизма я и попытался ее представить.

ПОСЫЛКА 1. ВОСЕМЬДЕСЯТ КАЧЕСТВ ЮМОРИСТА

— Евгений Ваганович, правда ли, что вы решили стать артистом эстрады, увидев по телевидению выступление Аркадия Райкина?

— Не совсем. Когда мне было восемь или девять лет, старшая сестра повела меня на лекцию-концерт о юморе, и там я увидел артиста — не очень известного теперь — Аркадия Розовского, который читал рассказ Виктора Ардова «Укушенный». Меня совершенно поразило это явление: человек один стоит на эстраде, а целый зал — зрителей было довольно много, в основном, как сейчас помню, военнослужащие, офицеры, — целый зал смеется. Один стоит — а многие радуются. Ведь в послевоенное время — вы знаете — радости было мало, и находили ее чаще всего в искусстве: каждая кинокомедия — это было событие в стране, обсуждалась каждая деталька, я до сих пор знаю людей, которые помнят наизусть тексты кинокомедий... И я посмотрел на этого артиста и сказал: «Я вот так хочу». И выучил сразу наизусть то, что он читал, — у меня была фотографическая память, чему сейчас мне остается лишь удивляться. А выучив, прочитал этот рассказ в школе. Товарищи очень смеялись, и я понял, что... можно попробовать.

А потом, в середине 50-х, в Баку, где жила моя семья, появилось телевидение. Поскольку для нас это было чудом, смотрелось все: от таблицы, на фоне которой возникала музыка, до диктора, произносившего «Спокойной ночи». Продолжалась вся программа часа два-три. Показывали ролик, привезенный из Москвы на местную телестанцию — это ж не видеолента, которой еще не было, а киноролики, — и там был или фильм какой-нибудь, или эстрадная программа. И периодически показывали ролик с Райкиным. Чуть позже появился фильм с ним, где он менял маски, — «Мы с вами где-то встречались». Конечно, он стал моим кумиром. Мое поколение юмористов все выросло «под Райкиным». Так что можно сказать, что и Райкин возбудил во мне стремление стать артистом, но я никогда не забуду и того, первого, случая.

— И вы едете в Москву, поступаете в только что открытую мастерскую эстрадного искусства...

— Я так стремился в Москву! Я знал, что только столица мне может дать и образование, и профессию, и место, где я буду выступать на всю страну, — все. Я уехал туда, не дожидаясь даже получения аттестата, — мне потом его прислали. Приехал и

стал всюду поступать. Взяли меня и в эстрадную мастерскую, и в эстрадно-цирковое училище. Я остался в мастерской.

Много общался с артистами старшего поколения. Несколько лет работал в оркестре Утесова, работал с Руслановой, Мироновой и Менакером, Мировым и Новицким, очень много — с Клавдией Ивановной Шульженко... Мне повезло, что они меня приняли и всячески старались ввести в курс нашего дела.

— Со всеми этими знаменитостями вы работали как конферансье. А насколько престижен был тогда на эстраде конферанс?

— Конферансье был тогда в большом почете. Люди шли на концерт и спрашивали: «А кто конферансье?». То есть он был главной фигурой концерта, хозяином вечера, не только объявлял номера и шутил по ходу концерта, но и показывал собственные номера, так что чаще всего сам же и был гвоздем программы. Теперь же эта профессия почти исчезла, потому что почти исчезли сборные концерты. А когда они все же бывают, их, как правило, ведет диктор телевидения, — считается, что конферансье затягивает концерт.

Что касается меня, то на самом деле я всегда хотел быть именно юмористом на эстраде, а не конферансье, а стал им потому, что конферансье нужен был нашей мастерской и, кроме меня, стать им было некому. Однако, посвятив 12 лет конферансу, я очень благодарен судьбе, потому что это — школа юмористического жанра вообще. Я научился контакту со зрителем, импровизации. Сейчас я фактически могу импровизировать как угодно — в определенный момент я почувствовал себя на сцене дома и разговариваю теперь со зрителем так, как сейчас с вами, только более весело. Почему? А потому что старался развить в себе те качества, которыми должен обладать любой артист разговорного жанра. Этих качеств около восьмидесяти, я подсчитал. Четыре первых вообще вне ряда: это — чувство юмора, обаяние, актерские способности и фанатизм. И еще из главных — очень хорошая память. У конферансье в запасе должно быть много острот, шуток, и «выдавать» он их должен в нужный момент, по делу, а не «притягивать». «Что-то скрипит половица! — А! Скрипач сейчас будет выступать!» — пародия на конферансье. Звучание шутки очень связано с контекстом и с характером аудитории. Этому я и учился, будучи конферансье: приходилось часто вести концерт, на ходу узнавая, кто в нем выступает.

— А какова сегодняшняя ваша аудитория?

— По моему мнению, у меня случай если не феноменальный, то... редкий. Моя аудитория — вся страна. На моих концертах вы найдете кого угодно — и по возрасту, и по профессии, от десятилетнего мальчишки до древнего старика, от академика до дворника. Естественно, это те люди, которые любят юмор.

ПОСЫЛКА 2. ДВАДЦАТЬ ФОРМУЛ КОМИЧЕСКОГО

— То, что вы сказали об аудитории, загадка для меня. Вы сами неоднократно называли свой жанр «журналистикой от искусства». По-моему, теперешнее обилие достаточно профессиональной журналистики без всякого искусства (что вполне справедливо) должно если не подорвать ваш жанр, то, по крайней мере, указать ему какое-то иное место, более узкое и частное, что ли. А по-вашему получается, что ничего не изменилось с тех пор, когда самым интересным в вашем жанре для зрителя было обличение «недостатков»... Это ведь, кстати, была своеобразная сфера «разрешенного к критике», верно?

— Да, да. Можно было критиковать: бюрократа; торгового работника, который все спрятал под прилавок, и только лишь поэтому у нас всего не хватает; дурака; дворника, слесаря-сантехника, а самая крупная фигура — начальник жэка, — ограниченный был круг, в том числе и по профессиям. Притом очень хорошим тоном было ругать в газетах эстраду: за пошлость и за мелкотемье (как будто кто-то разрешал брать по-настоящему крупные темы). Мне как-то Шауро, зав. отделом культуры ЦК, сказал: «Я тебя очень люблю. Но ты только не мельчи!» Еще инструкторы ЦК, горкомов, райкомов всегда упрекали нас за то, что мы не ругаем империалистов: где политсатира, мол? В 40—50-е годы такие вещи были и имели успех. Например, артист Илья Семенович Набатов каламбурил примерно так: «Эх, взять бы Чомбе — кирпичом бы!» или «Тра-та-ти-та-ти-та-ти-та, посмотрите вы на Тито, он дошел до Уолл-стрита, дальше некуда идти-то»... Ему аплодировали... Ну а более молодые артисты уже не видели в этом смысла. И справедливости ради надо сказать, что, пользуясь эзоповым языком, мы на втором плане доносили до зрителя мысль... не только о слесарях. Я даже про брежневскую макулатуру завуалированно сказал, и зал аплодировал, понимая...

Но если быть честным по отношению к себе, изначально я был истинно советским человеком. Я мальчик сорок пятого года, понимаете? Я не виноват, что первое слово, которое я сказал, было не «мама», а «Сталин» — родители мне рассказывали. И, приехав в Москву, я веровал в Советскую власть, в то, что моя родина — такая, и никакая иная, мы же путали понятия государственной системы и отечества, понимаете? А вот когда в конце 60-х меня начали ломать, вызывать в горком, в дирекцию Москонцерта, в министерство, вычеркивать куски из репертуара — тогда я понял, что происходит что-то не то. И к концу 70-х, работая над своими первыми сольными программами, я уже был совсем другим человеком.

А что касается гласности, то она действительно многое изменила. 1987 год на эстраде был революционным: именно тогда рухнули все проверочные инстанции, комиссии и мы начали расширять свои темы, раскрывать то, что у нас было на втором плане.

— Я знаю, что в то время, в 1987—1988 годах, особенно в провинции, люди нередко задавали вам два вопроса: «А вам ничего за это не будет?» и «А какие меры принимаются по вашим выступлениям?»

— Да-да, это было. А мы и не знали: будет или не будет? Михаила Задорнова, который, кстати, вышел из моей лаборатории, называли «камикадзе», я говорил, что на свой концлагерь уже заработал и словом больше, словом меньше — уже не имеет значения. Мы с Мишей первыми заговорили с эстрады о президенте... то есть о Генеральном секретаре. О Раисе Максимовне... о Лигачеве... о коммунистах... о проститутках... Благодаря писателю Альберту Левину я первым в нашей стране «вышел на митинг»: исполняя монолог, вынес транспарант «Долой бюрократов!» (в то время митингами еще не пахло).

— Ага, так это вы подали пример?..

— Мы открывали темы! Потом уже наши коллеги дорогие поняли: «можно» — и у каждого в репертуаре это появилось. А тогда... конечно, народ ощущал эту остроту.

Ну а в 1989—1990 годах у тех, кто работал только на остроте, не разрабатывая приемы комического, начались сложности. Ведь у комического есть законы — я вывел двадцать с лишним формул технологии комического. Вот видите этот компьютер? В кресле перед ним часто сидит профессор МГУ, доктор наук Александр Александрович Зенкин. Он заинтересовался моими формулами и три месяца назад заставил компьютер по ним пошутить.

— Пошутить?

— Пошутить. Пока, правда, он у нас в первобытном состоянии мышления, поэтому только играет с буквами, переставляет их — простейший прием. «Горбачев — Гробачев». Я говорю: «А ну-ка — Петросяна». Петросяна сделал смешно, но нейтрально: Петросня.

Что такое эти формулы? Это наши ноты. Больше, чем в музыке, вы посмотрите! С их помощью нужно научиться играть. А мы учимся интуитивно, системы нет, каждый велосипед изобретает. Вот тот, кто не научился играть на этом инструменте, — тот растерялся. То есть новое время потребовало профессионалов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ВОСЕМЬ СИГНАЛОВ ОТ ЗРИТЕЛЯ

— Мне бы хотелось воспользоваться вопросом, который на протяжении нескольких телепередач «Тихий дом» задавал ее героям — деятелям кино — популярный телешоумен Сергей Шолохов. Он говорил: «Вот вы изображаете в своих произведениях зло. Если оно исчезнет, то что же вы будете изображать? Так не заинтересованы ли вы в существовании зла?»

— Вы знаете, я верующий человек. Я сам пришел к богу еще в молодости, ходил в церковь и не скрывал этого. Вот Мише Задорнову как-то раз в интервью задали вопрос: были ли вы членом партии? — и он в ответ рассказал факт моей биографии. Дело в том, что, когда меня убеждали вступить в партию, я говорил: «Вы посоветуйтесь в райкоме — я ведь верующий. Если разрешат — тогда будем разговаривать». И они обычно терялись, и вопрос затухал. Так вот, я считаю, что если юмор служит добру, то он — добро, он служит Богу. Церковь чаще всего так не считала, потому что видела в юморе еретизм и тому подобное. Я несколько раз разговаривал об этом с разными священниками, в том числе в Вашингтоне с епископом Родзянко, интеллигентнейшим человеком, сыном того самого... И он вдруг со мной согласился. Я смог ему доказать, что юмор — абсолютно нравственное явление, что все зависит от личности художника — если она влечется ко злу, то и искусство... Впрочем, все искусство должно служить добру, а если не служит ему, то это не искусство, а... патология какая-то. В больном обществе, как наше, вообще нельзя показывать обнаженное зло, например фильмы ужасов. Одно дело, когда вы в Америке его показываете, — это значит: «Вот как бывает, и оцените, в каком порядке вы живете». Когда очень хорошо, хочется... Помните анекдот? Жена спрятала любовника в шкаф, там было много французских духов, он надышался, и, когда его через сутки открыли, он говорит: «Ох, дай скорее немножечко дерьма понюхать!» Но когда сама жизнь напоминает фильм ужасов, показывать такое — безнравственно. Это ж руководство к действию! Так что я зла не приемлю. Но должен заметить, что идеалистическая надежда на гармоничное общество, где не будет недостатков, — утопия.

...Ради Бога — я буду счастлив, если недостатков не станет! Я найду, над чем посмеяться, стану чистым юмористом, перестану быть сатириком, буду играть клоунаду и радоваться жизни. Не заинтересован я в недостатках — у меня душа болит!

— А вот один из ваших коллег в свое время выразился в том смысле, что уходит с эстрады, ибо ему стало совестно смешить народ, когда кругом «такое»...

— Я знаю, о ком вы говорите. У меня особые отношения с ним, и я не хочу этого комментировать.

— Хорошо, допустим, это мое мнение.

— Я категорически не согласен с вашим мнением. Юмор нужен человеку, особенно в трудные времена. Это как спасательный круг. И отказать человеку в этом круге...

Сейчас, надо сказать, наши авторы растеряны, говорят: мы ругали коммунистов, а пришли демократы, которые во многом не лучше. Но ругать их вроде бы не хочется, а коммунистов тоже неудобно: они лежачие. Так кого ругать? Я считаю, что, поскольку народ почувствовал в некоторых из нас, сатириков, своих защитников, надо уже не искать, кого ругать, а защищать народ от любого, кто несправедлив по отношению к нему.

— Много ли вам приходилось ездить за границу в последнее время?

— Нет, совсем мало. Потому что если мне делать репертуар на них, на их языке и об их проблемах...

— А это возможно?

— Почему нет? Я профессионал. Но это отвлекло бы меня от работы здесь, а ею я занят с утра и до ночи.

— А разве, скажем, в Америке развит «разговорный жанр»?

— Он там очень дифференцирован. Есть немало юмористов, и каждый занимает свою ячейку. Этот шутит только над черными, и даже сами черные приходят слушать его. Этот — только над политикой. Этот — только над евреями, с еврейским юмором, даже отчасти антисемитским, но евреи не обижаются, потому что знают, что он сам еврей. Еще кто-то занимается «грязным» юмором: с матом, сексом и т.п. В конце 70-х — начале 80-х у них появился еще один юморист — наш бывший артист, настоящую фамилию я забыл, а псевдоним — Яков Смирнов. Сейчас он суперзвезда и мультимиллионер. Он шутил над советским человеком, специализировался на советско-американских отношениях, на их антагонизме. В общем, все ячейки там заполнены, откроешь новую — занимай.

— Мне кажется, что, хотя наши сатирики все «специализируются» исключительно на сознании советского «маленького человека», у каждого из них есть свой очень внятный, узнаваемый имидж. Так, например, Жванецкий — постольку, поскольку он не просто автор-исполнитель, но и оригинальный артист, — создает образ этакого неунывающего человека: вокруг все пылает, беды сыпятся, как горох из мешка, а он идет себе и насвистывает, такой... постаревший Хлестаков. Или Ефим Шифрин: наоборот — дезориентированный, какой-то навеки изумленный происходящим, тоже Хлестаков, но как бы в исполнении Михаила Чехова. Можно ли говорить о каком-то подобном имидже в вашем случае?

— Знаете, какое впечатление я произвожу на зрителя — спросите лучше у него. Я стараюсь на сцене быть естественным, быть самим собой. Мне кажется, зритель это чувствует и в ответ дает мне возможность почувствовать его самого. Он ведь посылает мне восемь сигналов: нравится не нравится, смешно не смешно, согласен не согласен, понял не понял. Это те же ноты. И мое подсознание из этих нот складывает мысль. То есть зритель для меня стал режиссером. Какой я? Я... шут своего народа. И — наверное — оптимист. У меня трудно отнять надежду.

P.S. ПРОПУЩЕННАЯ ПОСЫЛКА

Просматривая многочисленные интервью Петросяна за разные годы, наткнулся на такое высказывание: «...Если разобраться, то на нашей эстраде около сорока постоянных тем. Одни уходят, другие приходят им на смену. Но общее число остается неизменным» (1988). Объединив все изобретенные Петросяном количественные характеристики комического, получил умозаключение: «Сорок тем, заключенных в двадцать формул и подкрепленных восемьюдесятью качествами, дают восемь сигналов». Получилось не смешно. С чего бы это?

Михаил СМОЛЯНИЦКИЙ

Сергей Чупринин

Вне конкурса

Попросите кого угодно назвать десять сегодняшних литературных журналов. Ручаюсь, что без труда припомнят «Знамя», «Октябрь», «Новый мир», может быть, «Дружбу народов», «Звезду», «Юность» и «Наш современник». А дальше?.. Дальше либо затруднятся, либо разбегутся по российской топонимике — «Москва», «Нева», «Волга», «Дон», «Урал», «Север», — либо, возможен и такой вариант, начнут перебирать издания, которые мало кто, кажется, держал в руках, но которые, тем не менее, благодаря мельканию в прессе у многих на слуху: «Золотой век», «Литературные записки», «Дар», «Вестник новой литературы», «Соло», «Русское богатство»... «Согласие» — а я кого только ни опрашивал — без подсказки не вспоминают. И это странно — по крайней мере, на первый взгляд.

Журнал есть, и очень даже есть, — номер за номером уже второй год идут с завидной регулярностью; объем солиден, вполне сопоставим с объемом других «толстых» ежемесячников; тираж — 5000 экземпляров — по нынешним временам отнюдь не постыден; содержание разнообразно; авторский круг определился; общий уровень прозы, поэзии, критики часто даже повыше, чем у кое-кого из давних фаворитов публики; редакторы (их трое всего — Вацлав Михальский, Алла Марченко, Светлана Бучнева) издавна слывут и крепкими профессионалами, и людьми в высшей степени достойными.

А вот поди ж ты — в нашей буче, боевой и кипучей, такого хорошего журнала, с таким хорошим, своевременным названием, с такими квалифицированными редакторами будто бы и нет.

В списках ни первой, ни второй журнальной лиги он не состоит, в рупорах как демократов, так и патриотов не значится...

В литературной и политической междуусобице не участвует...

К решению извечного российского спора о том, что делать и кто, следовательно, на сегодняшний день более матери-истории ценен, не привлекается...

Печатает себе прозу, поэзию, критику, очерки, воспоминания, переводные сказки для самых маленьких читателей — и, как видим, почти что ни в чьей памяти не оседает.

Почему?

Да именно потому, я думаю, что не состоит, не участвует и не привлекается, потому что это единственный, кажется, у нас журнал, которому действительно удалось поставить себя вне бучи, над схваткой, оказавшись тем самым за пределами литературной, идеологической и всякой иной злободневности.

Сделаем акцент на словах действительно удалось. Известно же ведь, что встать над схваткой, говоря о себе:

Двух станов не боец, но только гость случайный, —

или выглядывая в фортку с величаво простодушным вопросом к разгоряченной толпе:

...Какое, милые, у нас
Тысячелетье на дворе? —

хотели бы сегодня многие журнальные редакторы. То прочтешь в интервью, что журнальное, мол, призвание — хранить исключительно вневременные ценности, всяко уклоняясь от полемики и публикуя лишь то, что и через поколение будет понятно без комментариев. То увидишь, как под одну журнальную обложку скликаются «и красный вождь, и белый офицер, фанатики непримиримых вер»: скажем, Григорий Померанц и Игорь Шафаревич, Андрей Синявский и Юрий Власов. То заметишь, с какой старательной предусмотрительностью избегает редакция сколько-нибудь внятного формулирования своей гражданской позиции: мы-де и не с демократами, и не с красно-коричневыми, мы, как и заповедано, с пустынником Серапионом...

Как это выглядит?

В подавляющем большинстве случаев плохо, порою отвратительно: либо как позорная оглядчивость, чтобы не сказать сильнее, либо как ничуть не менее позорная неразборчивость в связях: этому дала, этому дала и этому — на всякий пожарный — тоже, пожалуй, дам. И не о благородной журнальной беспартийности приходится уже вести здесь речь, но совсем наоборот: о лукавой журнальной двухпартийности или межпартийности.

К «Согласию» — еще раз повторю для полной ясности — все сказанное не имеет ни малейшего касательства. Его беспартийность естественна, природна, как беспартийность ребенка. Или домохозяйки, или пенсионера. Журнал и со стула на стул поминутно не перескакивает, и между двух стульев не проваливается. А — я бы так продолжил незатейливую метафору — и сам пересаживается, и читателей своих приглашает пересесть с жестких «гражданских» стульев на удобный, мягонький и предрасполагающий к умиротворению домашний диванчик. Там — в комнате отдыха или, если по-старинному, в гостиной — хорошо, особенно когда ставенки затворены и запоры на дверях надежны. Туда чужака — например, любого, кто пометил себя красно-коричневым цветом, — на порог не пустят, подобно тому, как не пускают в при-

личный дом подзаборную шпану. Но там и жаркому спору — допустим, о судьбах России — не дадут развернуться, справедливо опасаясь неуместных в дружеском гостеванье эксцессов, не желая зазря испортить себе настроение, и можно поручиться, что даже самый раскаленный текст (а среди печатаемого «Согласием» не часто, но встречаются иной раз и более-менее раскаленные тексты) будет прочитан внимательно, может быть, даже с карандашиком, но спокойно, с умиротворяюще прохладной отстраненностью.

В лучшем случае меланхолически вздохнут вослед герою чеховской повести: «...Никто не знает настоящей правды...».

Или обопрутся на мнение авторитетнейшего нынче Василия Васильевича Розанова. Помните, наверное? «Что делать?» — спросил нетерпеливый петербургский юноша. — Как что делать: если это лето — чистить ягоды и варить варенье; если зима — пить с этим вареньем чай».

Я люблю листать «Согласие» номер за номером. Ясные, крупные шрифты, широкие поля, толковые рубрики, просторно, без толкотни размещенные тексты. И — главное — никакой полемики. Ни прямой, ни косвенной, опосредованной, что выражается иной раз даже не в словах, а в архитектуре номера, в манере подачи, в самом духе состязательности, который мгновенно передается читателям и который даже дружественные издания превращает в конкурентов, борющихся и за читательское внимание, и за влияние на литературный процесс, и за то, чтобы восторжествовало именно это, а ни какое другое понятие о правде, красоте, справедливости и общественном благе.

«Согласие» никому не конкурент. Этот журнал — вне конкурса, и ясно, что на его страницах нет и не будет места тому, что могло бы взволновать, раздражить или изумить приученную к определенным стандартам публику. Тут скорее откроют рубрику «Творчество наших читателей», чтобы поощрить и закрепить за собою склонных к безвредной графомании подписчиков, чем напечатают что-то вызывающе яркое, эстетически и этически рискованное, выводящее журнал из пределов гостиной в широкое, продуваемое ветрами, заведомо неуютное социальное и литературное пространство.

Такой журнал, безусловно, имеет право на существование. Более того, он необходим, и я даже не исключаю, что в нынешнем подписном марафоне именно «Согласие» потеряет соотносительно меньший процент читателей, чем флагманы литературной журналистики. Очень может быть, что тиражи «Знамени», «Нашего современника» и «Согласия» со временем подравняются, поскольку людей, нуждающихся в передышке, в отдохновении и утешении, а следовательно, и в своего рода «Библиотеке для чтения», становится все больше и больше, тогда как тех, кто жаждет перемен, жаждет новизны, в том числе литературной, и, следовательно, хотел бы быть в курсе того, чем живут «Отечественные записки», «Вестник Европы» или «Русский вестник», становится все меньше и меньше.

И это нормально. Пить чай с вареньем или коротать вечера за необременительным, душегрейным чтением отнюдь не зазорно, так что «Согласие», безусловно, нашло свою экологическую нишу, свою роль в культуре. Одно лишь уточнение, если бы мы — в поисках аналогии — обратились к журнальным ориентирам былых времен. Широкая публика накидывалась на «Библиотеку для чтения», быта своего домашнего не мыслила без «Нивы», а литература, тем не менее, жила в «Вестнике Европы», в «Русском вестнике» или, если угодно, в совсем уж малотиражном, элитарном «Аполлоне».

Потому что именно там искали настоящую правду.

Там — изумляя и раздражая — бился живой нерв времени.

Там звали публику не к отдохновению, а к соучастию, соразмышлению и сотворчеству.

Что же касается фразы: «...Никто не знает настоящей правды...», вынесенной редакторами едва ли не в девиз «Согласия», то не премину с некоторым ехидством напомнить: не Антоном Павловичем она высказана, а его персонажем. Всего только персонажем — и вдобавок, кажется, не самым любимым.

Да и Пастернак, помнится, лишь в молодые годы спрашивал, какое тысячелетье на дворе. Став «артистом в силе», он совсем по-другому определил назначение и литературы, и поэта:

Ты — вечности заложник
У времени в плену.

■

«ЧИВА» —

САМАЯ КРАСИВАЯ СКАЗКА!

Экзотическое оформление вашего офиса, загородного или московского дома. Редкие тропические растения для фитодизайна выставочных залов и ресторанов.

А ТАКЖЕ:
— обрезка и валка тополей с вывозом порубочных остатков;
— реализуем дрова для каминов;
— приглашаем прорабов с опытом работы в озеленении.

Наш выставочный зал находится по адресу: Нагорный бульвар, 3. Тел. 127-47-03 с 9.00 до 16.00 и 123-20-93 (автоответчик).

Международная ассоциация слушателей, преподавателей и выпускников высших социологических курсов (с отделением в Великобритании) предлагает для компьютеров, совместимых с IBM PC

1.Информационно-поисковую систему с базой данных на 15 тысяч новых московских предприятий и организаций. Возможен поиск по виду деятельности, ведомственной принадлежности, названию.
2. Систему диалоговой обработки информации и обучающую программу «Азбука социологии».

Тел. 374-60-81
374-73-68

Адрес: 111442, Москва, ул. Юности, 5/1, корп. А, комн. 35.

Можно вообразить, какой шум вызовет эта публикация. Автора (и редакцию) поспешат обвинить в кощунстве, в надругательстве над памятью гения, в оскорблении мнения подавляющего большинства читателей Булгакова.
Так было в начале года, когда «Столица» опубликовала эссе о.Михаила Ардова «Феномен Зощенко». Мы, впрочем, не изменили тогда своему правилу: давать возможность высказаться тем, чьи взгляды не совпадают с позицией редакции. Готовы напечатать «контрмнение» и на сей раз — если, разумеется, оно не будет голословным и возражения не сведутся к околичностям.
Предваряя остроумное, парадоксальное и проницательное эссе о «Мастере и Маргарите», обратим внимание читателя только на одно обстоятельство: и этот текст, и текст о Зощенко написаны не сегодня, а более десяти лет назад — тогда еще не священнослужителем, но журналистом Ардовым, принадлежащим к семье, знаменитой в литературно-ртистических кругах обеих столиц, человеком, выросшим на «легендарной Ордынке» — как именовала дом Ардовых жившая в нем месяцами и годами А.А.Ахматова.
В течение истекших лет о.Михаил Ардов предлагал свое эссе самым разным изданиям, как отечественным, так и зарубежным. И — с зеркальной точностью — повторялась ситуация тех лет, когда предпринимались попытки издать роман Булгакова: возвращая автору с явным сожалением его текст, издатели вздыхали — представляете, что о нас будут говорить. Правда, теперь очи и длани не воздымались кверху, в адрес Партком Парткомыча, но обращались в стороны, указывая на столь же всемогущую княгиню Марью Алексевну.
Сегодня, когда Булгаков в России напечатан многомиллионным тиражом, когда изданы сотни книг о нем и его заветном романе, когда ежегодно собираются булгаковские научные конференции, мы полагаем себя не только вправе, но обязанными опубликовать этот короткий, жесткий и прямодушный текст, смысл которого — гораздо шире заданной темы: любое кумиротворчество опасно не только для творца и предмета его возвышенной любви, но в целом для нравственной, духовной атмосферы общества...

Прочтение романа

Священник Михаил АРДОВ

Решился я, наконец, написать о самом большом разочаровании, которое постигло меня за всю мою, так сказать, читательскую жизнь.

С отроческих лет я знал, что у обожаемого мною писателя Булгакова есть неопубликованный роман. Его я авансом почитал гениальным.

Я даже точно знал, где лежат экземпляры этого романа — у Никитских ворот, в квартире вдовы Елены Сергеевны, в прошлом одной из известнейших московских прелестниц.

Но вот наступила осень шестьдесят шестого года, и журнал «Москва» опубликовал первую половину слегка поуродованного цензурой «Мастера и Маргариты», которую я, разумеется, пытался принять с восторгом. Мой пыл, правда, сразу же несколько охладил покойный Александр Георгиевич Габричевский. Он сказал, что это — плохо написано. Я по запальчивости спросил:

— А кто же пишет лучше?

А.Г. ответил просто и кратко:

— Гоголь.

Оговорюсь сразу же. Всю ту богохульную часть вещи, где отвратительным образом искажаются евангельские события, я с возмущением и негодованием отвергаю, как нечто оскорбляющее и унижающее божественное достоинство Спасителя. Мастер, опровергая всех четырех Евангелистов, выдвигает собственную версию последних дней земной жизни Господа Иисуса Христа. При том утверждается всерьез и категорически, что данная версия и есть истинная, о чем сообщает сатана (свидетель, известный именно своей правдивостью!):

«— Я лично присутствовал при всем этом. И на балконе был у Понтия Пилата, и в саду, когда он с Каифой разговаривал, и на помосте...»

Да и сам Мастер, выслушав рассказ поэта Бездомного о разговоре с сатаной, — «молитвенно сложил руки и прошептал:

— О, как я угадал! О, как я все угадал!»

Между тем еще полтораста лет назад полуграмотному Белинскому было известно, что главное достоинство романов и вообще художественных произведений состоит не в «угадывании», не в документальном воспроизведении действительности, а в том, что художник создает некий собственный, небывалый мир и, по удачному выражению Ю.Олеши, — «действует в нем реально». Так что и с этой точки злополучный написатель нескольких десятков страниц о «Понтии Пилате» — невелик мастер.

И вот еще что. Претенциозную эту прозу наизусть знает сатана. Ее же с легкостью цитирует и демон по кличке Азазелло. Что же касается Иисуса Христа, то Ему это сочинение, как видно, неизвестно. Правда, к моменту развязки это положение переменилось.

«— Он прочитал сочинение мастера, — заговорил Левий Матвей...»

И сатана повторяет:

«— Ваш роман прочитали...»

Он же:

«— Тот, кого так жаждет видеть выдуманный вами герой (Понтий Пилат)... прочел ваш роман...»

Следственно, то, что совершенно известно сатане, может быть до поры до времени неизвестным Богу... Это, так сказать, богословско-демонологический уровень вещи. Но оставим на совести Михаила Афанасьевича кощунственную «Понтиаду»: «Кто лжец, если не тот, кто отвергает, что Иисус есть Христос?» (1 Иоанн, 2.22).

Обратимся теперь, так сказать, к обрамляющему сюжету. Всему сочинению или, кажется, лишь первой его части предпослан весьма многозначительный эпиграф:

...так кто ж ты, наконец?
— Я — часть той силы,
что вечно хочет
зла и вечно совершает благо.
Гете. Фауст

Посмотрим, какое, собственно, «благо» совершили в весенней Москве тридцатых годов внезапно появившиеся в ней сатана и его свита.

1. Толкнули под трамвай председателя правления МАССОЛИТА М.А.Берлиоза и отрезали ему голову.
2. Свели с ума поэта Бездомного.
3. Выкинули в одних подштанниках из Москвы на ялтинский мол похмельного директора театра Варьете Степу Лиходеева.
4. Засадили в тюрьму, а потом и в сумасшедший дом домуправа Никанора Ивановича Босого.
5. Администратора Варьете Варенуху на двое суток превратили в вампира.
6. Устроили сеанс «черной магии» в Варьете.
7. Оторвали, а потом приладили на место голову конферансье Жоржа Бенгальского, в результате чего он попал в сумасшедший дом и потерял профессию.
8. Разбрасывали «магические червонцы», которые превращались то в иностранную валюту, то в простые бумажки.
9. Раздавали зрительницам заграничную одежду и обувь, после чего эти дамы оказались на улице в одном белье.
10. Публично разоблачили развратника Семплеярова — председателя акустической комиссии московских театров.
11. До смерти запугали и заставили убежать в Ленинград финдиректора Варьете Римского.
12. На несколько часов превратили в «пишущий костюм» заведующего Комиссией зрелищ и увеселений облегченного типа Прохора Петровича.
13. Всех сотрудников филиала этой комиссии заставили непроизвольно петь «Славное море священный Байкал...»
14. Подвели под арест бухгалтера театра Варьете Василия Степановича.
15. Вызвали телеграммой из Киева дядю Берлиоза — Поплавского, ударили его жареной курицей по голове и отправили обратно в Киев.
16. Прогнозировали заболевание и смерть буфетчику Варьете Сокову и расцарапали ему лысину.
17. Довели до нервного расстройства профессора медицины Кузьмина.
18. Украли мертвую голову из гроба Берлиоза.
19. Превратили в ведьму возлюбленную Мастера, дабы она по дороге на сатанинский бал разгромила квартиру критика Латунского в Доме Драмлита.

Репродукция иллюстрации художника А.Новожилова

20. В ведьму же превращена и домработница Маргариты — Наташа, а их сосед в борова.
21. Лишили жизни известного осведомителя барона Майгеля.
22. Лишили этой квартиры безвестного доносчика Могарыча.
23. Устроили пожар в доме на Садовой номер триста два бис.
24. Сожгли Торгсин (магазин, торгующий на твердую валюту).
25. Сожгли дотла «Дом Грибоедова» (т.е. дом Герцена — здание Союза писателей и ресторан при нем).

И все?

Все, все, дорогой читатель...

Это и сам сатана, обращаясь к своим чертям, подтверждает:

«— Распоряжений никаких не будет — вы исполнили все, что могли, и более в ваших услугах я пока не нуждаюсь...»

Разумеется, приключения эти описываются с блеском, с талантом, с юмором, который так пленяет в «Дьяволиаде», в «Театральном романе» и даже в бесчеловечном «Собачьем сердце». Но остается какой-то осадок, и неизбежно возникают вопросы.

Во-первых, такое ли уж «благо» — все эти проделки чертей? А во-вторых, стоило ли ради таких в сущности пустяков, как три пожара, два убийства, несколько арестов и госпитализаций, выводить на сцену самого сатану с целой бандой чертей?

Тут приходится раскрыть некий секрет, составляющий, правда, невеликую тайну. Дело в том, что Михаил Афанасьевич Булгаков терпеть не мог большевиков, их порядков и их советской власти. И не видя — увы! — никаких реальных сил для борьбы с ними (а в «Белой гвардии», например, он давным-давно разочаровался), решился в своем романе напустить на них нечистую силу, для каковой цели и вызвал ее из преисподней во главе с сатаною. Вызвать-то вызвал, но тут же сам насмерть перепугался... И не разудалых воображаемых своих чертей, а именно большевиков, которые за внятное изложение подобного сюжета могли в два счета стереть автора с лица земли вместе со всеми его «несгораемыми» и сгораемыми рукописями. Потому-то орудует эта нечистая сила не в Кремле и не на Лубянке, а в таких безобидных заведениях, как Варьете или «Дом Грибоедова». Вместо того чтобы мстить за раскулачивание и коллективизацию, за переполненные лагеря и тюрьмы, за всемирный террор, вымышленные литературные эти черти удовлетворяют вполне реальные и довольно-таки мелочные обиды Мастера (в определенном смысле самого автора).

Прежде всего убивается председатель Союза писателей. За что? За ложь и лизоблюдство? За верную службу уголовной власти Сталина? Нет. Скорее всего за то, что не был достаточно почтителен к Мастеру и не дал ему дачи в Перелыгине (то бишь Переделкине) и квартиры в доме Драмлита (Лаврушинский переулок, № 17). Последнее же дело чертей, как помним, пожар, сжигающий дотла весь Союз писателей заодно с рестораном.

Лишен жизни осведомитель барон Майгель — этот вполне понятно за что.

Сильнее прочих наказаны театральные администраторы и их непосредственные начальники — за то, что не ставили пьес Мастера.

Разгромлена квартира критика Латунского, который писал на сочинения Мастера доносительские рецензии.

Сожжен Торгсин (тогдашняя «Березка») со всем своим роскошным ассортиментом, недоступным — увы! — Мастеру ввиду отсутствия твердой валюты.

Наказан домуправ — «выжига и плут» — фигура гигантская в масштабах Москвы тридцатых годов, чинивший Мастеру множество житейских неудобств.

Не забыт даже буфетчик Соков, а в его лице и прочие торговые воры, кормившие Мастера несвежей осетриной и брынзой...

И вот это предъявляется потомству как торжество справедливости и добра? То, что все обстоит именно таким образом, подтверждает сцена прощания Мастера с Москвою на Воробьевых горах.

«Его волнение перешло, как ему показалось, в чувство глубокой и кровной обиды... Группа всадников смотрела, как черная длинная фигура на краю обрыва жестикулирует, то поднимает голову, как бы стараясь перебросить взгляд через весь город, заглянуть за его края, то вешает голову, как будто изучая истоптанную чахлую траву под ногами... Мастер... стал жестикулировать еще беспокойнее, поднимая руку к небу, как бы грозя городу...

— Ну что же, — обратился к нему Воланд с высоты своего коня, — все счета оплачены? Прощание совершилось?

— Да, совершилось, — ответил Мастер и, успокоившись, поглядел в лицо Воланду прямо и смело».

Итак, как видим, отмщение и прощание совершилось — но куда же теперь отправятся Мастер и Маргарита, т.е., собственно, уже их души? Про Мастера сказано свыше:

«— Он не заслужил света, он заслужил покой».

Описанию этого самого «покоя», этой вечной загробной жизни, которую уж, конечно, сам Мастер себе пожелал, посвящена одна из последних страниц романа.

И здесь возникает некая ассоциация, которая никак не может прибавить нашему Мастеру ни чести, ни славы.

У М.А.Булгакова есть современник и отчасти литературный антипод — В.П.Катаев. Этот, как известно, никогда оппозиционных поз не принимал, всю жизнь усердно служил властям, был, так сказать, одним из «лучших и талантливейших», разумеется, в свое время получил и дачу в Переделкине, и квартиру в Лаврушинском переулке, вступил в партию, наименовался «Героем Социалистического Труда»... Однако же на старости лет, сидя в своем Перелыгине, стал вдруг завзятым модернистом и вот чуть ли не каждый год стряпает очередную порцию кокетливой мелкорубленой прозы.

В первой же из этих вещей — в «Святом колодце» («Новый мир», 1966, № 5) — Катаев живописует собственное свое существование «после смерти», которое, как зеркальное изображение, повторяет «покой» Мастера. Судите сами.

У Булгакова: «дом, который... дали

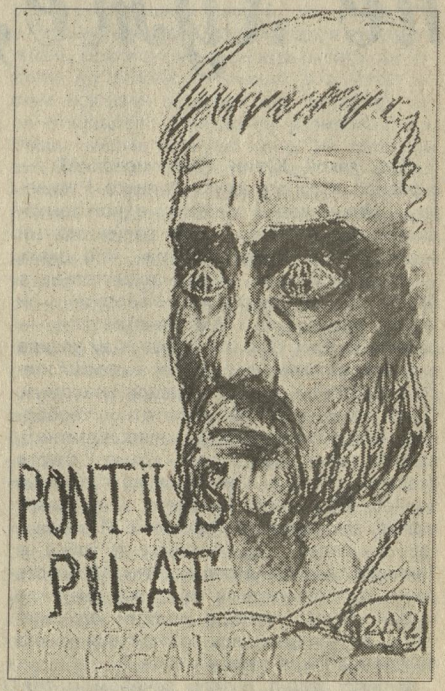


Рисунок на стене булгаковского дома

в награду», «вишни, которые начинают зацветать», «ручей», «каменистый мшистый мостик», «вьющийся виноград, он поднимается к самой крыше», «свечи горят», «венецианское окно», «засаленный и вечный колпак», «старый слуга».

У Катаева: «...пряничный домик в два этажа с высокой черепичной крышей и прелестным садиком, полным цветов», «постоянно цветущий конский каштан», «старый нормандский овин», в камине «тлеет громадное бревно», «потертая удобная куртка», «Дениза», которая несет «пти-дежене».

Словом, выясняется, что и у того, кто всю жизнь прислуживал «революционному режиму», и у того, кто стоял пред ним «воплощенной укоризною», за душою нет ничего, кроме мещанской мечты о буржуазном комфорте.

Михаил Афанасьевич, бедный, бедный, замученный Мастер, ваш роман прочитали...

1981

Лариса МИЛЛЕР

Он прожил жизнь, не хуже, чем пытался...

«Кто такой Юрий Карабчиевский? — спросила я своего друга Феликса Розинера. — Мне недавно попался в одном тамиздатовском сборнике его великолепный очерк «Улица Мандельштама». «Не знаю, — ответил Феликс, — я знаком только с Леней Карабчиевским». «Наверное, он давно уехал, раз ТАМ печатается», — решила я. Шел 76-й год. Я повсюду возила с собой сборник с очерком, который перечитывала по дороге и давала знакомым. Очерк был написан абсолютно свободным человеком, умным, темпераментным, влюбленным. Некоторое время спустя позвонил Феликс. «Знаешь, куда я сегодня иду? К Юре Карабчиевскому. Он, оказывается, двоюродный брат Лени. И знаешь, где он живет? По соседству с тобой, в Теплом Стане! Леня сказал, что у Юры есть роман приблизительно на ту же тему, что и мой. Я обязательно должен его прочесть. Мы сговорились встретиться у него вечером. Оттуда забегу к вам».

Феликс зашел поздно вечером с толстой папкой, в которой лежал роман «Жизнь Александра Зильбера». «Я сказал Юре, что здесь живут мои друзья, что ты пишешь стихи. Предложил ему вас познакомить, но он отказался». Феликс засмеялся: «Знаешь, что он сказал? А вдруг, говорит, стихи плохие. Что я должен буду делать — врать, притворяться?! К тому же, раз мы соседи, придется встречаться... Не знакомь, не надо».

Но спустя какое-то время Юра позвонил сам и попросил разрешения зайти. Мы увидели худого, лысого человека с густой черной бородой и внимательными темными глазами. Поначалу он вел себя сдержанно, но постепенно разговорился и даже развеселился, шутил с моим восьмилетним сыном и с нежностью поглядывал на двухлетнего младшего. Я рассказала ему, как влюбилась в его «Мандельштама», как считала эмигрантом, а обнаружила по соседству. Перед уходом он осторожно упомянул, что слышал, будто у меня вышел сборник стихов. Я подарила ему книжку, которая, к счастью, его не напугала. Мы подружились. На долгие годы.

А годы были глухие, давящие. Юра часто забегал, чтобы обсудить последнюю выходку «нечистой силы», которая не обделяла вниманием обе наши семьи. Мой муж, Борис Альтшулер, много лет занимался правозащитной деятельностью, был дружен с Сахаровым. Юра печатался за рубежом, участвовал в издании «Метрополя». Иногда круг сужался настолько, что, казалось, вот-вот произойдет катастрофа. В эти дни мы виделись особенно часто: то Боря забегал к Юре, то Юра приходил к нам, и мы долго беседовали, отключив телефон.

В ноябре 83-го, в день обыска, раздались знакомые нетерпеливые звонки и на пороге вырос Юра. У него, как положено, проверили паспорт: «Ага, вот и Карабчиевский пожаловал», — произнес с усмешкой один из гэбистов. Юра пошел на кухню, я налила ему чаю и завязался разговор, в котором тревожные полунамеки перемежались шутками и смехом. Он оставался с нами до вечера. Собственно, он и пришел за тем, чтоб остаться, так как знал, что до конца обыска его не выпустят.

Юра был одним из первых, кому я позвонила, когда умер Сахаров. Боря и старший сын, узнав о смерти А.Д., в 11 вечера, немедленно уехали на улицу Чкалова, а я, не находя себе места, позвонила Юре. Он был настолько потрясен, что не мог говорить. Наш странный, почти бессловесный разговор, длившийся почти час, был спасительным для меня той поздней ночью.

Меня греет сознание, что некоторые свои вещи, например повесть «Незабвенный Мишуня», он писал в нашей квартире, когда мы перебирались на дачу. Возвращаясь в сентябре домой, я всегда обнаруживала следы Юриного пребывания: кран на кухне переставал «кричать», выключатель в коридоре работал исправно. «Ты меня зови, если что надо, — часто говорил Юра, — у меня все же техническое образование».

Вся Юрина жизнь — это служение. Служение близким, друзьям и, конечно же, своему (не знаю, как сказать: Юра не любил высоких слов) Делу? Таланту? Призванию? Не понимаю, когда и как он успел столько написать. Ведь он ходил на завод, где работал наладчиком приборов, ездил в командировки. Юра как-то целомудренно относился к писательству. Никогда не говорил всуе о том, над чем работает. Одно время он стал часто приходить к нам за томиками Маяковского. Давая ему очередной том, я спросила: «Ты что, телегу на Маяковского строчишь?» Он засмеялся: «Точно. Как догадалась?» Однажды весной, не помню какого года, он дал мне рукопись «Воскресение Маяковского». Я читала эту вещь в нашем соседнем лесочке. Как села на скамейку, так и не встала, пока не прочла. Книга меня поразила, вызвав самые противоречивые чувства: от восхищения до протеста. Мы много толковали с Юрой об этой книге. Боря, который всегда говорит что думает, сказал, что Юрина жесткость недопустима в отношении к поэту, которого многие любят, что книга многих оттолкнет и обидит. Юра не соглашался, расстраивался и даже сердился. Но через несколько лет, когда книга уже была прочитана в России, признался, что ему больше нравятся те, кто защищает Маяковского, чем те, кто его ругает.

В нем постоянно шла напряженная внутренняя работа. Его нередко «заносило». Иногда он был чересчур категоричен, но никогда — равнодушен, вял, инертен. И — всегда честен. Его реакции были непредсказуемы. Даю ему поразившие меня дневники Лидии Гинзбург — и получаю обратно со словами: «Не понимаю, о чем это все». Беседую с ним о мультфильме Норштейна «Сказка сказок» — и слышу, что там хорош только волчок, который дует на картошку, остальное — литература. Но главное — не то, что Юра умел кусаться (это многие умеют), а то, что он, меняясь, умел отказаться от прежней точки зрения. Так случилось с отношением к Норштейну. После просмотра недоснятой «Шинели» в Доме художника на Крымском валу он подошел к Норштейну и сказал: «Скоро будут говорить, что вся кинематография вышла из вашей «Шинели». Он часто ругал мои стихи, а об автобиографической прозе сказал, что не понимает, как можно писать от первого лица, и вообще писать о себе, не имея на то социального заказа.

Как-то я дала ему рукопись стихов, которую собиралась представить в издательство. Он позвал меня для разговора, оказавшегося столь крутым, что Юра, испугавшись, пошел провожать меня прямо в тапочках, приговаривая: «Не слушай меня. Я урод. Выбрось мои слова на помойку».

Помню, с каким удовольствием читал он нам стихи Битова, опубликованные не то в «Новом мире», не то в «Литгазете». «Какое изящество, как умно!» — повторял он, перечитывая отдельные строки. И это о Битове, который, как я знала от Юры, не принимал его прозы. Одно время Битов

жил в Теплом Стане, и они довольно часто встречались.

На заре перестройки мы с моим другом Аликом Зориным затеяли поэтический клуб в уютном подвальчике на Ленинском проспекте. Я пригласила Юру выступить у нас и устроить там же выставку его младшего сына Димы. Он охотно согласился и предложил еще позвать Сашу Лайко почитать стихи. На вечере Юра был в ударе. Много шутил, смеялся, говорил, что зал (большая комната мест на 80) ломится от родственников и домочадцев. В первом отделении выступал Саша, во втором — Юра, который читал прозу и стихи.

Оставь мне, Господи, мою немую душу.
Когда не вымокну, не выгорю, не струшу —
Авось хоть что-нибудь смогу произнести.
А не получится — Господь меня прости.

Стихи, по-моему, были его болью. Он начинал, как очень многие, со стихов, которые почти перестал писать, занявшись прозой, и вернулся к ним только в 80-е годы. Мне кажется, он бросил стихи не только потому, что переключился на прозу, но и потому, что был глубоко уязвлен реакцией на них тех, от кого зависел выход к читателю.

Стихи почти всегда, за редким исключением, носят более личный характер, чем проза, а значит, и более беззащитны. И, отвергая стихи, тем самым как бы отвергают твою человеческую сущность.

Уже в недавние времена, когда его, наконец-то, стали печатать, он принес подборку в толстый журнал, где отнеслись к ней как-то вяло и ничего не обещали. Юра сгреб свои листочки и в сердцах сказал: «Я дождусь того времени, когда вы будете печатать каждую мою строчку». Когда он пересказал мне этот разговор, я ахнула: как он решился сказать такое! Но, подумав, поняла: это и есть то самое «нищее величье и задерганная честь», какие, по выражению А.А.Тарковского, проявлялись в каждом поступке и в самом «обличье» Мандельштама. Это и есть Карабчиевский, в котором застенчивость и скромность сочетаются с сознанием собственной значимости.

Первой попыткой напечататься дома была публикация в «Метрополе» в 79-м (до этого Юра издавался только за рубежом). Все знают, чем это кончилось. Но в новую эру он возобновил «хождения по мукам», и, к счастью, успешно. По-моему, начало положила «Литературная Армения», напечатавшая его «Тоску», потом в журнале «Театр» вышло «Воскресение Маяковского», одновременно печатались литературоведческие статьи и рецензии в «Новом мире», потом — «Жизнь Александра Зильбера» в «Дружбе народов», стихи в «Огоньке» и «Литгазете», и пошло-поехало...

Как он жил последние годы? «Хорошо-плохо» — как сказал сам в одном из своих интервью. Хорошо — потому что не мог не радоваться возможности говорить и быть услышанным, возможности издаваться в собственной стране. Плохо — потому что новые времена — это не только гласность, но и Сумгаит, который он, тесно связанный с Арменией, пережил как личную трагедию, саперные лопатки в Тбилиси, трагедия в Вильнюсе и в Баку, беженцы, горе, хаос, усталость.

Новые времена — это «Память» с ее кликушами на улицах и грязными газетенками в переходах метро. Я позвала Юру на заседание «Апреля» в тот печально знаменитый день, когда туда явился Осташвили со своей командой. Глядя на веселые лица улюлюкающих мальчиков, мы, кажется, чувствовали одно и то же: прочь отсюда! Прочь из страны, из которой гонят! Но это было настроение момента. Мы и до перестройки обсуждали, не могли не обсуждать отъездную тему. Юра, чувствуя к себе повышенный интерес ГБ, боялся за семью, но отъезд казался нежеланным, да и неосуществимым мероприятием. «Слава Богу, Аркан (Юрин старший сын) не настаивает на отъезде. Света и Димка вообще не хотят», — говорил Юра. Так было в конце 70-х — начале 80-х. После 86-го ситуация изменилась. Старший сын уехал в Израиль, младший метался. Но главное — жена. «Знаешь, Светка собралась в Израиль», — сказал однажды Юра. «Ты думаешь, это серьезно?» — спросила я. «Абсолютно», — ответил он.

Уезжая, она, конечно же, надеялась, что Юра приедет следом. Он и поехал.

Он часто повторял, что, если бы мог уехать, то — только туда. «Израиль — это судьба, — говорил он. — Понимаешь, жить надо там, где, когда умрешь, останется луночка, выемка, какая бывает, когда вырвут зуб. Мне кажется, что такое может произойти только в России и в Израиле».

Да, Юра полюбил эту страну, говорил о ней с нежностью, радовался, что старший сын чувствует себя в Израиле дома, но, пожив там, еще острее ощутил, что не может без России. Помню, как, встретившись после его возвращения, мы шли к остановке автобуса мимо очереди за спиртным. «Не могу я без этого, — с горечью сказал Юра, — без этих алкашей, бестолковости этой...»

«Господи, какие здесь замечательные люди, — говорил он при еще одной нашей случайной встрече, у метро «Коньково», — я-то думал, все раздражены, озлоблены. Оказалось, ничего подобного. Забыл на почте сумку с документами, деньгами, чужими письмами, прибегаю — а там все счастливы, что я нашелся! Не знали, где меня искать». Но в разговоре со Светой я услышала совсем другое: «Какая тоска! Там, не имея ни угла своего, ни денег, я чувствовала себя дома и в безопасности, а здесь — все то же, что было, только еще хуже».

Слушая Свету, я вспоминала белый город Иерусалим, его дивную архитектуру, чистые улицы, ухоженные подъезды с любовно развешенными на этажах картинами и кашпо, веселую, красивую и доброжелательную молодежь, открытые кафе, в которых беседуют и смеются нарядные и спокойные люди. Конечно же, Юра прекрасно понимал, почему, едва вернувшись, Света снова стала рваться отсюда. Как бы он хотел МОЧЬ там жить — но он не мог. «Я понимаю, я снова нарушил, я опять не соблюл, — писал он, вернувшись. — Простите меня, но все дело в том, что жить я могу в одном-единственном месте. Может, и там не смогу, но больше уж точно нигде».

Выступая на одном из вечеров, он говорил, что в идеале эмиграция должна стать таким же обычным делом, как переход на другую сторону улицы. Он и попытался так жить: уезжал, возвращался, снова уезжал... возвращался. Но жизнь на две страны не получилась: дикие цены на билеты, отсутствие жилья и заработка в Израиле, а главное, эти вечные проводы, эти одинокие возвращения в пустую московскую квартиру... Увидев его измученное лицо, его страдающие глаза, когда он приехал в Москву в мае 91-го, я испугалась: «Что-нибудь случилось?» «Да нет, все то же, — сказал он мрачно, — тяжело прощаться». А через месяц Юра улетел туда же и уже надолго — почти на год! Света тяжело заболела. Нынешней весной они вернулись в Россию вместе. Юра попытался наладить жизнь, войти в колею, начать писать. За неделю до гибели он сказал, что «Московские новости» заказали ему материал, но он отказался — не хочет размениваться. Решил писать большую вещь. Но легко ли входить в колею после такого перерыва? Можно ли работать, когда рядом мается близкий человек, и ты невольно виноват, что ему плохо. Воистину, Господь не злонамерен, но изощрен. Именно Юра, для которого отъезд смерти подобен, именно он, который и в самых дерзких снах своих не мог увидеть того, что наконец случилось, то есть, что он читаем и любим в России, именно он, безоглядно преданный семье и готовый на все ради ее блага, — именно он в течение нескольких лет был терзаем неразрешимой проблемой: уехать, заживо себя похоронив, или стать причиной мучений близкого человека. «Господи, — говорят люди, узнавшие о трагедии, — совершить такое в самом расцвете таланта и славы...» Да, это так. Но еще до отъезда в Израиль, в ответ на мои поздравления в связи с выходом «Зильбера», Юра сказал: «Ну и что? Никому сегодня не нужна литература. «Маяковский» нужен — потому что скандален. Остальное — не прочтут». Возможно, это одно из обычных Юриных максималистских утверждений, но оно отражает его самочувствие последних лет.

К великому сожалению, мы редко виделись в последний год. Сперва уезжал он, потом мы. Я знала, что, вернувшись, он засел за работу, боялась лишний раз звонить, хотя мне так хотелось дать ему журнал «Согласие» с небольшой повестью Юрия Малецкого, где очень точно описано то, о чем мы столько говорили: неприкаянность российского человека вне России. Впрочем, Юре эта вещь могла и не понравиться — с ним ведь никогда не угадаешь.

Пишу и сама не знаю, при чем тут Малецкий и его повесть. А при том, наверное, что хочется удержать время, когда так просто было снять трубку и услышать знакомое: «А, привет», так естественно было, открыв на три звонка, увидеть на пороге Юру.

«Кофе будешь?» — «Да нет, я на минуту...»

■

ПОСЛЕДНИЕ ТЕКСТЫ

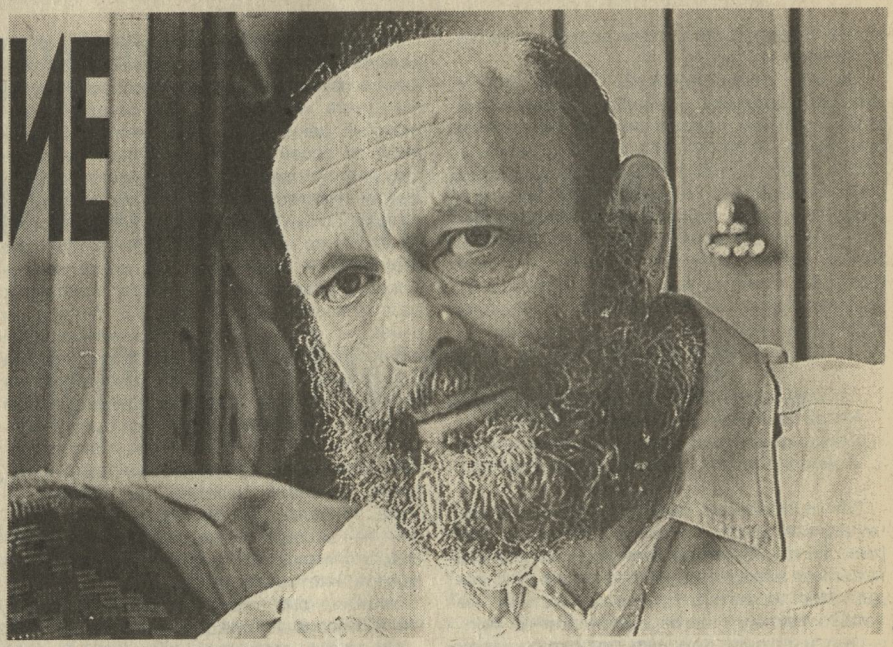


Фото А. Карзанова

Сегодня ему должно было исполниться 54 года. Не исполнилось...

Почти весь последний год своей жизни Юрий Карабчиевский провел в Израиле. Он вернулся в Россию ровно за четыре месяца до своей страшной гибели. Жизнь «в ауте», бремя долгов вынуждали его заниматься поденным журналистским трудом, но делал он это по-писательски, как всегда талантливо, потому что не знал, не употреблял и не посмел бы писать неточные, приблизительные слова.

Дважды в месяц его вызывали с радиостанции «Свобода», и он своим неподражаемым голосом, своей непередаваемой интонацией надиктовывал в телефонную трубку очередной текст.

Вот — три его репортажа, из последних.

Первые два написаны в марте—апреле этого года, один в Израиле, другой в России. Третий по косвенным признакам можно датировать 29-м июля, и дата эта никаких сомнений не вызывает. 30 июля ему в очередной раз должны были позвонить со «Свободы», а он никого никогда не умел подводить, и текст был готов.

Но передать его Юра уже не сумел. За час до звонка из Мюнхена врач «Скорой помощи» констатировал смерть, наступившую по его собственной последней воле.

Валерий ТУРОВСКИЙ

Юрий КАРАБЧИЕВСКИЙ

СВОЕ МЕСТО

Уезжаю. Покидаю Израиль, возвращаюсь в Россию. Я приехал сюда прошлым летом с трехмесячной визой, три месяца и собирался жить, а вышло не три, а три раза по три, дважды пришлось обращаться к властям за продлением. Девять месяцев, а если не считать короткого возврата в Москву, то и целый год.

Уезжаю. Можно было бы сказать: «Наконец-то!» — я ведь с первого дня рвался обратно, можно было бы облегченно вздохнуть, широко улыбнуться... Но что-то я не чувствую облегчения и особой радости не испытываю. Потому что, во-первых, не знаю, в какую страну возвращаюсь. Во-вторых, потому что знаю хорошо, из какой страны уезжаю.

В самом центре Иерусалима — закрытый дворик, дверь открывается прямо в комнату, то есть в квартиру, которая и есть эта комната с отгородкой под что-то вроде кухоньки и еще — под нечто вроде сортира. Здесь мы живем вдвоем с женой и еще — с чудесным ласковым песиком Федькой, которого мой сын подобрал за рынком, в забегаловке под названием «У Нисима», куда ходят регулярно все русские литераторы. Я выключаю керосиновую печку — в Иерусалиме весна, днем можно уже не топить, экономить, — пристегиваю Федьке поводок к ошейнику и выхожу во двор, где растет чеснок, сам по себе, никто не сажал, и большими белыми цветами цветет миндаль, и слева, за оградой строительного склада, громко переговариваются арабские грузчики, забрасывая длинные прутья арматуры на высокую платформу грузовика.

На автобусной остановке обнимаются сефардские* парни с девушками, русские, едущие в Рамот и Гило, обмениваются олимовскими** новостями, и ортодоксы*** в черных шляпах с длиннющими пейсами сосредоточенно вчитываются в свои карманные тексты.

Светская молодежь на песика моего оживленно реагирует: «Келев катан, келев катан» — «маленькая собачка»...

Ортодоксы испуганно шарахаются в сторону, им нельзя, как оказалось, приближаться к собакам. Однажды я вот так гулял с моим Федькой здесь рядом, в религиозном районе. Молодой ортодокс копался в моторе машины, черная шляпа, витые шнурки «цицит», символизирующие талмудичес-

Названия репортажей даны публикаторами. — *Ред.*

* Потомки выходцев с Пиренейского полуострова. — *Ред.*

** Олим — новые репатрианты. — *Ред.*

*** Ортодоксы — неукоснительные в обрядах и молитвах верующие иудеи. — *Ред.*

кие заповеди, болтаются по бокам вдоль черных брючин... Я прошел мимо, он поднял голову, кивнул мне и сказал без акцента: «В Москве на Профсоюзной вы, помнится, тоже гуляли с собакой. Это не та же?» «Нет, — ответил я, почти не удивившись, — та уже умерла, пока я был здесь». Оказалось, он жил в соседнем доме еще два года назад...

Здесь, в Израиле, постепенно привыкаешь ко всему, потому что все на самом деле возможно. Я гуляю с Федькой по узким улочкам за рынком, вблизи тех мест, где его нашли. Маленькая восточная синагога с цветистыми витражами, мини-маркет с выставленными на улицу ящиками молочных продуктов, детский сад, бомбоубежище, квартира вроде нашей, дверь на улицу, там красивая девушка — а девушки здесь, вы уже знаете, все красивые, — красивая девушка делает влажную уборку и звучит «Стабат Матер» Перголези на полную мощность — это радиостанция «Вся музыка», круглосуточно передающая классику.

Подхожу к газетному киоску, царству кириллицы. Иврит занимает не больше трети огромного стола, все остальное — русский. «Время» с приложением, «Наша страна» с двумя приложениями, а вот «Коммерсантъ», и «Московские новости», и «Комсомольская правда». Продавец заполняет газетами полиэтиленовый мешок, дает сдачу, благодарит, и мы с Федей двигаем дальше. Как я тебя оставлю, Федя? А ведь оставлю...

Как я оставлю эти улочки, и желтоватый камень, и парней, и девушек, и удивительных стариков, и собакобоязненных ортодоксов, и любезных чиновников во всяких конторах — я не иронизирую, мне лично почти ни разу не приходилось нарываться на равнодушие и тем более грубость... И это ведь уже не туристский кайф, совсем не туристскую жизнь я здесь прожил, и после первых наивных восторгов, пройдя через много разочарований, почувствовал вдруг, что это — мое, что я здесь дома. Какое-то обволакивающее тепло, околдовывающий уют, размагничивающее удобство. И уже мне стало страшновато уезжать — нет, не трудностей страшно и не опасностей, страшно этой явной домашности и той предположительной чужести. Мало кому, скажем прямо, я здесь оказался нужен. Но еще вопрос, многим ли нужен там?

Нет, не подумайте, что я сомневаюсь. Место свое, по крайней мере сегодня, я знаю твердо. Но вот я прохожу с моим ласковым песиком мимо двух коротко стриженных мальчиков, один — светлый, другой — эфиоп, в солдатской форме, оба, как нарочно, с автоматами «галиль», и думаю: «Господи, как бы мне так уехать, чтобы одновременно остаться с вами, с вашим теплом и вашим напрягом, и с вашей опасностью, с вашей смелостью и с вашей любовью к этой стране?»

А они болтают, на меня не обращая внимания, но замечают Федьку и говорят друг другу, улыбаясь: «Келев катан». Это для меня означает не просто «маленькая собачка», а: «Езжай себе с Богом в свою Россию, но помни, что где бы ты ни был, любовь к Израилю будет с тобой везде неотступно».

И ортодокс, шевелящий губами, отрывается от своей карманной книжечки и шепотом говорит: «Аминь!»

[конец марта 1992 г., Иерусалим]

О СЧАСТЬЕ

Я вернулся! Не знаю, что будет дальше, но сегодня я счастлив. Счастлив так, как бывал, наверное, только в юности. Знакомый серый, лежалый мартовский, а вот уже и апрельский снег, родная грязь московской окраины, серый пейзаж из окна с детским садом и куцыми голыми тополями, стократ нарисованными моим младшим сыном; изображения этого детского сада висят на стенах разных домов и в витринах галерей по всему миру. И люди на улицах, в метро, в магазинах, не вполне мне сегодня понятные после года отсутствия и все же понятные в тысячу раз больше, чем любые представители населения любой другой страны мира, в том числе и любимого мною Израиля.

Один мой знакомый художник, хороший человек, добрый и искренний, приехав в гости в Израиль, сказал: «Какие здесь яркие лица у людей на улице!» Я согласился: да, интересные и яркие. «А там, — сказал он, — войдешь в метро — и глаза б не глядели».

И я сказал ему: а вот это вранье и поклеп. «Вы давно там не были, — сказал он мне, — вы просто не знаете». «А мне и не надо, — сказал я ему, — я там прожил жизнь».

Я приехал и с радостью убедился, что, конечно, прав был я, а не он. Усталые лица, грустные лица, но зато в каждом лице — судьба, которую я читаю почти без ошибок. «Люди стали хуже!» — говорил мне мой знакомый художник, а вот мне показалось — наоборот! Да, наверное, увеличилось число подонков, появились новые, проявились скрытые, и, наверное, стало опаснее жить, но нормальные люди — не преступники, не подонки — стали, мне кажется, лучше: свободнее, шире и мягче...

Первым делом, на следующий день по приезде, я, конечно, помчался в сберкассу, или, как это теперь называется, «сбербанк». (Посмотрел бы я на израильтянина, отчаявшегося произнести мою бесконечную фамилию, посмотрел бы я, как бы он произнес это свифтовское, не русское и не английское слово «сбербанк».)

Там была, в сбербанке, очередь, ожидавшая денег. А денег не было. Их вчера все до копейки раздали, а сегодня еще не завезли из центрального банка. Ну что ж, очередь так очередь, дома как дома. Но удивительно было другое. То, что служащие банка, кассирши, контролерши, без различия возраста, молодые, пожилые, средние, — отвечали на все вопросы спокойно и вежливо, терпеливо объясняли пенсионерам, куда им пойти и что сказать, повторяли по нескольку раз одно и то же и улыбались — честное слово, не вру, — улыбались своим растерянным, усталым клиентам, как будто сидели они не в бетонной коробке на грязной и серой Профсоюзной улице, а в роскошном здании Биньян-Клаль, на улице Яффо в Иерусалиме.

И в очереди люди не ругались друг с другом, а устало и тихо переговаривались. Ага, вы скажете (вас поддержит мой приятель-художник), ага, вот это и есть их главное постоянное качество: терпеливость, покорность, рабья кровь...

Не спешите, ребята. Видел я представителей **самого свободного в мире** общества, как они вели себя перед лицом дефицита. Было это в городе Питтсбурге, штат Пенсильвания. Дефицитом оказались места в автобусе, на котором мы ехали с сыном ночью из города Колумбуса в город Нью-Йорк. Я видел, как локтями и кулаками расталкивали своих не менее агрессивных соседей пожилые леди и молодые джентльмены, еще за несколько минут до того исполненные бесконечного доброжелательства и готовые просить прощения у всякого, кому заслонили свет или не уступили дорогу.

Культура очереди — тоже культура, сколько бы мы по этому поводу ни острили, ни плакали, ни издевались. А если вы мне напомните про коррупцию, то я вам расскажу про нью-йоркский автовокзал, где служитель, высокий красивый негр, отказался грузить в багажник автобуса холсты и подрамники моего сына: «Огнеопасно, запрещено!» — и пять долларов брать не хотел, такой честный и принципиальный, а десять взял, но сказал, что надо добавить еще пятерку.

Нет, я не хочу сказать, что в России жить — все равно как в Америке. Я только уверен, что люди здесь — ничуть

не хуже, чем где бы то ни было, не глупей, не черствей и даже не злей.

Я все-таки получил свои деньги в сбербанке, и ходил по родному универсаму, и у всех спрашивал, как что покупать, куда стоять, где выбивать. Нет, меня не поразили цены, они фантастические, но я о них знал, я ведь не из бразильских джунглей приехал, а из страны, где почти в каждой квартире можно смотреть обе российские программы. Меня поразили люди. Я все удивлялся их контактности, их неярким улыбкам. Мужик со слуховым аппаратом, в каких-то фетровых чунях и грубом пальто попросил пропустить его в кассу без очереди: «Вот, мне только сорок пять копеек, за четвертушку хлеба». Его пропустили.

Я предложил ему два рубля, пусть купит буханку. «Нет, — сказал он, — ты что, мне не надо, деньги-то у меня есть, мне — четвертушку, чтоб не черствел...» На почте моя хромая соседка, старуха с клюкой, отошла от окна, сокрушенно тряся головой: ей не дали пенсию, велели прийти денька через три. Посторонняя женщина подошла к ней и стала совать десятку: «Возьми, бабушка, хоть хлеба себе купишь». Та гордо отказалась: «Не надо, не надо, не возьму, на сегодня у меня еще есть, а на завтра вот рупь, куплю себе хлеба».

Она, конечно, врала, юродствовала, у нее наверняка есть побольше рубля, но та, вторая, все стояла, настаивала, все никак не хотела отойти, не отдав десятки...

Я знаю, знаю, я все знаю. Я ведь как бы эмигрировал в свою страну, я вживаюсь заново, привыкаю и испытываю очередной туристский кайф и вижу только то, что лежит на поверхности. Я еще столкнусь с подлецами, жлобами и, дай-то Бог, чтоб не с чем-нибудь худшим. Но не надо мне говорить, что первое впечатление — ложное. Оно тоже бывает по-своему верным. Это бедная, несчастная, измученная страна, здесь живут разные люди, в том числе и хорошие, и я здесь живу, и дай нам всем Бог удачи!

[начало апреля 1992 г., Москва]

ОЖИДАНЬЕ ЗВОНКА

«У меня зазвонил телефон. Кто говорит? — Слон... И такая дребедень целый день. То тюлень позвонит, то олень».

Еще недавно, еще два-три года назад телефон в моей московской квартире воспринимался мною как сущее бедствие. И без него нельзя, и с ним невозможно. Звонит с утра до поздней ночи, и выключить боязно, вдруг что-нибудь важное, и подходить каждый раз опасно — вдруг увязнешь на сорок минут. Домой к самому себе из города не прозвониться, домашние разговаривают с друзьями и родственниками, ну просто беда. Есть разные способы использовать телефон, есть люди, для которых он — средство сообщения, а есть такие, для которых он — способ существования, любители слушать не столько других, сколько себя, со всеми обстоятельствами образа действия, придаточными предложениями, размышлениями, паузами, вариантами терминов и определений. Я лично длинные телефонные беседы ненавижу в принципе, но ведь не будешь каждый раз обрывать, ссылаясь на недостаток времени. Обидятся.

Рабочий день за столом разменивался на десятки звонков, и порой жизнь без телефона представлялась недостижимым благом. Угрозы Министерства связи поставить счетчики пугали, конечно, увеличением платы, но и радовали: быть может, неторопливые болтуны пожалеют денег, поневоле изменят и ритм, и темп.

Я смог проверить эту гипотезу в Израиле, где прожил, с небольшим перерывом, год. Она не подтвердилась. Счетчики, давно уже в этой стране подключенные к каждому номеру, никого из **наших,** как оказалось, не изменили и не запугали. Все просто приняли к сведению, что телефон — одна из самых крупных статей бюджета. И примирились так же, как и со многими трудностями. Что ж, значит, такова оказалась здешняя жизнь. И опять звонили, звонили, по целым дням, а уж вечером, после девяти, по льготным тарифам — начинались просто телефонные оргии.

После девяти часов вечера вся страна, крохотная, но и по-своему бескрайняя, из конца в конец перезванивается по-русски. У каждого **нашего** в каждом городе — друзья или родственники, и каждый день каждому **нашему** надо принимать какие-то решения и, значит, советоваться, и кроме того, каждый день у каждого **нашего** возникают в голове какие-то идеи, которыми надо делиться немедленно...

В общем, понятно. А деньги... что ж, конечно, их мало, их, скажем точнее, **попросту** нет, но не в деньгах же счастье...

И вот снова Москва, та же квартира, тот же старый красный польский аппарат с крутящимся диском, все вроде бы то же — и все абсолютно другое. Будто сама техника в новое время изменила характер своей работы — и темп, и ритм, и длительность пауз, и время действия.

Ка́к сегодня работает мой телефон? Он сегодня — молчит. Три—пять звонков в день — это много, бывает два, бывает — ни одного. Разговоры короткие, простые, скупые. Никаких оттенков, почти никаких обсуждений — о чем говорить, все и так ясно, то есть ясно, что ничего не ясно, но и обсуждать, в сущности, нечего, а главное — нет никакого желания. Не звонит телефон, молчит, не мешает работать, но работать от этого почему-то не стало легче. Густая, плотная пустота окружает мой дом со всех сторон. «Понятно, — говорю я себе, — все уехали». И тут же спохватываюсь, да какие же — все? Ну да, многие уехали, это верно, и из пяти звонков один, как правило, — международный, из Нью-Йорка, Мюнхена, Иерусалима, Монреаля, Берлина... Но все-таки и осталось ведь тоже достаточно, и вроде бы даже больше, чем уехало. Но молчит телефон, не подтверждает статистики, будто и в самом деле — уехали все.

И сидишь в этом гробовом молчании, уже с нетерпением ждешь любого звонка, и мысленно благодаришь любого приятеля, вспомнившего о тебе в это пустое и мертвое время, и разочарованно кладешь трубку, когда кто-нибудь ошибается номером. В прессе по-прежнему пишут о счетчиках, пугают ими, ужасаются им, а начальство их все никак не вводит, то́ что-то технически не согласовывается, то́ нет необходимых специалистов. А уже, между тем, и не страшно, пускай подключают, все равно вроде и звонить некому, и даже, может, это будет выгодней, жесткая поразговорная плата, чем каждый раз повышение ежемесячной...

И уже в этом мертвом, пустом пространстве, в котором мы неожиданно все оказались, вспоминаешь все чаще не веселые присказки Корнея Чуковского, а мрачные, начала века стихи Мандельштама: «На этом диком страшном свете //Ты, друг полночных похорон,// В высоком строгом кабинете// Самоубийцы — телефон!».

Нет, конечно же, это всего лишь метафора, на самом деле все не так страшно. И можно вполне утешиться шуткой-репризой из израильского еженедельника «Бесэдер»: «До нас дошли достоверные слухи, что теперь уже плохо даже там, где нас нет».

[29 июля 1992г., Москва]

Публикация Светланы КАРАБЧИЕВСКОЙ

Аркадий ИППОЛИТОВ

РОЖДЕСТВО ИОАННА КРЕСТИТЕЛЯ

(Новый Завет)

Неизвестный мастер конца XIV — начала XV века
Рождество Иоанна Крестителя

Одним из ближайших родственников Иисуса Христа был Иоанн Креститель. Благодаря Евангелию от Луки можно даже установить их возрастные отношения: когда Ангел провозгласил Благую Весть Марии, он заметил на ее лице некоторое удивление; «Мария же сказала Ангелу: как будет это, когда Я мужа не знаю?» (Лук., 1, 34). Ангел ответил: «Вот, и Елизавета, родственница Твоя, называемая неплодною, и она зачала сына в старости своей, и ей уже шестой месяц». Так из священного писания мы узнаем, что Иоанн Креститель был на шесть месяцев старше Иисуса Христа.

История рождения Иоанна напоминает многие ветхозаветные события. Бездетному престарелому Захарии в храме явился Ангел Гавриил. Захария засомневался, и Ангел в наказание лишил его дара речи до рождения ребенка. Эта сцена похожа на Благую Весть Саре, жене Авраама, у которой давно кончилось «все женское». Сара «внутренно рассмеялась», услышав Ангела. Так же Ангел явился престарелым родителям Самсона, Маною и его жене, и возвестил им рождение защитника народа Израиля. Самым близким по времени к благовещению Захарии было явление Ангела родителям Марии, сообщившего о рождении Пресвятой Девы.

Все эти сюжеты очень часто путаются из-за своей внешней схожести, хотя в них есть различия. Саре сообщил Весть один из трех ангелов, принятых Авраамом в дубраве Мамре; Маною и его жене Ангел явился дома; родители Марии узрели Ангела по отдельности: св. Анна в своей комнате, а Иоаким — во время скитания среди пастухов. Видение Захарии произошло в храме, когда множество народа молилось вокруг. Захария увидел Ангела справа от жертвенника, «и страх напал на него». Ангел довольно долго беседовал с Захарией, так что «народ ожидал Захарию и дивился, что он медлит во храме».

Видение Захарии изображено на фреске флорентийского художника начала XVI века Андреа дель Сарто. Погруженный в задумчивость, Захария внимает словам Ангела. В то время как насупленные прихожане удивленно созерцают его оцепенение. Подразумевается, что Ангела видят только Захария и зритель фрески. Благодаря художнику мы с вами становимся участниками чуда, нам, как и Захарии, дана возможность созерцать Ангела Господня. Андреа дель Сарто вводит в изображение момент иррационального, что отличает его от флорентийской традиции XV века, необычайно земной и здоровой. «Видение Захарии» Андреа дель Сарто, с одной стороны, близко готической живописи, а с другой стороны, предвосхищает барочные откровения.

Примером здоровой и простой живописи является «Рождество Иоанна Крестителя» неизвестного мастера конца XIV — начала XV века. Художник совмещает два события: рождение Иоанна и сцену, когда «в восьмый день пришли обрезать младенца, и хотели назвать его, по имени отца его, Захариею.

На это мать его сказала: нет; а назвать его Иоанном.

И сказали ей: никого нет в родстве твоем, кто назывался бы сим именем.

И спрашивали знаками у отца его, как бы он хотел назвать его.

Андреа дель Сарто
Благовещение Захарии

Бонасоне
Рождество Иоанна Крестителя

Он потребовал дощечку и написал: Иоанн имя ему. И все удивились».

Со свойственным средневековью пренебрежением к реальному времени художник в одном интерьере изображает и рождение Иоанна, и происшедшее спустя восемь дней обрезание. Впрочем, несмотря на условности времени и пространства, сцена рождения святого Иоанна похожа на реальное событие в богатом патрицианском доме и напоминает знаменитое «Рождество Богоматери» Доменико Гирландайо — фреску, ставшую символом флорентийской здоровой буржуазности.

В эпоху маньеризма исчезает разница между библейскими и языческими сюжетами. Сюжет гравюры Бонасоне читается не сразу, и только после пристального разглядывания можно догадаться, что фигура нахмуренного жреца в длинной тоге — это изображение благочестивого Захарии.

Не без влияния маньеризма написана картина Якопо Тинторетто «Рождество Иоанна Крестителя». Суетящиеся вокруг младенца юные служанки похожи на восточных рабынь вокруг новорожденного принца. Множество красивых женщин, ярких тканей, разноцветных мраморов рождает ощущение венецианской переизбыточности, столь отличной от флорентийской сдержанности. В правом углу картины с прижатой к сердцу рукой застыл Захария, пораженный справедливостью слов Ангела. Захария одет в странный восточный костюм, что придает сцене еще больше экзотики.

В картине Тинторетто есть одна странная деталь, отличающая ее от других изображений Рождества св. Иоанна. Следуя легенде, появившейся уже после написания Евангелия, художник вводит в сцену Деву Марию. У Тинторетто Богородица держит на руках младенца Иоанна. В Евангелии сказано, что после встречи с Елизаветой Мария пробыла у нее еще три месяца, а потом возвратилась домой. Елизавета родила после ухода Марии, как это и изображено в канонических вариантах. Тинторетто выбирает для своего «Рождества Крестителя» более редкий источник, очень близкий к средневековым мистериям.

Странное смешение отвлеченной мистики и любви к физическому полнокровию чувствуется в римском барокко. В картине художника XVII века Бачиччо (Гаулли) на Захарию низвергается целый водопад прелестных пухлых детей — символ Откровения Святого Духа. Их видит только Захария. Толстощекая кормилица, не понимая экстаза отца, с улыбкой демонстрирует обаятельного голого младенца, предлагая полюбоваться здоровым отпрыском. Рядом ванночка для первого обмывания ребенка превращается в купель, из которой выглядывает Agnus Dei — олицетворение мученического искупления, что ждет святого Иоанна. Рядом с купелью лежит атрибут Иоанна Крестителя — крест с лентой, на которой написано: Ecce Agnus Dei. В барочной живописи совмещаются два смысла: реальная радость рождения и отвлеченные теологические истины.

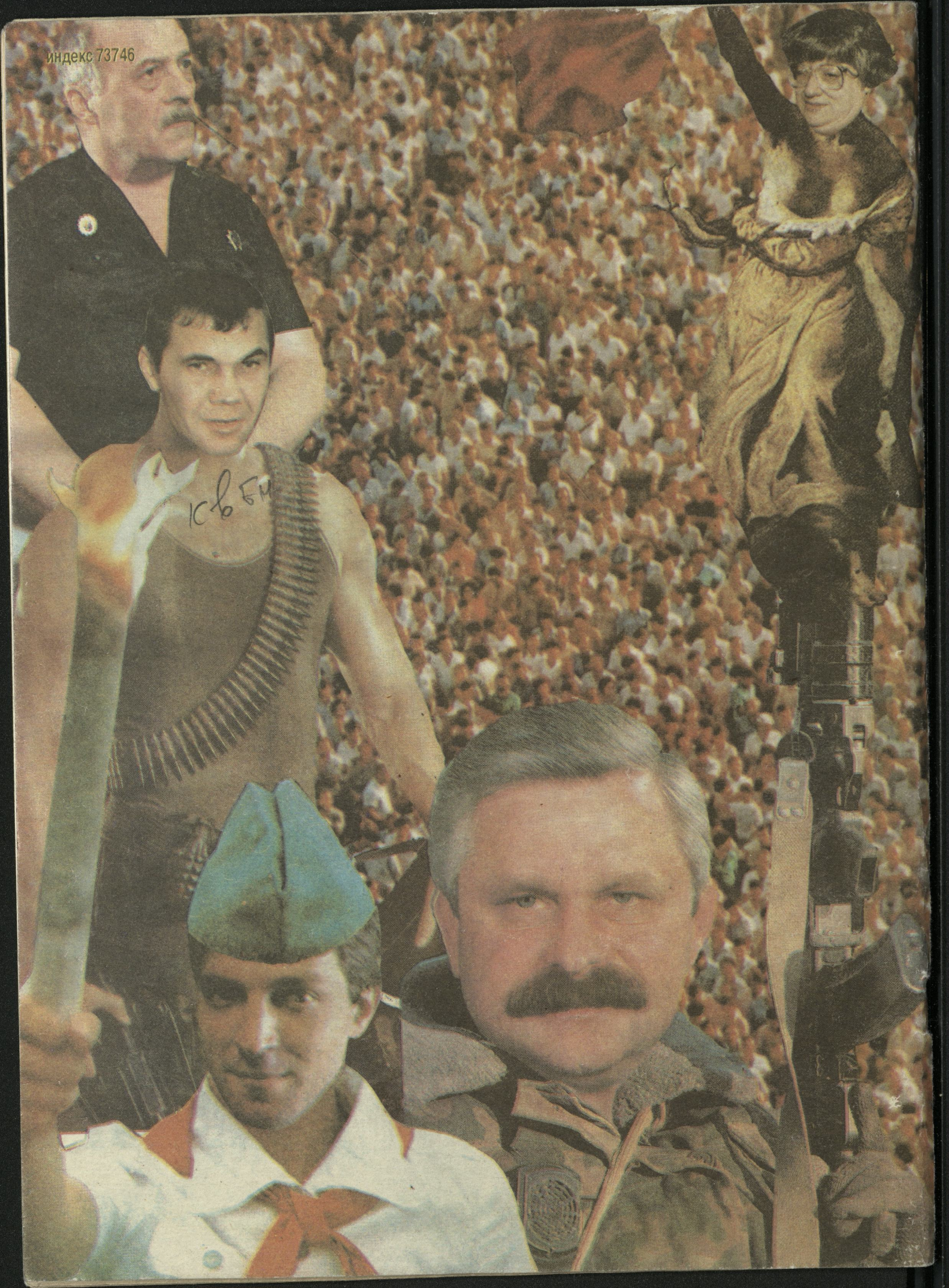
ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

Вадим Кирпиченко, бывший первый заместитель начальника ПГУ КГБ СССР, «пережил» пятерых руководителей внешней разведки. Теперь консультирует шестого...

Экономист **Евгений Ясин**: «Мы, кажется, вырвались из западни...»

Отрывок из нового авантюрного романа **Эдуарда Тополя** «Любо-жид».

Дж. Б. Гаулли. Рождество Иоанна Крестителя

Тинторетто. Рождество Иоанна Крестителя

индекс 73746